ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№16 • 2016

Комсомольский актив Каневского района. Начало 1980-х годов.

Каневчане

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№16 • 2016

СОДЕРЖАНИЕ:

Колонка главного редактора

Владимир САЯПИН
Вступительное слово 3

Приёмная администрации

Александр ГЕРАСИМЕНКО
Слово главы
Каневского района 4

Владимир РЕПИН
Слово главы Каневского
сельского поселения 5

Нас читают

Лариса ЯКИМЕНКО
Отзывы наших читателей 8

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ

Николай ЛЕМИШ
Шесть площадей: времена и судьбы.
Северная площадь 12

Валентин ЦВЕТКОВ
Первая электростанция 22

Виктор АНДРЮЩЕНКО
Народное образование 26

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ

Владимир САЯПИН
Живёт семья такая на Кубани… 34

Зоя СИЗОВА
«Пока жива душа народа,
жив и сам народ» 37

Андрей ЛЯХ
Родная хата. Рассказ 40

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Валерий КОСТРОВ
Каневская, июнь 1941 года 46

Ноха СУЛТХАНОВ
Мы за ценой не постояли
(продолжение) 48

Александр ДЕЙНЕВИЧ
Из одного металла льют… 54

СТАНИЦА В ЛИЦАХ

Владимир САЛЬНИКОВ
Евгений Тищенко: «Всегда помню
о родном доме и каневчанах!» 66

Владимир ХУДЕНКО
Жизнь прожить… 70

Елена БУТЕНКО
Рассохина Ольга Васильевна.
Женский доктор –
семейный хранитель 72

Валерий ДАУРОВ
Он стоял у истоков... 74

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Владимир САЯПИН
Матч века 78
Стихи 80

Василий МАКУХИН
Переселенцы (продолжение) 84

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО
Вечерница. Рассказ 94
Дарьюшка. Рассказ 95

Николай ЛЕМИШ
Стрелы Эрота 96

Зоя СИЗОВА
Стихи 103

Андрей ЛЯХ
Дидовы побрэхэньки 104

Татьяна КУН
Встреча через 40 лет 108
Осенний дождь. Стихотворение 114

ВЕРА МОЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

Василий МАКУХИН
Страница из истории
станицы Стародеревянковской 116

С Новым годом!

Лариса ЯКИМЕНКО
Поздравления из разных времён
(из истории открытки) 118

Васильки

В чистом поле, у чистой реки,
Согревая мне душу и сердце,
Каждым летом цветут васильки –
Синеокие други из детства,

Той далёкой и светлой поры,
Где дождь пел, словно нежные струны.
Были люди тогда все добры,
И отец были с мамою юны.

Пролетели, как птицы, года,
Стали мы и грубей, и черствее,
Потускнела в речушке вода...
Васильки лишь, как в детстве, синеют,

И всё так же плывут облака,
Словно в детстве, зовя за собою,
И я прячу лицо в васильках,
Только с ними делясь своей болью.

Даже в самые чёрные дни,
Когда прахом идёт сокровенное,
Бесконечно верны мне они
И всегда рады мне неизменно.

Всяк бывало, обида и боль
Обжигали и душу, и сердце,
Только здесь лишь я мог быть собой,
Горе выплакав тайно, как в детстве.

Мои думы грустны и легки,
С мыслью этой придётся обвыкнуть:
Зацветут как-то вновь васильки,
Только я не приеду, увы , к ним;

Будет в речке всё та же вода,
И всё те же стрижи над водою –
То, что всё в срок уйдёт навсегда,
Не считать, братцы, в общем, бедою...

Не хочу я гадать наперёд,
Вы потом всё увидите сами:
День наступит – к вам мальчик придёт
С голубыми, как небо, глазами;

Может быть, чем-то схожий со мной,
А, скорее, и вовсе несхожий.
Ты родство васильков с пацаном
Охрани от всего, Святый Боже...

Владимир САЯПИН.

Вот и зима робко-робко поцарапалась в дверь, как кошка неизвестно где гулявшая столько времени. Выпал первый снег, ярко вспыхнули гроздья калины. Звёзды по вечерам стали холодными, яркими, недружелюбными. Замёрзли последние хризантемы… Осень из рук в руки передала эстафетную палочку зиме…

Возле вокзала, в автомобиле ОН и ОНА. Каждый смотрит в своё окно глазами большого ребёнка, впервые столкнувшегося с взрослой жестокостью и несправедливостью. Здесь, на этом вокзале, сорок лет назад они разъезжались поступать в свои города, стояли обнявшись, не в силах расцепить рук… В ушах ещё звенел выпускной, а жизнь сразу же подкинула необходимость решать: « А дальше как?» Первая любовь, первое взрослое решение.

И вот, закончены ВУЗы, отписаны письма, редкие встречи на каникулах… Созданы семьи, прожив в которых они так и не смогли отделаться от сознания того, что САМОЕ светлое они сгубили. Так и жили всю жизнь, любя в глубине души лишь друг друга. Она изредка приезжала к маме, очень редко, но этих встреч хватало, чтобы теплящийся в душах их огонёк не гас, тлел тёплым чувством. Уже седые, в годах, они всегда трогательно встречались, с грустью замечая изменения и хвори. Эти встречи и изредка телефонные звонки были смыслом их маленькой тайны, позволявшей им все эти сорок лет жить ожиданием этих редких встреч.

И вот ЕЁ мама умерла… Похороны, поминки – всё «справлено» должным образом и …и, ничего ЕЁ больше с этой землёй не связывает. Кроме того, что ней остаётся ОН. Теперь уже навсегда без НЕЁ. Ему никогда и ни по какому поводу не попасть в её городишко на другом краю страны, ЕЙ не к кому ехать сюда. И сознание этой назревшей реальности леденит их души. Сколько песен написано на эту тему, и «Пол часа до рейса», и «Сиреневый туман», и «Я тебя никогда не забуду…». А вот случилось, и сидят эти два немолодых человека, невидящим взглядом смотрят в разные стороны, а судьба неумолимо и деловито, как палач на рассвете, вершит своё дело… «Ещё один звонок и смолкнет шум вокзала…»

А людям вокруг – не до них. Все заняты предновогодними заботами. Каневчане продолжают гордиться тем, что их Каневская – самая большая станица в мире и тем, что наш земляк, Женя Тищенко всем, кому полагалось, отвесил с правой и с левой в РИО, завоевав первую для Каневской золотую Олимпийскую медаль, радуются, что заканчивается этот тяжёлый високосный год. Зима робко вступает в свои права. По утрам уже морозно и только к обеду заглядывает, прощаясь, солнце. Грусть и умиротворение во всём…

А ОН и ОНА стоят на перроне, сжав, как и сорок лет назад, руки друг друга, не в силах насмотреться друг на друга в последний раз.

Главный редактор
Владимир САЯПИН.

Каневчане 2016

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№16 • 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
САЯПИН Владимир Юрьевич,
член Союза журналистов России
тел. +7 (918) 977-79-29
e-mail: sayapin-58@mail.ru

Зам. главного редактора –
КУН Татьяна Гавриловна

АКОПОВ Джон Суренович,
член Союза журналистов России

ЗОРИНА Ольга Сергеевна,
член Союза журналистов России

КОСТРОВ Валерий Павлович,
член Союза журналистов России

ЛЕМИШ Николай Фёдорович

СИЗОВА Зоя Алексеевна

ЦВЕТКОВ Валентин Александрович,
член Союза журналистов России

Компьютерная вёрстка и дизайн –
Андрей НИКИФОРОВ

Фотографии:
Михаил МОРГУН
Валентин ЦВЕТКОВ
Андрей НИКИФОРОВ

Учредитель:
Администрация Каневского сельского округа

Издатель:
Творческий коллектив журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Кубанское полиграфическое объединение»

Ст. Каневская,
ул. Черноморская, 21
Заказ №
Тираж 999 экз.

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

Подходит к концу очередной год. Во многом он был сложным из-за нестабильной экономической и политической ситуации в мире. Несмотря на это, мы продолжаем стремиться к лучшему будущему, совершая по пути к намеченной цели всё новые и новые победы. И муниципалитету в этом отношении есть, чем гордиться. Это и высокие показатели, которых достигли наши хлеборобы, собрав солидный урожай. Это и победы наших учащихся в различных творческих конкурсах, спортивных соревнованиях и интеллектуальных состязаниях.

Как гласит народная мудрость, у народа, который не помнит своего прошлого, нет и будущего. В этом отношении журнал «Каневчане» выполняет очень важную функцию. Здесь собраны материалы о нашем героическом прошлом. Здесь ведётся летопись казачьей старины, рассказывается о тех, кто стоял у истоков основания нашей станицы, района. На страницах «Каневчан» и ценнейшие воспоминания тех, кто пережил Великую Отечественную войну вместе со всеми её тяготами и лишениями. Здесь собраны уникальные фотографии нашей общей истории. Это позволит нашим потомкам окунуться в прошлое, воссоздать правдивую картину того, как жили их предшественники.

Кроме того, журнал является площадкой для реализации творческого потенциала известных в районе поэтов, воспевающих любовь к нашей каневской земле.

Всё это стало достоянием каневчан благодаря кропотливому труду историков, краеведов, писателей и журналистов района, которые сумели собрать по крупицам информацию из различных источников.

Журнал «Каневчане» - это не только материалы о прошлом, но и о нашем настоящем. К примеру, о самом молодом почётном гражданине Каневского района Евгении Тищенко. В условиях жесточайшей конкуренции, прессинга в отношении российских спортсменов на Олимпийских Играх в Рио-де-Жанейро наш земляк Евгений стал олимпийским чемпионом.

Я уверен, что еще не одной победой наших земляков мы будем гордиться. Для становления будущих чемпионов в различных сферах, приносящих славу району, мы постараемся создать все условия.

Всем каневчанам желаю мира и добра, благополучия в семьях, уюта в домах, счастья и здоровья.

С уважением
глава Каневского района
Александр Герасименко.

ДОРОГИЕ КАНЕВЧАНЕ!

Канул в Лету ещё один год, 2016-й. Этот високосный год в ряду прошедших запомнится неординарностью своих событий. Беспрецедентно жаркое лето, накал событий на международной арене – всё это не способствовало яркому оптимистичному настрою.

К тому же, как всегда, високосный год отметился уходом ярких личностей. Ушёл из жизни много сделавший в своё время для расцвета и укрепления позиций Каневского района первый секретарь райкома КПСС П.П. Чубов, умер кардиолог А.Ф. Каюров – о них на страницах «Каневчан» в рубрике «Каневская в лицах» было сказано много доброго. Многие в прошлом и настоящем легендарные люди района ушли от нас в этом году.

Казалось, конца не будет этому негативу. Но нет! Становится олимпийским чемпионом наш земляк Е. Тищенко, в новый состав Государственной Думы выбран наш депутат Боева Н.Д. Собран неплохой урожай, избран не самый неприемлемый для России президент США. Не всё плохо! Надо только, чтобы в череде серых будней всё чаще мелькали светлые дни – и сразу душа наполняется оптимизмом, уверенностью в будущем.

Уходят последние дни этого года и верится, что грядущий, новый год принесёт только хорошее нам, каневчанам.

Переживём ожидаемую суровую зиму, наступит весна, вернутся птицы, расцветут сады... Будут бегать и смеяться в парке у фонтана дети.

В конце этого года ряд событий как районного, так и государственного масштаба дают повод надеяться на то, что пришло время перевести дыхание, с оптимизмом, а не с тревогой посмотреть в будущее. Всё будет ХОРОШО!

Счастья в новом, 2017-ом году, дорогие земляки, здоровья и удачи! Пусть ваш дом будет полной чашей, живы ваши близкие и родные. С Новым годом!

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.

Каневчане
Каневчане
1-2 1996
Историко-литературный журнал
Каневчане
Историко-литературный журнал
Осень, 1996, № 3
1794 1996
С Днем рождения, родная станица
Каневчане
1996 · № 4 · ЗИМА
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Каневчане
1998 год
Историко-литературный альманах
Каневчане
ВЕСНА 2009 год
Каневчане
75 лет Каневскому району • Кубань 1999 • № 6-7
Нас читают
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№9
ОСЕНЬ 2010 ГОДА
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№10
ВЕСНА 2012 ГО
ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№11 • 2013
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
2010
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№12 • 201
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№13 • 2014
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№14 • 2015
С 70-летием Победы!
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Каневчане
№15 • 2015
Журналу 20 лет
1995 – 2015

Ведущая рубрики Лариса ЯКИМЕНКО

* * *

Выпуск историко-литературного альманаха «Каневчане» – необыкновенно насыщенный, как по содержанию, так и по оформлению. Он был подготовлен и выпущен в 1996 году. Это журнал для каневчан и о каневчанах, но, думается, его любили и ждали и за пределами Каневского района. Он знакомит читателей с краеведческими исследованиями и творчеством их земляков.

Особенный интерес вызывает историческая часть альманаха.

В рубрике «Горькая память войны» публикации Валентины Тишаковой, Ивана Будилова посвящены Великой Отечественной войне. Наверное, впервые в таком объёме предстаёт история Второй мировой войны – в ярких эпизодах мужества и героизма, в тяжком труде каневских ветеранов. Именно этим неустанным трудом приближали они долгожданный День Победы.

В рубриках «Летопись каневской старины», «Казацькому роду нэма пэрэводу» авторы Фёдор Сидоренко, Валентин Цветков, Виктор Андрющенко, Николай Лемиш, Елена Марченко повествуют о ратных подвигах казаков, о земляках, награждённых Георгиевскими крестами, о гражданской войне и репрессиях, тем самым возрождая историю казачества, его судьбу на страницах журнала «Каневчане».

Многим известны фамилии местных авторов, художественную прозу, публицистику и стихи которых представляет творческое объединение «Родник». Но есть и дебютанты. В «Пробе пера» опубликованы стихи Елены Важинской, фармацевта. Прекрасный слог её произведений, умиротворённый «верою в лучшее будущее», полон оптимизма.

Среди уже знакомых и любимых каневчанами авторов, представленных в этом номере историко-литературным объединением «Родник», – Валерий Лукьянов, Владимир Саяпин, Анатолий Иванов, Сергей Антипин, Юрий Бардин, Владимир Тощев, Николай Галактионов. Необычайно интересны лирические миниатюры, где природные инстинкты показывают всё своё богатство и украшают каждую строку. Литературно-музыкальная композиция «Твой, Россия, любимый поэт...», посвящённая 100-летию со дня рождения Есенина, увлекает читателя, повествуя о есенинской судьбе, сравнимой с «громкой песней на лугу».

Порадовало, что в выпуске альманаха автор Елена Марченко уделила внимание теме Православия. В общем-то, так и должно быть – без Православной Веры немыслима история края, заселённого казаками, сначала «ставившими церкви, а уж потом – жилые хаты».

В числе передовых публикаций номера – «Рождество Христово в народных обычаях на Кубани», «Вернётся ли старинная казачья свадьба?» Здесь рассматриваются вопросы отношения к прежним традициям и обрядам, воссоздаётся представление о старинном укладе казачьей жизни в сравнении с современным культурным обиходом казачества.

Внимания заслуживает документальный очерк «На новые места». Автор напомнил, что и на Кубани казаки сохранили память о вольной жизни, дав своим поселениям названия прежних запорожских куреней. Ответим же ему благодарностью за столь важный документ, представляющий историческую ценность перед лицом времени, а всем остальным авторам этого удивительного историко-литературного альманаха – от души спасибо.

О.А. ТЮТРИНА,
методист Центральной
городской библиотеки,
г. Усолье-Сибирское (Прибайкалье).

* * *

Ваш журнал читаю с удовольствием. В первую очередь – о переселенцах на Кубани. Читала два раза. Очень, очень понравилось. Отзывы о журнале впечатляют. Спасибо за мои опубликованные письмо и стихотворение. Вот был сюрприз! Уважили. Поражает высокое качество издания. Тематика очень близка, я ведь уроженка Кубани.

И.И. ЖИХАРЕВА,
Дарьинская сельская библиотека,
Тверская область.

* * *

Журнал «Каневчане» мы с большим удовольствием прочитали все. Теперь он занял своё место среди периодических изданий в читальном зале. Перелистывая страницы журнала, понимаешь, как люди любят свою станицу, какие они талантливые. Каневчане, молодцы!

М.М. РУМЯНЦЕВА,
директор Ветлужской библиотеки,
Нижегородская область.

* * *

Спасибо за альманах. Я поняла, что вы собираете отзывы о вашем издании. Безусловно, цены нет этому журналу. Ваш альманах мог бы послужить примером для нас, но у нас никогда не появится такой возможности.

Т.П. МОХОВА,
директор Арбажского краеведческого
музея, Кировская область.

* * *

Мне бы хотелось побольше узнать о вашей красивой земле и очень интересной истории! Когда читала о судьбе переселенцев, аж дух захватывало. И очень расстроилась, увидев слова «Продолжение следует».

Сразу в голове возникло: «И так всегда, на самом интересном месте!» И стихи у ваших соотечественников особенные, со смыслом. Их хочется читать, ими вдохновляться. Я буду очень рада, если наше с Вами общение продолжится.

А.В. ЮДКИНА,
научный сотрудник Канского краеведческого музея,
Красноярский край.

* * *

Я познакомилась с замечательным историко-литературным журналом «Каневчане». С удовольствием прочитала от корки до корки. Очень понравилась подборка стихов авторов объединения «Родник». Прекрасные стихи о природе и Родине, о войне и любви. Красивые, проникновенные строчки трогают за душу. Стихотворения Евгении Надейкиной просто перенесли в лето.

Не оставила меня равнодушной рубрика «Горькая память войны». Эта тема – вечная, и нельзя допустить, чтобы память о войне канула в Лету. Особенно важно рассказывать о том времени детям и молодёжи, и материалы журнала очень помогут в этом. Очень понравились «Военные были» Ивана Будилова. Каждый рассказ – отдельная история. И именно военные мелодрамы помогают увидеть те годы своими глазами.

Но особенное впечатление на меня произвели материалы рубрики «Летопись каневской старины». С удовольствием прочитала главы из исторической повести «Судьбы казачества». Вы можете спросить, почему нас, жителей далёкой Сибири, интересует история казачества. А всё очень просто, надо только обратиться к истории моего родного посёлка.

Первое упоминание о селе Калтук относится к 1723 году. В это время на реке Калтук поставлено два двора, и названо то место – Калтуцка. А основателями были казаки, осваивавшие Сибирь. Вот поэтому и близка нам история и судьба казачества. Любят у нас и песни казаков.

С огромным интересом прочла материал «Вернётся ли старинная казачья свадьба?», автор Николай Лемиш. Много интересных исторических фактов я узнала, народных обычаев и примет. И как радостно, что есть люди, сохранившие и передавшие нам эту информацию. Это имеет огромное значение для молодёжи, ведь, не зная традиций старших поколений, нельзя стать настоящим патриотом своей Родины.

Журнал мне очень понравился. Здесь каждый может найти для себя интересную информацию. Хочется выразить издателям огромную благодарность за сохранение народной культуры. Благодарю за обстоятельный автограф Николая Фёдоровича Лемиша. Желаю вам дальнейших творческих успехов.

Е.В. ШИБАНОВА,
библиотекарь Калтукской сельской библиотеки, Иркутская область.

* * *

Альманах поразил меня своей основательностью. Видно, что его делают с любовью и интересом.

К сожалению, я никогда не бывала на Кубани, знакома с ней только по кинофильмам. Тем интереснее было читать об этой земле. Самое большое впечатление произвели воспоминания жителей о жизни в станице в прежние времена. Так и видишь за их рассказами лица, слышишь голоса... Революция, голод, война – это не может не волновать.

Статьи об истории казачества показывают, что это не просто общество людей, живущих в одном месте, – у них особое мироощущение, свои обычаи, своя память.

А рассказы об отдельных людях помогают увидеть в общей истории живую индивидуальность. Только так, видимо, и сохраняется в памяти история: «от общего – к частному, и наоборот». Я думаю, что самим станичникам это очень интересно. Так появляется ощущение, понимание, что ты – частица чего-то большого, важного.

Я с большим удовольствием прочитала литературные странички. Рассказы и стихи как нельзя лучше раскрывают душу жителей станицы. Понимаешь, что их волнуют такие же проблемы, что и нас. Рассказ Ольги Сергань «Дина» поразил непосредственностью, так же и стихи; особенно интересно стихотворение «Здравствуй, мама», хороши стихи о природе.

Материалы, помещённые на страницах альманаха, отражают своеобразие жизни в станице. Ведь сейчас пропадает своеобразие: всё кругом одинаковое, особенно в больших городах. А хочется, чтобы люди ценили свои особенности, неповторимость и гордились ими. И задача краеведов – сохранить всё это и донести до людей.

Видна большая работа редактора В. Саяпина при подборе и оформлении материалов. Поэтому альманах и читается с интересом.

Больших успехов вам в работе, новых интересных материалов и авторов!

Л.Б. СТЕПАНОВА,
краевед библиотеки санатория г. Волоколамска (Московская область).

* * *

Ваш журнал был зарегистрирован в музейной библиотеке под инвентарным номером 5628/38.

В целом он очень интересно оформлен, несёт много полезной и интересной информации не только для жителей станицы Каневской, но и для всех жителей России.

Ваш журнал сумел объединить в себе различных представителей культуры: поэтов, фотографов, историков, художников. Наш музей особенно заинтересовали исторические статьи и справки о зарождении станицы Каневской и развитии казачества на Кубани.

Как историков нас больше всего заинтересовали ссылки на исторические документы. Их мы увидели в рубрике «Каневская старина».

Из исторических публикаций нас очень заинтересовали статьи о развитии станицы Каневской и становлении казачества в Краснодарском крае: материал Фёдора Сидоренко «Судьба казачества» («На новые места», «Вынужденное переселение», «На дне океана?», «Первая перепись казаков», «Почта наших предков», «Наймиты»). Очень понравились разделы «Казачий фольклор», «Истоки», «Обряды», «Сохрани песню».

Наш город начинает своё существование с закладки рудника на Змеиной горе в 1736 году. С того далёкого времени по сегодняшние дни продолжается летопись Змеевых гор, но основные значимые события происходят в XVIII–XIX веках. В это время в наших краях тоже присутствуют казаки. Есть поселения, основанные казаками. Нам интересно сравнить быт, фольклор, описание казаков того времени.

Спасибо вам, что заинтересовались нашим городом и рудником. Спасибо вам за предоставленный альманах «Каневчане» и возможность ознакомления с вашей историей.

Мы надеемся на дальнейшее с вами сотрудничество и возможность изучать Кубанское казачество – его нравы и быт, его историю. С уважением,

П.П. ВАГНЕР,
директор музея истории развития горного производства имени Акинфия Демидова,
г. Змеиногорск, Алтайский край.

* * *

Пишу об альманахе №9 2010 года. Прекрасная обложка, просто ренуаровские краски в изображённой природе.

Удивительная «Сказка о бессмертии» Ольги Зориной впечатляет, заставляет задуматься о вечном, как библейская притча. А какой лёгкий язык, речь льётся быстрой струйкой воды.

Потрясающий рассказ «История любви» написала Жанна Омельченко. Житейская история превратилась в настоящий гимн любви. Герои рассказа действительно сумели «выстроить счастье».

Грустен рассказ Николая Лемиша «Смертельная обида». Как легко глупым поступком разрушить человеческую жизнь и в итоге потерять свою, подвергшись мести. Да и мстящий несчастен – не было в его жизни покоя, душу жгло чувство мести. Страшная штука – месть.

До слёз трогает рассказ-быль Владимира Саяпина «Полковник». Сколько злых ошибок совершила государственная машина, сколько судеб переломала. А опиралась она на подлость и предательство людское. И не только чужих людей, но и – о, ужас! – родных.

Как заклинание, как крик отчаяния и совести звучат строки рассказа: «Простите нас все, кто завоевал нам Победу! Простите за тех недорослей, которые ничего о войне не знают и знать не хотят!» А чтобы всё-таки знали, для этого и существует ваш журнал с неизменной рубрикой «Горькая память войны». Вечная память Победителям и здоровья всем, кто о них помнит и пишет.

Статья Валерия Кострова «Символ примирения» о новоминском казаке Тимофее Ящике, о его удивительной судьбе и верности воинской присяге, получила в августе 2015 года Диплом II степени IV Международного творческого конкурса «Патриот Отечества» в нашем селе Осташёве, где до 1918 года находилась усадьба великого князя Константина Константиновича Романова.

В строках статьи Валерия Кострова – гордость за земляка, как и в очерке Ларисы Якименко о народной актрисе России Людмиле Зайцевой. Для автора она не просто «королева отечественного кино», но, в первую очередь, землячка, которой гордятся, которую любят.

Как всегда с удовольствием и интересом читала краеведческие материалы Виктора Андрющенко об играх кубанских детей (перекликаются со знакомыми русскими), о гаданиях в рождественские праздники, об одежде кубанских казаков. Очень познавательные материалы. А публикации раздела «Летопись каневской старины» подтверждают мысль Валерия Хачанова, высказанную в статье «Язык символов космического разума»: «Каждый человек, живущий на Земле, – это раскрытая книга жизни».

Желаю успеха всем авторам, пишущим эту книгу.

Н.А. ТИШАКОВА,
с. Осташёво, Московская область.

* * *

Журнал №13 2013 года действительно сильно изменился внешне, по сравнению с №№ 1–2 1996 года. Этот номер выполнен куда солидней, чем предыдущие, полученные в музее, стал интереснее и краше.

Очень порадовали старые фотографии. На новых фотографиях понравились казачата и казаки. Сейчас редко увидишь на казаках, как положено, на всех одинаковую форму одного казачьего округа. Многие носят, что попало. А на Кубани – это действительно красиво. Прямо ностальгия. Главное, чтобы и в душе казаки оставались такими же, как наши прадеды.

Спасибо вам за внимание. От души желаем вам всего самого хорошего. Чтобы вы поймали свою «золотую рыбку», и она осуществила все ваши мечты.

Ну, а самое главное, желаем вам здоровья, а вашему журналу – процветания. Спасибо!

Аркадий КОНДРАТЕНКО,
научный сотрудник Змеиногорского музея истории развития горного производства имени Акинфия Демидова, уроженец г. Тимашевска Краснодарского края.

Летопись
каневской
старины

Николай ЛЕМИШ

Шесть площадей: времена и судьбы
СЕВЕРНАЯ ПЛОЩАДЬ

Продолжение. Начало в №№ 12, 13, 15.

Предисловие

У каждой из шести площадей станицы Каневской есть своя история. В ней отразились войны, революция, смена эпох, общественно-экономических формаций и даже общественных устоев. У площадей, как и у людей, есть молодость, или становление, возмужание, зрелость и старение. Но, в отличие от нас, любая из них может заново, буквально с чистого листа, написать свою новую летопись.

Прошлое всех станичных площадей дорого нам тем, что сквозь годы мы видим и осязаем, прежде всего, сегодняшний день. По ним наши отцы, матери, деды и прадеды бегали босиком, ходили в школы. С ними мужали, уходили на войну, а вернувшись, шли к любимой площади, школе, церкви.

Нельзя не заметить, что по предыдущим публикациям неким рефреном проходит и судьба каневских школ, а в целом – образования жителей. Я хорошо помню рассказы стариков о том, как до революции и после неё была престижна профессия учителя.

Нередко зрелый казак, не знавший в жизни ничего, кроме войн да изнурительного труда, волнуясь и сцепив натруженные руки, признавался в кругу друзей: «Маю я думку, вывчить мэньшого сына на вчитыля, ны пожалию для цього ны труда, ны сыл. Грамотному чоловику лэгко в жизни. Хай вин станэ вылыким чоловиком... Хай вче дитэй». Вот и строили казаки школы, нередко с размахом, не жалея сил и денег. А рядом – церковь.

Изучая историю меценатства, я заметил характерную для дореволюционного времени закономерность. Если школа строилась на деньги жертвователей из числа состоятельных станичников, этому сопутствовали размах и особое состояние дел, когда украсть считалось большим преступлением. Именно таким был сценарий строительства школы на Северной площади, а за ней – трёхпрестольного храма.

Курганы и глинища

Расположенная на окраине станицы, Северная площадь застраивалась далеко не в первую очередь. К тому же на её территории возвышались два кургана – большой и малый. По утверждениям историков, это следы сарматской культуры, родственной скифам. Особой пользы от курганов станичники не ощущали. Например, огороды жителей улицы Рясной выходили на малый курган. Но время, когда деятельность людей решит судьбу наследия древних племён, ещё не пришло. Так и ждали степные исполины своего рокового часа.

Каневчане меж тем заприметили неглубокое расположение у края площади слоя хорошей красной глины, вот и проходили по переулку Школьному так называемые глинища. Красная глина являлась важнейшим материалом в казачьем хозяйстве, ведь стены хат и домов в степной зоне делали из земляного кирпича (самана) и большого количества глины. Она же была хороша для изготовления глиняного кирпича: из него клали печи, а затем такой кирпич обжигался уже в процессе топки. Стоил этот стройматериал дорого, поэтому приобретали его, в основном, богатые люди.

Разработка глиняного карьера велась примитивно – методом рытья горизонтальных штолен, напоминавших норы. Поскольку крепёж, необходимый для таких пещер, не ставился, иногда случались несчастья. Под завалами периодически гибли старатели, увлёкшиеся процессом добычи «дужэ ловкой глыны». Вообще глинищ в станице и за её пределами насчитывалось несколько, поэтому несчастных случаев хватало. На Северной площади они случались даже в предвоенное время. Не это ли породило слухи о неизвестном кладбище?

Третий храм

Предреволюционная история площади получила особое развитие после начала реализации идеи о строительстве на ней третьего станичного храма. Она давно витала в воздухе, но не хватало денег: строились Покровский храм, двухклассное училище и школа для иногородних.

Однако события торопило то, что храм Сошествия Святого Духа на Апостолов, построенный в 1828 году, давно уже не вмещал всех верующих. Станица разрасталась быстрыми темпами, и вряд ли Свято-Покровский храм, небольшой по вместимости, мог решить проблему. А тут ещё жители групп кварталов, именовавшихся «Бакай», «Ляпана» и «Солона», уже не раз поднимали на сходах вопрос о «своём» храме. Власть, как могла, пыталась его откладывать.

Ситуация сдвинулась с мёртвой точки после того как к делу подключились именитые станичники, а в их числе и самые богатые купцы – Богомоловы. Под большой процент в Ростовский банк положили деньги. Круг жертвователей меж тем расширялся.

В 1910 году на казачьем сходе наконец-то решили начать строительство школы и храма. Приоритет отдали школе – её начали строить в тот же год.

Остаётся только удивляться расторопности наших предков, сумевших за короткое время заготовить на храм 4 млн. штук обожжённого красного кирпича. Можно лишь предполагать, что подготовка началась задолго до схода – даже сегодня выпуск кирпича в таких объёмах по плечу только высокомеханизированным заводам.

Здание школы строили с размахом. Кирпичное, на высоком фундаменте, с большими светлыми окнами оно и сейчас, находясь рядом с СОШ № 3, впечатляет размерами, а тогда стало подлинным украшением площади.

До сих пор имеют право на существование две даты открытия школы: сентябрь 1913-го и сентябрь 1914 года. По моему мнению, вторая более вероятна. Дело в том, что весной 1914-го так и не состоялась закладка фундамента храма. Не исключено, что в тот период заканчивали школу.

А затем началу строительства храма, который обещал стать самым большим и красивым в станице, помешала Первая мировая война. Стало попросту не до этого. Таково роковое стечение обстоятельств.

Дополню, что при школе посадили сад и построили большой бассейн для сбора дождевой (доброй) воды. А под зданием сделали большой подвал (спустя годы в нём оборудовали котельную).

Перед открытием нового учебного заведения состоялся молебен. Школу освятили, пожелав ей «долгая лета».

Школы – народу

В 2014 году каневская 3-я школа отметила вековой юбилей. А когда её только открывали, на должность директора казачьего училища для мальчиков пригласили уроженца станицы Батуринской, выпускника Екатеринодарской учительской семинарии по фамилии Савченко. Вопреки традиции школа получила статус не церковно-приходской, а одноклассного училища.

Но молодой учитель из казачьего сословия недолго заведовал учебным заведением. В 1915 году его взяли в армию, скорее всего, вольноопределяющимся – фактически кандидатом на офицерский чин (к тому времени на германском фронте серьёзно ощущалась нехватка грамотных офицеров).

После ухода Савченко до осени 1917-го школой руководил Михаил Афанасьевич Тыщенко. Затем его сменил учитель Гавриил Поликарпович Иваненко – очень грамотный, хорошо образованный специалист из иногородней семьи лесоторговцев, державших в Каневской торговлю лесоматериалами.

На долю школы и её очередного заведующего выпали не только революция, но и

Гражданская война. Во многие семьи пришло сиротство, жизнь оскудела, но всё равно через площадь, поросшую бурьяном, в разных направлениях простирались протоптанные тропки, и некоторые из них вели в школу.

В годы Гражданской войны на краю площади находилось множество штабелей красного кирпича с проходами между ними в виде причудливых лабиринтов. Однажды несколько конных белогвардейцев попытались поймать пешего красного командира, забежавшего в эти «коридоры». У них ничего не вышло.

Несмотря на войны, около 4 млн. штук кирпича, который собирали на храм, благополучно сохранились до 1925 года. С этого времени Северная площадь открыла новую страницу своей истории.

Первые постановления советской власти напрямую коснулись народных школ: их отделили от Церкви. А постановление Всероссийского съезда работников просвещения положило начало единой трудовой школе с двухступенчатым сроком обучения: первая – с пятилетним, вторая – с четырёхлетним. Девятилетку того времени можно почти приравнять к сегодняшней средней школе.

В августе 1918-го бывшее одноклассное училище получает статус трудовой школы первой ступени. Теперь она доступна для детей из различных социальных групп станицы. Отныне запрещено преподавание Закона Божьего – идёт строительство светского государства. Не совсем понятно, что это такое, но оно, государство, смело берёт на себя ответственность за судьбу подрастающего поколения. Тем не менее, в Каневской ещё остаются некоторые из казачьих устоев.

Все планы ломает начавшаяся Гражданская война. В школе практически прекращаются занятия. Уже потом выяснится, что многие дети не получили даже начального образования.

Новый мир

После окончания «гражданки» стабильность в станицу вернулась не сразу – вокруг орудовали банды. Но мирная жизнь постепенно берёт своё. В школе полным ходом идут занятия; закладывается фундамент обучения и создания когорты специалистов, столь нужных молодому государству. В школе, получившей имя основателя советского государства Владимира Ильича Ленина, уже учатся будущие офицеры, учителя, врачи, агрономы, авиастроители. Ещё долгие-долгие годы её будут звать «ленинской».

А площадь… В её судьбе мало что изменилось. Новая власть не имела ни малейшей мысли вернуться к планам по строительству храма. Тем более, ещё в революцию экспроприировали все деньги в банках.

Затем началась НЭП с масштабными проектами. В 1924 году, сразу после образования Каневского района, ставится вопрос о строительстве электростанции в Каневской. Явление небывалое! Идею с энтузиазмом поддержали станичные комсомольцы.

В дело пошёл кирпич, пролежавший на Северной площади целых десять лет. За четыре года из него строят электростанцию, райбольницу, нардом, огромный по тем меркам сельмаг, две школы (в Каневской и Придорожной), а потом ещё небольшую пекарню и первую общественную баню. Но и это ещё не всё: строятся лубзавод и хлебоприёмный пункт.

Конечно, вряд ли на все эти объекты хватило только заготовленного на церковь кирпича. С трудом верится и в то, что возведение всех этих объектов вместилось в четырёхгодичный промежуток, однако, темпы строек НЭПа поражают.

Улиц имена

В 1928 году в школе насчитывалось 158 детей, что свидетельствует о предельной наполняемости её классов. Но период взлёта снова сменился падением.

Коллективизация... Наступили трудные времена. Школьников снова стало меньше. Многие зажиточные семьи отправлены в ссылку.

По-прежнему очень высок авторитет заведующего школой Гавриила Поликарповича Иваненко – человека удивительного обаяния, культуры, учителя с большой буквы. Ещё в начале 20-х годов местная власть поручила ему придумать названия каневским улицам. У вас может возникнуть вопрос: «А как же они назывались раньше?» Очень просто – кварталы именовали по группам: Мыгрынка, Бакай, Солона и так далее. Адреса на письмах выглядели примерно так: «Мыгрынка. Грыню Хвэдиру». Вот так почтальоны искали адресатов.

С подачи Иваненко утвердились названия школ имени Короленко, Шевченко, Пушкина, Герцена и Толстого (и только женская сохранила имя Гринченко – первого её учителя). В честь писателей и поэтов получили названия улицы Лермонтова, Пушкина, Герцена, Шевченко и Гоголя. Утвердились старинные названия: Рясная, Хуторская, Береговая, Степная, Длинная, Почтовая – всех не перечесть. Теперь уже сложно узнать, откуда взялись названия улиц Брюховецкой и Батуринской (возможно, в честь родной станицы первого директора школы Савченко). Черноморская названа в честь казаков, а Чипигинская – в память о кошевом атамане Захарии Чепеге.

В 1931 году Иваненко репрессировали. Для советской власти он оказался человеком не совсем удобным. Дело в том, что ещё до революции Гавриил Поликарпович принадлежал к негласно существовавшей в Каневской группе демократически настроенной интеллигенции. Руководил ею Иван Андреевич Оверя. После революции группа Овери, хотя

и сотрудничала с местной властью, занимаясь благотворительной и просветительской деятельностью, но расположением не пользовалась.

После гибели Овери на охоте жизнь директора Иваненко не заладилась: если в школе всё шло нормально, то в отношениях с новым руководством в 1929 году наступил кризис. А причиной тому стало увлечение Гавриила Поликарповича верховой ездой. Во время коллективизации станичный Совет посчитал наличие лошадей в личном хозяйстве учителя плохим примером для колхозников, которых лишили права держать этих животных.

Дирижёром в этом деле выступил Северо-Кавказский крайком ВКПБ, и в частности, его первый секретарь Шеболдаев. Иваненко, несмотря на его жалобы в Москву, раскулачили, экспроприировав дом и последнего коня. Он был освобождён от занимаемой должности и выслан из станицы (на более суровые меры власть не решилась).

Бывший директор нашёл приют в станице Петропавловской, где учительствовал до самой пенсии. В конце 60-х, уже пожилым, он вернулся в Каневскую.

Доля учителя

Всего год школу возглавлял Даниил Прохорович Олейник. А сменившему его Кириллу Алексеевичу Гриню выпала, пожалуй, самая тяжёлая доля. Да и не только ему.

Голодомор... Сегодня это всеобъемлющее понятие великого бедствия, выпавшего на долю кубанцев, для ангажированных историков и политиков – не более чем капитал, за счёт которого можно безбедно существовать многие годы. А люди, выжившие в то время, боролись до последнего не только за себя, но и за жизнь других. Их было большинство – тех, кто, исчерпав все силы и возможности, с достоинством умирал. Но находились и такие, кто в желании жить любой ценой опускались до каннибализма.

В голод Северная площадь, как и станица в целом, пребывала в запустении. Всё незаметнее становились тропинки к школе. Трудно приходилось Кириллу Гриню, заведовавшему ею в этот период: куда-то исчезали дети, ещё вчера сидевшие за партами. К некоторым он шёл домой, и того, что он видел, хватило ему до смертного часа. В хатах лежали мёртвые – и взрослые, и дети.

Учитель, как мог, спасал несчастных ребятишек. Ходил в райзо и районо, просил, требовал хоть каплю продуктов. Сам варил на школьном дворе жидкую «затирку», к которой приходили дети. Делил с ними учительский паёк – кусочек макухи, или пригоршню накопанных земляных орехов. Сердце Кирилла Алексеевича разрывалось от горя и страдания.

Не он один пытался спасать ребят, так поступали многие представители гуманной профессии.

Опять реформы

Весной 1933 года по распоряжению госорганов школе стали выделять продукты – немного, но для оставшихся в живых детей это было спасением. Имя спасителя – учитель. Позже, в тяжёлую годину, в войну, питомцы Гриня отдадут свой долг Родине, бывшей для них неласковой мачехой.

Уже 1 сентября 33-го в школу имени Ленина пришли дети, пережившие голод, рано повзрослевшие. Их звонкие голоса снова оживили недетский ландшафт. Жизнь возвращалась на круги своя. Время залечивало раны, но не горе потери родных и близких.

В 1934-ом государство в очередной раз обратило взор на школы. В СССР вводится новая структура народного образования. Её фундамент – три типа школ: начальная, неполная средняя и средняя. К 1940-му планировалось завершить переход на полное бесплатное образование. Начинает функционировать фабрично-заводское обучение (ФЗО).

В начале 30-х годов стране не хватало учителей начальных классов. В Каневской их начала готовить школа второй ступени имени Кирова (сейчас – районная гимназия); это были молодые кадры для начальных школ. Известно, что туда поступили и выпускники школы первой ступени имени Ленина.

37-ой: до и после

Наступил 1937 год – сложный и противоречивый. Мы знаем его как период репрессий, подозрений и доносов, но это и время созидания.

После ареста Кирилла Алексеевича Гриня на посту заведующего школой его сменил Фёдор Иванович Гречаный. В этом же году школа получает свой номер – 3, а также статус семилетки, то есть неполной средней. Заведующий становится директором.

Двумя годами ранее правительство пересмотрело отношение к казачеству. С 1936-го выходцев из бывших казачьих сословий снова призывают в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Северная площадь оживает, к ней как бы возвращается статус второго военного плаца, существовавшего до революции. Проводятся конные скачки. Колхозную молодёжь призывного возраста готовят в кавалерийские военные подразделения; здесь же проводят выездку лошадей, которых через систему госрезерва готовят для пополнения кавалерийских частей и артдивизионов.

Всем – ГТО!

В 1939-ом принят Закон «О всеобщей воинской обязанности», на основании которого юноши, окончившие полную среднюю школу, призываются в РККА с 18 лет (при всеобщем призывном цензе 19–20 лет). Для

лучшей подготовки к службе в семилетках вводится начальная военная подготовка.

На участке школы, расположенном близ школьной площадки, оборудуется простенький стадион, а чуть дальше – тир. Теперь не только юноши, но и девушки должны постигать азы военного дела. Кроме того, в молодёжной среде культивируются спорт, состязательность, сдача нормативов ГТО («Готов к труду и обороне»).

Появилась и общественная организация – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). По сути, она объединила спортивную и военную подготовку.

Без значков ВЛКСМ, ГТО и ОСОАВИАХИМА немыслим образ молодого успешного человека.

На пороге войны

В 1940 году 3-я школа сделала первый выпуск семиклассников. Словно корабль, она уверенно шла своим курсом под руководством директора Гречаного. Педагогический коллектив, сформированный Фёдором Ивановичем, добился значительных результатов.

Увеличилось и количество учеников, что даже привело к проблеме нехватки учебных классов. Выход нашли за счёт организации школьных филиалов в приспособленных для занятий зданиях; одно из них находилось по улице Черноморской рядом с известной старожилам баней.

Главной же оставалась школа на площади. Перед войной в окружении уже немолодого сада она выглядела весьма неплохо. От Черноморской к школе вела аллея, обсаженная деревьями (о ней вспоминают многие старожилы).

Можно сказать, что 40-й был благополучным годом, ничто не предвещало беды…

Битва в тылу

Во время войны один из главных законов страны выражался лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!». На фронт призвали большую часть взрослого мужского населения Каневской. Не подлежащие призыву, в том числе женщины, старики и подростки, строили оборонительные сооружения под Ростовом-на-Дону. Труд подростков активно использовался в промышленности и сельском хозяйстве.

Это осложнило работу учебных заведений. Однако, несмотря на обстоятельства, 1 сентября 1941 года двери 3-ей школы распахнулись для поредевшего числа учеников – особенно мало пришло семиклассников. Ушёл на фронт директор Фёдор Иванович Гречаный (известно, что он служил батальонным политруком и погиб героически).

Выпускники семилетки, не поступившие учиться, пошли в колхозы. На их плечи легла вся тяжесть труда, цена которому – горький хлеб войны. Битва за урожай велась на колхозных полях.

И снова плац

С первых дней войны стали востребованы некоторые станичные площади, в частности, Северная. Здесь проходили сборы резервистов, смотры конского поголовья, направляемого в военные части не только из системы госрезерва, но и из колхозов.

Более того, в 1941-ом Северной площади вернулось её первоначальное предназначение в качестве казачьего плаца. Дело в том, что в начале осени от Комитета обороны Краснодарского края поступило указание о формировании в исконно традиционных кубанских станицах кавалерийских эскадронов из числа мужчин, не подлежавших призыву по возрасту.

Большую часть лошадей выделили колхозы и совхозы, хотя в них было негусто с поголовьем. В сапожных и портняжных мастерских, именуемых артелями инвалидов, шили форму, сапоги и конскую упряжь. Не остались без дела и колхозные умельцы: кроме перечисленного, они делали сёдла и ковали холодное оружие. Из числа служивых казаков, воевавших в Империалистическую и Гражданскую войны, назначили инструкторов и командный состав.

Молодых казаков обучали пешему и конному строю, владению холодным и огнестрельным оружием. Пригодился школьный тир, находившийся на Северной площади, а местный рельеф как никакой другой подходил для выездки лошадей, скачек и джигитовки.

Уже зимой 1942-го, став вполне боеспособным подразделением, каневской эскадрон вошёл в состав 17-го Кубанского кавалерийского корпуса, после переименованного в 4-й Кубанский казачий кавалерийский корпус.

После отъезда казаков на фронт площадь вернулась в своё обычное состояние. Нерадостную картину несколько оживляла школа. Её директором тогда была Нина Ильинична Солонина.

«Новый порядок»

5 августа 1942 года фашисты без боя вошли в Каневскую. За 6 месяцев оккупации каневчане в полной мере ощутили весь ужас «нового порядка». Оставив немногочисленный гарнизон, немцы, по сути, отдали станицу на откуп своим бесславным союзникам – румынам. Бесцеремонность этой солдатни не знала предела.

Заняв под оккупационные учреждения здания, принадлежавшие до этого советским структурам, гитлеровцы добрались и до школ, превратив их в казармы. Румыны же обосновались на свежем воздухе, создав очаги произвола и поборов.

Для учеников школы имени Ленина новый учебный год так и не наступил. В школьном здании обосновались отделение комендатуры и общежитие. На улицу вышвырнули парты и учебные пособия.

В отличие от пособников, немцы вели себя сдержанно и деловито. У школы стояли машины и мотоциклы, часть техники размещалась в окрестных дворах. Ближе к улице Таманской обосновались румынские солдаты. «Грабь всех подряд» – вот девиз этих вояк. Даже немцы не скрывали своего презрения к ним, прикладываясь за провинности кулаками к небритым физиономиям «союзников». Но цивилизованные немцы совсем не собирались заботиться об образовании местных жителей. 3-я школа, как и многие другие, была закрыта; её разгромили, изуродовав заодно и пришкольный сад.

Потом, после освобождения района, будут посчитаны убытки от «хозяйствования» оккупантов. Не только материальные, но и куда более страшные. Не единожды Северная площадь была немым свидетелем, как мимо, на лубзавод, везли людей на расстрел.

Второй филиал

Северная площадь, а вместе с ней и школа имени Ленина начали динамично развиваться в послевоенный период. Точкой отсчёта можно назвать 1948 год. Директором школы стал тогда молодой учитель Фёдор Сидоренко, с чьим именем связан более чем 20-летний период школьной истории.

1 сентября 1952-го семилетка становится средней общеобразовательной школой. Статус её в таком качестве утверждён приказом Краснодарского краевого управления народного образования.

В 1953 году Фёдор Иванович решил рискнуть и построить ещё один школьный филиал – не очень большое саманное здание по улице Казачьей (первый, как известно, находился на Черноморской). Многое, начиная от изготовления самана, сделали родители при участии старшеклассников. Строительство носило характер народной стройки. Так, кстати, до конца 70-х в станице строили большинство домов – с помощью родственников, соседей и сослуживцев.

В 1956-ом Сидоренко занял пост второго секретаря Каневского райкома КПСС. Любимую школу он доверил достойному преемнику – Якову Егоровичу Жигунову. Работая в райкоме, экс-директор мечтал о строительстве нового школьного здания, которое позволило бы избавиться от занятий в две смены и беготни по филиалам. Но даже в начале 60-х годов это было неосуществимо.

В 1965-ом Сидоренко вновь вернулся в школу на пост директора и возглавлял педагогический коллектив до 1978 года. В общей сложности он руководил учебным заведением 21 год. Это был период созидания.

Фёдор Иванович известен и как историк-краевед, бережно сохранивший страницы прошлого Каневской и района. Его «Земля каневская» – настольная книга любителей местной истории.

Мирная традиция

В послевоенное время к Северной площади возвращается былая роль казачьего плаца. В Каневскую вернулись воины прославленного 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, традицией стало проведение скачек на 1 Мая, и лучшего места для них было не найти. По периметру площади заранее готовили скаковые полосы, тщательно взрыхлив землю, чтобы снизить травматизм. Готовили и полосы препятствий. Особая дань казачьим традициям – рубка лозы и джигитовка.

Скачек ждали с нетерпением. Жаль только, что в памяти каневчан сохранились не все имена казаков-кавалеристов, участников соревнований, но некоторых я назову. Это Кирилл Нелапшин, Иван Овчаренко, Иван Сокол, Пётр Лысенко, Василий Приворотний, Матвей Дрижжа, Алексей Каприз, а ещё Лазаренко и Савченко. Состав менялся, но неизменным командиром конных казаков был Григорий Васильевич Мосьпан, отслуживший кадровую в кавалерийских частях. О нём, о его конном искусстве до сих пор с теплотой вспоминают пожилые каневчане.

Местом проведения скачек Северная площадь оставалась до конца 50-х. Позже это великое действо стало угасать. А когда его не стало, долгие годы конная группа казаков-ветеранов 4-го Кубанского кавкорпуса открывала первомайские и ноябрьские демонстрации. Особо колоритной фигурой среди них был участник Империалистической войны, революции, Гражданской и Великой Отечественной войн Александр Иванович Жуков – энергичный и подтянутый мужчина с окладистой седой бородой.

Я лично был знаком с Матвеем Васильевичем Дрижжой, ярым лошадником. И в преклонном возрасте он продолжал трудиться в колхозе имени Калинина на пароконном транспортном средстве.

А Алексей Антонович Каприз году в 54–55-ом получил дорогой по тем временам приз – наручные часы – за то, что, помимо всех обязательных программ, обученный им жеребец прогарцевал в ритме вальса «Амурские волны», исполненного духовым оркестром. И движения те, действительно, очень напоминали танец.

Культурный досуг

С Северной площадью напрямую связано имя председателя колхоза имени Калинина (впоследствии «Колос») Вячеслава Павловича Миронова. Созданное в 1950 году на базе 11 мелких колхозов, хозяйство четыре года влачило полужалкое существование, сменив нескольких председателей. Миронов, которого вначале приняли с опаской, за несколько лет вывел его в разряд передовых. Сильный руководитель, умелый организатор, хороший психолог, обладавший ко всему феноменальной памятью, он сумел создать крепкий коллектив. Люди готовы были идти за ним. А как иначе, ведь он знал каждого колхозника по имени-отчеству, знал нужды.

Заботясь о нравственном, культурном облике подчинённых, Миронов придавал большое значение их отдыху и организации досуга. Это при нём в станице Придорожной и на хуторе Орджоникидзе строятся сельские клубы.

В 50-е и начале 60-х годов колхоз имени Калинина пользовался клубом, доставшимся ему от «Красного колоса», вошедшего в объединённое хозяйство. Клуб этот находился по улице Ленина. При председателе Миронове там сделали ремонт, приобрели киноустановку, сформировали духовой оркестр и хор, открыли самодеятельные кружки. На культурном поприще колхоз заявил о себе не только в районе, но и в крае.

Но пришло время, когда все возможности клубного здания были исчерпаны. Тогда председатель стал вынашивать идею преобразования Северной площади в культурный центр. По замыслу на ней должен был появиться парк, а у центрального входа в него – большой Дом культуры.

Парку быть!

Для реализации задумки в начале 1960-х в колхоз пригласили специалиста в области проектирования и обустройства парков Бориса Сизонова, заведовавшего тогда единственным парком в станице.

Очень талантливый от природы, Борис Игнатьевич работал без специального образования, но затем окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Его дипломным проектом был современный парк. Полученные навыки он реализовал в двух соседних районах, проектируя там парки. Таким образом, реализуя поручение Миронова, Сизонов уже имел достаточный практический опыт.

Проект был индивидуальным, с привязкой к формату старой казачьей площади. Предметом разногласий стало местоположение Дома культуры: Миронов предлагал строить здание на входе, настаивая на своём варианте. Специалист же предлагал угол парка, но с фасадом на улицу Таманскую – в итоге председатель принял этот вариант. И время подтвердило верность этого решения.

В 1966-ом проект окончательно утвердило колхозное правление. Высадка деревьев началась в том же году, хотя пробную партию высадили ещё в 1964-ом.

Очень трудным оказался снос курганов. Требовалось куда-то переместить массу снятой земли. Её везли на улицы Ленина, Черноморскую, Чигиринскую, в переулок Школьный и к железной дороге.

Растения для своего детища Сизонов по поручению колхоза закупал сам, выстроив хорошие отношения с Липецким заповедником, Армавирским и Нальчикским лесопитомниками.

Помощь министра

Колхоз мог себе позволить финансовые траты, поэтому устроители строго следовали богатому проекту. Камнем преткновения стали аттракционы. Дело в том, что их выпускал единственный на весь Советский Союз завод в городе Ейске, запись на его продукцию велась на несколько лет вперёд – очевидно, что ждать пришлось бы долго. Но лёгкий на подъём Борис Сизонов поехал на приём к тогдашнему министру культуры Екатерине Фурцевой. Вскоре вопрос решился положительно.

Многое приходилось решать на ходу. Оборудовали танцплощадку, устанавливали по мере поступления парковые структуры и аттракционы, обучали персонал. Непременное условие – первоочередная установка памятника Ленину в самом центре парковой зоны. Работы велись в напряжённом темпе; их выполняли не какие-то специалисты, а обычные колхозники, осознававшие, что они стараются не только для себя, но и для своих детей и внуков.

Первый этап обустройства завершился к майским праздникам 1967 года. 30 апреля состоялось открытие парка. Однако его дальнейшее благоустройство не прекращалось ещё много лет.

Вначале, пока не подросли деревья, внимание посетителей привлекали колесо обозрения, карусели и качели. Многие каневчане помнят и скульптуры животных, установленные в разных уголках парка.

Ещё в бытность председателем колхоза имени Калинина Вячеслава Миронова будущий директор парка Сизонов выступал инициатором обустройства в парке зооуголка. Но невозможно объять необъятное! У Миронова, помимо каждодневных колхозных забот, имелась ещё одна, и достаточно затратная – нужно было строить Дом культуры. О времени начала этой стройки имеются весьма противоречивые сведения.

По рассказам старожилов и сына Бориса Сизонова, Евгения, тоже в своё время работавшего в парке, Миронов сам заказывал проект Дома культуры и участвовал в его проектировании. Он же предложил использовать блоки из пилёного природного туфа для кладки стен (камень возили из Армении, оттуда же пригласили строителей).

Великие руководители, и велики их свершения! Прервав победное восхождение на руководящий олимп из-за смерти дочери, Вячеслав Миронов в 1967 году уехал в Краснодар. Тяжким и горестным было расставание колхозников с любимым председателем, многие не могли сдержать слёз. Позже Вячеслав Павлович не единожды приезжал в Каневскую. Он умер в Краснодаре в 1973 году и похоронен на одном из городских кладбищ рядом с академиками Лукьяненко и Пустовойтом. На его похороны ездила многочис-ленная делегация каневчан.

...Достаточно скромный домик, в котором жила семья Миронова, стоит в Каневской и сейчас. Всякий раз, проезжая или проходя по улице Гагарина, я вспоминаю этого удивительного человека, которого не раз видел в юности.

Живой уголок

Дело ума и рук Бориса Сизонова продолжало жить. В 1972-ом исполнилась его мечта – в парке открылся зооуголок. Вольеры и иные специальные сооружения создавались директором парка, энтузиастами из числа ветеранов колхозного строительства и некоторыми местными жителями. Проектировал зооуголок и производил все расчёты сам Сизонов. Животных закупали в Липецком заповеднике и на станции юннатов в Краснодаре.

Первые годы наплыв посетителей был потрясающим. Посмотреть зоопарк, как тогда его называли, приезжали жители не только из соседних районов. И поныне зооуголок радует посетителей, особенно ребятишек.

В 1974 году председателем колхоза имени Калинина стал Анатолий Кузовлев. Как все созидатели, он преумножил дела своих предшественников. Колхоз взял на себя все заботы о парке, а их было много. Для Анатолия Тихоновича парк с его инфраструктурой стал не менее важным объектом, чем полеводческая бригада, либо животноводческая ферма. При парке оборудовали теплицу для выращивания цветов и парковых растений.

Почти 30 лет, до своей трагической гибели в 1990 году, парковой структурой заведовал Борис Сизонов. При нём в парке появился летний кинотеатр, а вся парковая зона стала любимым местом отдыха каневчан и гостей станицы. Детище Бориса Игнатьевича живёт и поныне.

А после настали другие времена.

90-е годы – трудные и сложные, в том числе и для сельского хозяйства, оставшегося без поддержки. Колхоз имени Калинина стал агрофирмой «Колос». Пока была возможность, предприятие несло на себе бремя забот о парке и Доме культуры, поддерживая всё в хорошем состоянии. Теперь оба объекта находятся в собственности Каневского сельского поселения и называются СДК «Колос» и парк имени 300-летия Кубанского казачьего войска.

Люди культуры

Не стало летнего кинотеатра, а Дом культуры не просто живёт, но, как и прежде, необходим людям. У каждого из таких учреждений есть свои лидеры и вдохновители. О двух из них я хочу рассказать. Это заведующий ещё колхозным Домом культуры Валентин Фёдорович Ляшенко и руководитель духового оркестра Василий Иванович Семеняка. Люди талантливые и неоднозначные, они внесли весомый вклад в развитие культуры не только района, но и края.

Будучи много лет директором ДК, Ляшенко создал на старой Северной площади настоящий очаг культуры. Казачий хор при Доме культуры не только радовал творчеством жителей района, но и побывал с

концертами во многих городах и весях. За творческий труд Валентина Фёдоровича удостоили звания «Заслуженный работник культуры».

Зигзаги судеб

Первая моя встреча с Василием Семенякой произошла в 1962 году на колхозной пасеке, которой заведовал отец одного из моих друзей. В неформальной обстановке фронтовики вспоминали войну, а мы, подростки, слушали их, затаив дыхание.

Оркестр под руководством Василия Ивановича открывал все важнейшие районные мероприятия. Свою историю этот творческий коллектив ведёт с начала 50-х годов, став приметой благополучной сельской жизни.

Вторая яркая личность – Валентин Фёдорович Ляшенко, человек удивительной судьбы. В начале 1941-го его призвали в армию. Окончив училище лётчиков известных У-2, он поступил в более серьёзное Черниговское училище. Осенью 42-го в составе курсантской роты сражался в Сталинграде, а затем в составе небольшой группы выживших вернулся по месту учёбы. Некоторое время был лётчиком-инструктором. После войны снова учился. В 1950-м командовал эскадрильей на Дальнем Востоке. По состоянию здоровья в 1953-м был уволен в запас и впоследствии стал культработником, возглавив Дом культуры.

А сколько их, фронтовиков, совершивших свой гражданский подвиг уже в мирное время, оставили след в памяти земляков?..

Вторая молодость

Станичные площади, как и люди, имеют свою судьбу. Они обречены на долгую жизнь, и, в отличие от людской жизни, на смену старости в ней иногда приходит молодость.

На Северной площади выросло не одно поколение станичников, каждому из которых соответствует своё представление о ней. И теперь оно будет особым, потому что для самых маленьких каневчан знакомство с ней начнётся ещё с младых ногтей.

Три года назад на муниципальном уровне приняли постановление о строительстве на части пришкольной территории современного детсада на 240 мест. Здание удалось на славу: светлое и вместительное, оно идеально подходит для комфортного пребывания детворы и работы персонала. Несомненно, многие из посетителей детского сада в дальнейшем придут учиться в первый класс казачьей школы по соседству.

В том, что детсад «Капитошка» широко распахнул двери за день до 220-летия Каневской, есть свой символизм. Благодаря этому событию старая казачья площадь снова обрела свою молодость. А значит, жить ей века, – не старея.

Послесловие

Вот и поставлена точка в долгом повествовании о шести площадях станицы Каневской. В пробежавших чередой временах и сменившихся эпохах отразились не только истории площадей, но и судьбы людей, как бы пафосно это не звучало, вершивших историю.

В одной из православных молитв звучат слова: «Мёртв тот, кто забыт...» Смерть – только в забвении. А значит, мы должны помнить о своих земляках, чьи судьбы промелькнули яркими звёздочками на необъятном небосклоне мироздания. Ибо они создавали Историю. И старые, но не стареющие площади, были частью их жизни.

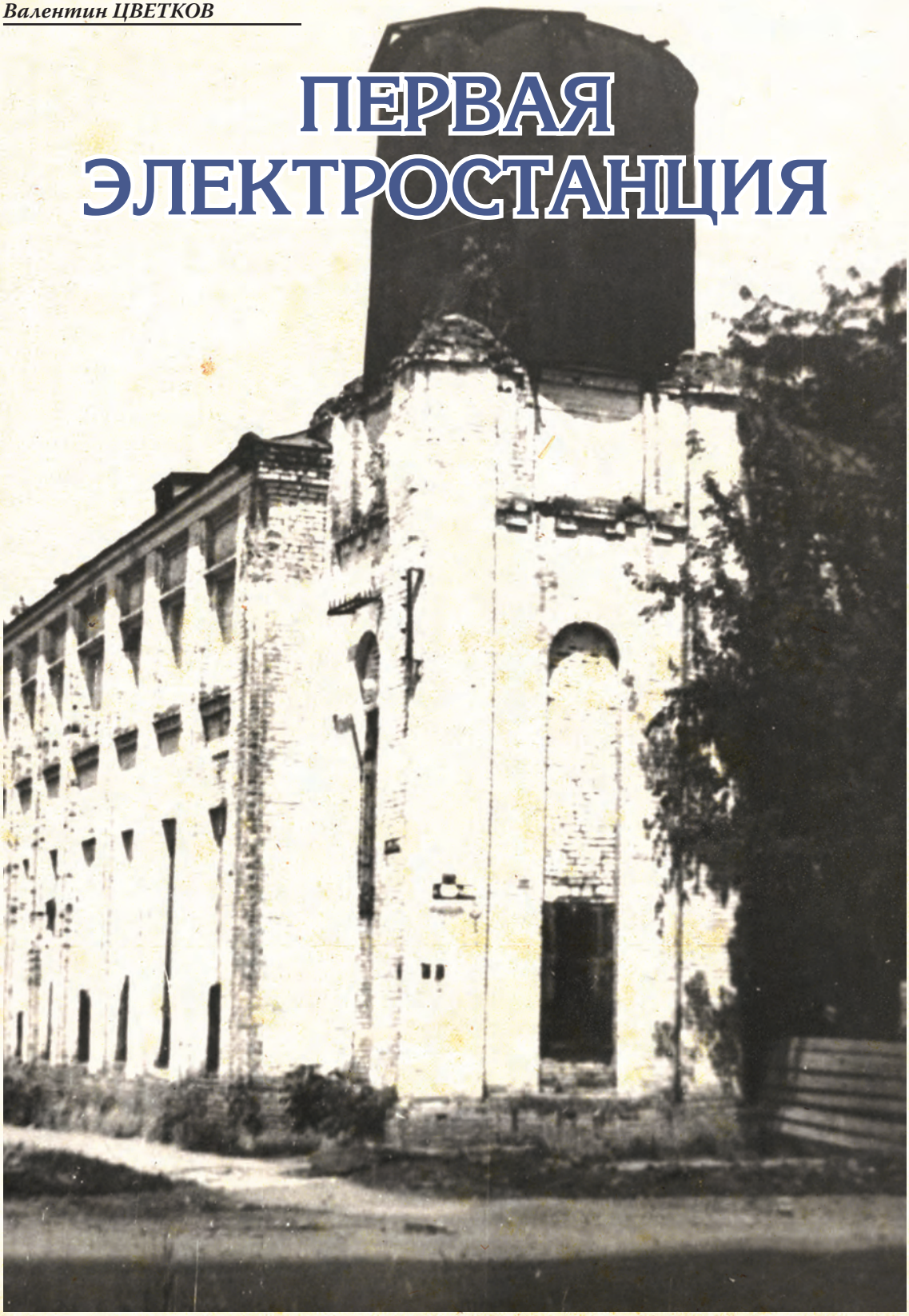
Сегодня на смену пришли новые поколения. И, несомненно, их трудами станица Каневская будет становиться всё уютнее и краше.

P.S. ***Подготовка этого объёмного цикла публикаций была бы невозможна без добровольных помощников из числа неравнодушных жителей Каневского района, любящих историю своего края. Автор выражает глубокую признательность землякам, оказавшим содействие в сборе материалов. Всем низкий поклон.***

90 лет назад в станице Каневской вступила в строй действующих первая электростанция

Валентин ЦВЕТКОВ

ПЕРВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ



Речь о строительстве крупной стационарной электростанции в станице Каневской на официальном уровне зашла вскоре после образования в 1924 году Каневского административного района. Лучины, каганцы и керосиновые лампы многих уже не устраивали – жизнь двигалась вперёд, и научно-техническому прогрессу хотелось соответствовать.

Место для возведения жизненно важного объекта было определено у пересечения улиц имени Горького и Октябрьской. Весной 1925 года специалисты произвели разметку под фундамент, а рабочие выкопали полутораметровой глубины траншеи. Кирпичи для фундамента и стен привозили с Северной площади (ныне – парк культуры и отдыха имени 300-летия Кубанского казачьего войска), где они накапливались ещё с 1912 года для строительства трёхпрестольной церкви, которая в связи с революционными событиями 1917–1918 годов не была даже заложена.

Закладку фундамента начали со «святого» угла. Сначала на земле из половинок кирпичей выложили круг. В центре его поместили пятиконечную звезду. В свободное пространство поставили закрытую пробкой бутылку, в каких сейчас продаётся шампанское, с вложенной внутрь запиской. Что говорится в послании потомкам от строителей электростанции, не известно – перед строительством Дворца спорта колхоза «Победа» здание электростанции снесли, а остатки фундамента с этой бутылкой так и находятся в земле.

Общим процессом строительства руководили специалисты из Краснодара, а вот десятником, говорят, был местный житель Дмитрий Федотович Лоцман. В качестве каменщиков и их помощников работали и набившие на этом деле руку станичники, и комсомольцы, и даже некоторые женщины.

Объект рос прямо на глазах – стены фигурной кладки поднимались всё выше и выше, и последний ряд был уложен на высоте около 10 метров. Электростанция стала самым высоким искусственным сооружением в станице Каневской. В огромном по тем временам зале установили два дизельных мотора немецкого производства с 50-киловаттными генераторами, которые вырабатывали электроэнергию мощностью 127 вольт.

Уже в 1926 году жители ближайших домов получили совершенно новую услугу – «лампочки Ильича», при включении которых ночью в хатах «было светло, как днём».

В августе 1954 года коллективы конторы коммунальных предприятий и ремонтно-строительной конторы приступили к реконструкции электростанции. Стены здания каменщики подняли ещё на 2 метра. Сделали к нему пристройку размерами 14 на 9 метров и высотой 9 метров, заложили фундамент под более мощный дизельный мотор.

– Для облегчения работы при монтаже дизеля, генератора, а также с целью механизации ремонтных работ в новом здании электростанции, – рассказывал начальник конторы коммунальных предприятий А. Шишкин, – установлен мостовой кран грузоподъёмностью в 5 тонн и проложен рельсовый путь. Строители же уложили в период реконструкции 80 000 штук кирпича, 70 кубометров бу-

Строители каневской электростанции. 1925 год.

Закладка фундамента.1925 год.

тового камня, более 200 кубометров гравия, большое количество песка и других материалов. Отлично поработали каменщики бригады Соловьёва, плотники бригады Бобошина и кровельщики бригады Крахмалёва, бригада армавирских монтажников, монтировавшая дизель…

Реконструированная электростанция была пущена в эксплуатацию в конце апреля 1955 года. Она обеспечила электроэнергией предприятия и учреждения Каневской и жителей станицы. На каждый двор пришлось в среднем по 2,1 лампочки. Но возникла и проблема.

– Тормозом в работе, – отмечал А. Шишкин, – стало отсутствие повышающих и понижающих трансформаторов, столбов и провода для линий электропередачи общей протяжённостью в 54 километра.

Районный центр приобретал новый облик. Ещё более комфортным для проживания он стал после подключения в апреле 1961 года к государственной ЛЭП.

Первая каневская электростанция постепенно утрачивала свою значимость и в конце 70-х годов XX века за ненадобностью была разрушена. Со временем о ней стали забывать, а нынешние молодые люди вообще не знают, что такой важный объект украшал станицу у пересечения улиц имени Горького и Октябрьской, перед фасадом Дворца спорта, построенного в 1982 году.

Лет через пятнадцать после сноса электростанции её фотографию, заимствованную в районном историко-краеведческом музее, 14 ноября 1989 года я опубликовал на тематической странице «Сердцу милая станица», которую в преддверии 200-летия Каневской вёл в газете «Заря коммунизма».

На следующий день после выхода в свет 137-го номера периодического издания в редакцию пришёл житель райцентра Николай Прокофьевич Смолка и принёс изъятую из семейного альбома фотографию. На ней был запечатлён момент закладки первых кирпичей в фундамент упомянутого здания. Кто такие работавшие и наблюдавшие за работой люди, нежданный посетитель не знал. Он предполагал только, что стоящий в траншее мужчина в белом пиджаке – скорее всего, инженер (прораб) строительства.

Я был рад и таким дополнительным сведениям, а главное – новой фотоиллюстрации, которая могла, как и прежде, пылиться в семейном альбоме. Фото и написанный в све-

Строящаяся электростанция.

те последних событий текст 13 декабря были опубликованы на очередной тематической странице «Сердцу милая станица».

– Будем признательны, – обращался я к читателям, – за любые достоверные сведения, интересные факты о событиях и людях станицы Каневской.

15 декабря 1989 года я получил письмо уже из станицы Новодеревянковской от А.В. Дейневича.

– Я не смог, подобно товарищу Н.П. Смолке, зайти в редакцию на следующий день после публикации вашего материала о первой каневской электростанции, – писал он, – тем не менее, надеюсь, что высылаемые вам фотографии будут иметь определённый интерес…

Александр Васильевич передал мне 14 фотографий, на которых запечатлены этапы строительства электростанции и люди, работавшие на ней, обратив при этом внимание на оттиск в нижнем правом углу фото: «С. Кучеръ». Такие пометки в старые времена нередко делали авторы снимков или ателье, их печатавшие. Наличие целого комплекта фотографий с одного строительного объекта говорит о значимости последнего для местных жителей и одновременно передаёт дух времени, в котором каневчане жили и трудились.

На фото Семёна Кучера: электростанция и её строители.

Май 1938 года, 6 класс.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Особое почтение к грамоте, учению кубанские казаки унаследовали от предков – запорожцев. Как известно, в Запорожской Сечи молодых казаков обучали не только лихо скакать на лошади, рубить шашкой, стрелять из пищалей и пушек, но и грамоте.

В Сечи для казаков-подростков существовала школа, в которой их учили читать, писать, считать. На Запорожье сбегало немало бурсаков, а значит, в учителях недостатка не было. В школе даже избирался классный атаман из учеников, помогавший учителю в организации обучения.

Запорожская Сечь всегда была суверенным государством, и казачьему старшине нужны были хорошие, грамотные писари, да ещё и владеющие иностранными языками, переводчики и дипломаты.

На Сечи «чоловик письмэнный» всегда пользовался уважением. Поэтому, как только запорожцы переселились на Кубань, сразу же приступили к строительству церквей, а при них открывали церковно-приходские школы. Преподавали в этих школах священники или дьяки.

Первый молельный дом в посёлке Привольном появился уже в 1884 году, а значит, появились и грамотные люди: священник, дьякон, псаломщик. И очень возможно, что именно в этом году при молельном доме стали обучать грамоте юных привольненцев.

В 1901 году на средства церкви была построена церковно-приходская школа. Здание – турлучное, на пять классных комнат, с тёплым коридором. Располагалось оно на перекрёстке нынешних улиц Московской и Школьной – примерно там, где находится северо-восточный угол спортзала СОШ №13; существовало до 1932 года.

Законоучителем в школе был священник Алексей Мелиоранский, а школьные предметы преподавала дочь казачьего офицера Вера Михайловна Сотниченко (скорее всего, она являлась первой учительницей в нашей станице). В 1901-ом церковь выделила на содержание школы 100 рублей; здесь обучались 29 мальчиков и 25 девочек.

В 1902 году было построено здание так называемого министерского училища; в октябре того же года оно было освящено. В новой школе было 4 классных комнаты, в которых в две смены могли обучаться до 200 детей. Это стало важным событием в жизни станицы Привольной.

Уместно привести полностью текст заметки, опубликованной в газете «Кубанские областные ведомости», №216 от 8 октября 1902 года (по старому стилю):

«23 сентября торжественно было освящено новое школьное здание. На это событие, несмотря на будничный день, собралось очень много народа. Всем, кажется, хотелось принять участие в необычном торжестве и разделить общую радость. Тем более что школа в нашей станице давно желательна. Явление и история построения её, думаю, очень памятны нашим жителям.

Лет восемь тому назад, по инициативе атамана отдела господина Черняка, общество решило выстроить школу; собраны были деньги на этот предмет, и даже был приготовлен план, но потом это симпатичное дело какими-то судьбами затормозилось. И только теперешний атаман станицы, видимо, осознавший важность школы для общества, с первых же дней своей службы задался мыслью выстроить школу, и вот теперь на Церковной площади красуется очень удобное, большое школьное здание, рассчитанное самое меньшее на 100 учеников.

После освящения школы местный законоучитель в прочувствованной речи благодарил атамана и общество за их доброе дело и высказал, между прочим, ту мысль, что построению школы особенно сочувствует духовенство, так как школа является главным помощником в их деле распространения веры и благочестия среди пасомых. С.А.М.»

Кто такой С.А.М., узнать не удалось. Возможно, это кто-то из детей священника Алексея Мелиоранского. Но это лишь предположение.

По новому стилю освящение школы произошло 6 октября и, следовательно, этот день СОШ №13 может считать днём своего рождения.

Обе станичные школы в состоянии были обучать в 9-х классах в две смены 350–360 детей, а их в станице было значительно больше. Но девочки учились, в основном, из семей иногородних и зажиточных казаков. Мальчики зачастую уходили из школы, едва научившись читать и писать – многие казачьи семьи считали, что мальчику-казаку этого достаточно, лишь бы умел написать письмо со службы. Да и учебный год для многих детей начинался после окончания уборки, обмолота и заканчивался ранней весной с началом полевых работ.

Однако станица постоянно богатела, и желающих учить своих детей в начальной школе, а то и дальше, становилось всё больше. Наказной атаман Кубанского казачьего войска и войсковое правительство требовали от атаманов станиц и хуторов, чтобы в армию призывались казаки, прошедшие хотя бы начальное обучение. Некоторые казаки хотели бы видеть своих детей в качестве учителей, фельдшеров, офицеров, но наличие в станице только начальных школ очень ограничивало их желания. Поэтому большим событием для Привольной стало открытие в 1914 году вышеначального училища на Новой площади.

В нём было пять классов, а для желающих учиться дальше существовал шестой класс – что-то вроде подготовительных курсов для поступления в гимназию, епархиальное училище и другие средние учебные заведения.

В училище преподавались обычные дисциплины: чтение, письмо, арифметика, Закон Божий. Кроме того, девочек учили домоводству, а у мальчиков были ещё гимнастика и словесность.

На уроках гимнастики отставные урядники и вахмистры учили мальчиков построениям, перестроениям, ходьбе в строю, а также бегать, прыгать, подтягиваться на турнике. А на уроках словесности им рассказывали об истории казачьего войска, его частях, учили разбираться в казачьих званиях. Они заучивали фамилии и звания командиров полков, батальонов и батарей. Это было похоже на начальную военную подготовку.

Известны фамилии первых учителей: Сотниченко, Сальников, Винников, Безуглый, законоучители Скидан, Мелиоранский. Но среди них нет уроженцев станицы Привольной – они появились чуть позже. Первыми учителями-привольненцами стали Михаил Лаврентьевич и Антонина Дмитриевна Ерохно.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Прошло несколько мобилизаций. В станице остались женщины, старики и дети, а потом появились и инвалиды войны. Число детей в школах заметно уменьшилось: они должны были со старшими членами семьи работать на своих наделах, чтобы хоть как-то существовать. Война привела к нищете и разрухе. Людям было не до получения знаний – надо было думать о хлебе насущном.

С 1918 года в Привольной неоднократно сменялась власть, и каждый раз школа подстраивалась под политический строй.

После Великой Октябрьской социалистической революции в народном образовании произошли большие перемены. Многие учителя, не приняв новой власти, ушли из школы, а новых никто ещё не готовил. Из школы была изгнана духовность, пришла современная новая мораль. Новых учебников пока не было, а старые не годились.

Большевики объявили веру опиумом для народа и уже начали поговаривать о разрушении церквей, роспуске монастырей, почти полном истреблении служителей культа. Церковь была отделена от государства одним из первых декретов советского правительства. Что касается Отечества, то право проживать

в нём имели только рабочие и крестьяне. Остальные слои общества были объявлены эксплуататорскими.

Вот и поди разберись, чему нужно теперь учить детей. Стать вне политики школа не могла, и старым учителям приходилось ходить на митинги, петь революционные песни, разъяснять ученикам и жителям станицы политику партии и правительства.

В это время и появились в Привольной учителя Михаил Лаврентьевич Ерохно и Антонина Дмитриевна Промовендова – оба уроженцы нашей станицы. Это были уже более-менее современные учителя, принявшие советскую власть.

Кроме того, что оба были хорошими учителями, они оказались ещё и хорошими организаторами. Организовывали митинги в пользу грамотности, с молодыми людьми показывали спектакли, рассказывали жителям станицы о положении в стране и за её пределами. Вскоре они поженились, и эта чета стала целой эпохой в жизни Привольной.

В марте 1920 года на Кубани повсеместно установилась советская власть. В станице вначале был ревком, а в декабре того же года избрали станичный совет и его исполком, в котором было несколько отделов: военный, земельный, ЗАГС и народного образования.

Надо сказать, что со временем такие отделы исполкома как военный, ЗАГС и народного образования были переведены в районные исполкомы. Но некоторые документы, касающиеся работы отдела народного образования, дошли до наших дней. Например:

«Тимашевскому отдельскому отделу народного образования школьной работницы первой ступени станицы Привольной Ольги Ивановны Шутько

Заявление

Прослуживши истекший учебный год в одной из школ первой ступени указанной станицы, я к будущему учебному году предполагала перевезти в станицу своих престарелых, нуждающихся в постоянной поддержке родителей, живущих в городе Ейске. Но то, что случилось с моим отцом, заставило меня изменить свои намерения.Четвёртого сего августа он по дороге из станицы в Ейск упал с нагруженного воза и при падении переломил себе ребро. Такое повреждение повлекло за собой продолжительную и тяжёлую болезнь, требующую такого же длительного лечения и физического спокойствия.

Таким образом, мысль о переезде родителей в станицу теперь для меня стала недоступной. Более соответствующим и необходимым средством материальной помощи отцу и матери является переезд мой на их место жительства в город Ейск. Поэтому убедительно прошу Вас отчислить меня от должности школьного работника станицы Привольной, дабы я смогла получить место здесь, в Ейске, где, как я уже сказала выше, живут мои старые, не имеющие никого, кроме меня, родители.

Августа 30 дня 1921 года, город Ейск. Шутько Ольга, улица Корчевская, 2».

Обычное, небольшое заявление, но из него узнаём, что Краснодарского края ещё не было, и что Привольная входила в Тимашевский отдел Кубано-Черноморской области.

Также становится известным, что в те годы в школе не работали, а служили, и что школы были первой, второй и третьей ступени, то есть начальные, семилетние и средние.

А также выясняется, что начальная школа в Привольной была не одна, и что учителей тогда называли «шкрабами» – школьными работниками.

Или такое заявление:

«Дошкольному отделу Тимашевского отдельского отдела народного образования гражданки Бабичевой Меланьи Алексеевны

Заявление

Ввиду того что я неподходящий работник детского дома, о чём гласит заявление женотдела и резолюция председателя исполкома, прошу передать это заявление в школьный отдел, который я, в свою очередь, прошу назначить меня школьным работником в одну из станиц: Гривенскую, Роговскую или Поповическую, если в таковых имеется штатное место.

К сему (подпись)
21 ноября 1921 года».

Само по себе заявление, может быть, не очень интересно, но интересны стиль письма, построение предложений и так далее.

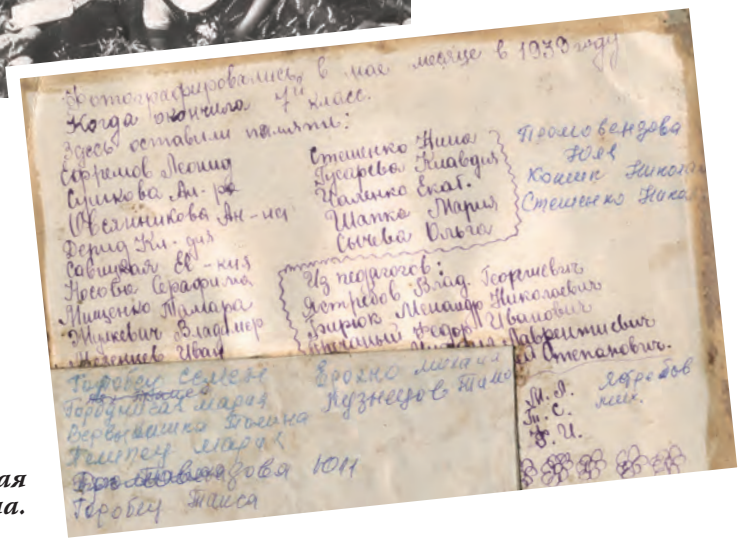
«Тимашевскому отдельскому отделу народного образования, ноябрь 1921 года.

Отдел народного образования станицы Привольной просит вашего ходатайства об отзыве из рядов Красной Армии школьного работника 2 ступени станицы Привольной Концевича Петра Иосифовича на основании приказа Северо-Кавказского военного округа №414 и предписания Кубано-Черноморского областного военкомата Тимашевскому отдельскому военкомату от 8 октября сего года за №12437.

Адрес его нахождения: полевая почта 164, 2-я Донская дивизия, 45 бригада. 11 стрелковый полк, 2 пулемётная команда, станица Глубокая.

Заведующий отделом народного образования Е. Наконечный.
Делопроизводитель Бабичев».

Май 1939 года, 7 класс.



Обратная сторона.

Наверное, положение с учителями второй ступени в Привольной было неважным, если пришлось отзывать учителя из рядов Красной Армии. Интересна и фамилия учителя – Концевич. Перед установлением советской власти в привольненской церкви служил священник Концевич. Имели ли эти люди какое-то отношение к регенту Кубанского казачьего хора Г.М. Концевичу, не известно...

Далее будут приведены примеры заявлений и других документов того времени.

«Заведующему Тимашевским отделом народного образования школьного работника станицы Привольной Луки Дмитриевича Федченко

Заявление

В последних числах (20–24) июля сего года мною подано в Тимашевский отдельский отдел народного образования заявление с просьбой о командировании меня в город Краснодар для продолжения образования в Кубанском институте народного образования. Так как я ошибочно был командирован отделом народного образования станицы Привольной на школьно-инструкторскую конференцию, съезд и курсы в городе Краснодаре, но я не имею возможности выехать из Краснодара через противохолерную прививку, я поступил на подготовительные курсы при Кубанском институте народного образования. Об этом, с просьбой разрешить остаться здесь до окончания курсов, я написал заведующему отделом народного образования станицы Привольной. Поэтому прошу удовлетворения командирования меня для продолжения образования, сделать распоряжение направить на имя Кубанского института народного образования в город Краснодар и уведомить об этом заведующего отделом народного образования станицы Привольной.

Город Краснодар. 15 июля 1921 года. Лука Федченко».

В этом заявлении уже просматривается случай зарождающейся советской бюрократии. Зачем посылать на курсы учителя, который уже не собирается работать в Привольной? Наверное, просто не хватало человека для счёта. Приехать домой и решить всё на месте он не может, так как у него нет противохолерной прививки. Так и хочется посове-

товать: «Нет прививки, так сделайте её, и все проблемы снимутся». Но… так было.

Ещё документы:

«Тимашевскому отдельскому отделу народного образования (единая школа) 6 марта 1921 года.

Отдел народного образования станицы Привольной сообщает о том, что шкрабов 2-й ступени, работающих в школах 1-й ступени, в станице нет. Поэтому и сведения о них не представляются.

Заведующий отделом народного образования (подпись). Делопроизводитель (подпись)».

Запрашивая по станицам сведения об учителях второй ступени, отдел народного образования ищет свободных учителей, которых, наверное, не хватало в семилетках.

«РСФСР Отдел народного образования ст. Привольной №250 19 марта 1921 года Тимашевскому отдельскому отделу народного образования (секция социального воспитания).

Согласно вашего предписания от 10 марта сего года за №484 сообщаю, что престарелых и инвалидов педагогов в станице нет. Поэтому и сведения о них представляться не будут.

Заведующий отделом народного образования (подпись). Делопроизводитель (подпись)».

Эта докладная написана на белом нелинованном листе бумаги, а на обратной стороне листа – такая запись:

«4. Ерохно Михаил Лаврентьевич, казачьего сословия. Православный, 1898 года рождения, 8 ноября и получивший по всем предметам оценки 5.
5. Захаров Иван Андреевич (свидетельство о рождении не представил), мещанского сословия, получивший по письменной арифметике оценку 4, по остальным предметам оценки 3 и по поведению 5.
6. Кондратенко Афанасий Моисеевич, мещанского сословия, православный, родившийся в 1898 году, получивший по Закону Божьему оценку 3, по русскому письменному оценку 4».

Есть предположение, что работники Привольненского исполкома испытывали большой дефицит бумаги и использовали неисписанные стороны листов. И то, что там осталось, – не что иное, как ведомость об окончании либо класса, либо начальной школы. Таким образом, исполкомовские писари уничтожали ценнейшие архивные документы. Если бы в этом табеле не было фамилии одного из первых учителей, уроженцев Привольной, на эту приписку вряд ли бы кто обратил внимание.

«ОБ УЧЁТЕ ШКОЛЬНИКОВ В СТАНИЦЕ ПРИВОЛЬНОЙ 14 ФЕВРАЛЯ 1921 года.

Число допризывников 16 лет – 2.
17 лет – 2.
Всего – 4.
Число школьников 8–16 лет – 618.
Число школ 9.

Ст. Привольная. Заведующий отделом народного образования (подпись)».

Прежде всего, на 618 школьников было 9 школ. Как известно, школьных зданий в те годы было два. Церковно-приходская школа уже закрыта, а её здание использовалось под избу-читальню, кабинеты для общественных организаций: женсовета, комбеда, профкома и т.д. А школьный коридор использовался для проведения собраний и громких читок.

Можно лишь предположить, что было ещё несколько начальных школ, располагающихся в национализированных домах богатых казаков и иногородних.

И последние два документа того времени:

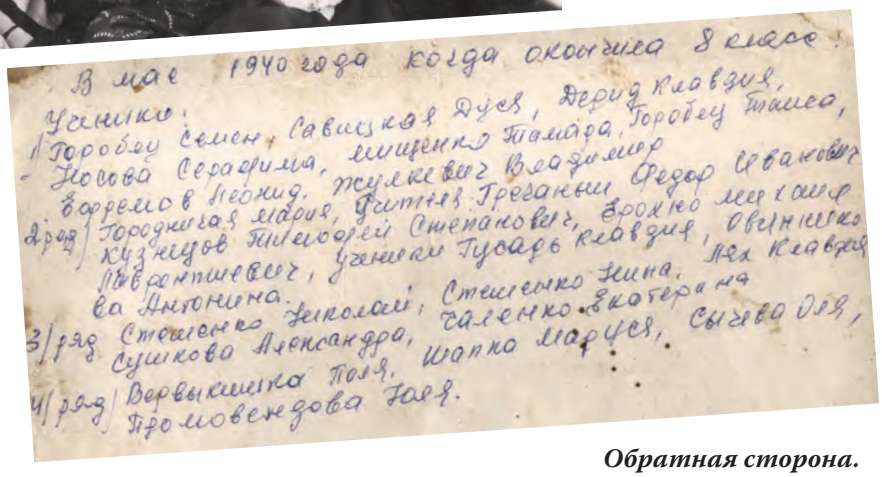
«СПИСОК РАБОТНИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА В СТАНИЦЕ ПРИВОЛЬНОЙ

1. Гутенёвский Алексей Фёдорович – заведующий.
2. Мартыненко Фёдор Мифодьевич – воспитатель.
3. Лось Анисья Васильевна – завхоз.
4. Березовская Пелагея Никифоровна – няня.
5. Фурсова Матрёна Никифоровна – кухарка.

«ИНВЕНТАРЬ ДЕТСКОГО ДОМА СТАНИЦЫ ПРИВОЛЬНОЙ

Пальто 2 – на сумму 2 рубля.
Сапоги (пар) 4 – на сумму 4 рубля 80 копеек.
Ботинки (пар) 4 – на сумму 4 рубля 80 копеек.
Рубашки для девочек 12 – на сумму 3 рубля.
Платья старые 15 – на сумму 3 рубля.
Рубашки для мальчиков старые 26 – на сумму 9 рублей 10 коп.
Платья новые 9 – на сумму 5 рублей 40 копеек.
Ботинки новые 28 пар – на сумму 8 рублей 40 копеек.
Рубашки для мальчиков новые 6 – на сумму 3 рубля 18 копеек.
Одеяла тёплые 4 – на сумму 14 рублей, пикейные 2 – на сумму 4 рубля, байковые 3 – на сумму 6 рублей.

Май 1940 года, 8 класс.



Обратная сторона.

Рядна большие 20 – на сумму 20 рублей.
Рядна малые 13 – на сумму 9 рублей 10 копеек.
Половики 10 – на сумму 5 рублей.
Подушки ватные 31 – на сумму 77 рублей 50 копеек.
Подушки пуховые 6 – на сумму 7 рублей 50 копеек.
Простыни 5 – на сумму 7 рублей 50 копеек.
Простыня старая 1 – на сумму 1 рубль.
Наволочки новые 22 – на сумму 6 рублей 60 копеек.
Наволочки старые 20 – на сумму 4 рубля.
Полотенца 20 – на сумму 20 рублей.
Кровати большие 8 – на сумму 28 рублей.
Детские кровати 3 – на сумму 2 рубля 10 копеек».

По количеству одежды, обуви и мебели невозможно определить количество детей. Не известно и место, где детский дом располагался.

С 1920 года и до начала Великой Отечественной войны обе привольненские школы неоднократно меняли статус и название.

В 1932 году было разобрано здание церковно-приходской школы; полученные стройматериалы использованы для пристройки к существующей начальной школе. Число классных комнат удвоилось, школа была преобразована в неполно-среднюю №13, и ей было присвоено имя первого советского наркома народного образования А.В. Луначарского. Школа работала в две смены, и два школьных здания некоторое время удовлетворяли запросы станицы.

Накануне Великой Отечественной войны в НСШ №13 открылся восьмой класс, и она была реорганизована в среднюю школу с дальнейшим накоплением учащихся старших классов.

С августа 1942-го по февраль 1943 года продолжалась оккупация, и школа фактически не работала. В феврале 1943-го все юноши из девятого класса были призваны в армию, а число оставшихся девушек не соответствовало статусу средней школы, и она вновь была реорганизована в неполно-среднюю.

Школа, располагавшаяся на Новой площади, также меняла статус: была и начальной, и семилетней, и школой крестьянской молодёжи. Перед войной ей было присвоено имя

В.И. Ленина, но потом она до самого своего закрытия в 1984 году оставалась начальной.

С началом войны все учителя мужчины были призваны на фронт, и на четыре года школьными учителями были только женщины. В 1944 году погиб Михаил Лаврентьевич Ерохно, который работал в Привольной с 1918 года учителем начальных классов, учителем математики, в разное время – директором обеих школ.

В послевоенные годы предпринималась ещё одна попытка преобразовать НСШ №13 в среднюю, но из-за малочисленности учеников старших классов школу опять перевели в разряд семилеток.

1 сентября 1951 года в бывшей НСШ №13 был набран восьмой класс, и она в очередной раз стала средней. И всё же учеников в старших классах ещё несколько лет было мало.

Статус средней школы СОШ №13 сохраняет до настоящего времени.

Первым директором привольненской средней школы №13 был Иван Прокофьевич Соловьёв, очень деятельный человек. Он сумел значительно улучшить материальное положение школы, занимался приобретением наглядных пособий и оборудования, старался привлечь в восьмой класс как можно больше ребят.

В 1954 году состоялся первый выпуск десятого класса; выпускников было 9 человек. И в этом же году Иван Прокофьевич с женой уехали на новое место жительства, а директором школы был назначен Дмитрий Андреевич Любименко – учитель истории семилетки в хуторе Сладком Лимане.

Дмитрий Андреевич проработал в должности директора до 1973 года, то есть целых 19 лет. Под его руководством школа заметно изменилась в лучшую сторону: появилось больше учителей с высшим педагогическим образованием, значительно укрепилась материальная база, заложен пришкольный участок, построены теплица и помещение для мастерских по трудовому обучению, приобретён трактор. Для преподавания труда и производственного обучения были привлечены люди с производства, знающие технику, имеющие солидный опыт работы.

В годы работы Дмитрия Андреевича директором школа не единожды выступала инициатором новых направлений. Так, например, в 1955 году были созданы несколько звеньев ученической производственной бригады. С каждым годом число учащихся в ней увеличивалось, а поле деятельности расширялось.

Это не было просто игрой в колхозников и колхозниц. Старшеклассники под руководством опытных колхозниц выращивали утят с однодневного возраста до месячного и доращивали их потом на лиманах до сдачи на мясокомбинат. Ребята помладше выращивали виноград, ягоды, кукурузу, тутового шелкопряда. Работали на фермах и в бригадах. Приносили большую пользу колхозу и при этом неплохо зарабатывали.

Уже в 70-х годах школа выступила инициатором изучения техники, начиная с пятого класса. Хорошо работали комсомольская и пионерская организации. За хорошую работу школьников в колхозе школа была награждена бронзовой медалью ВДНХ, а комсомольская организация её занесена в Книгу Почёта Краснодарского крайкома комсомола.

В учительском коллективе СОШ №13 появилось много педагогов с высшим образованием – и не только в средних и старших классах, но и в начальных.

Писатель Борис Ермилович Тихомолов некоторое время жил в Привольной, знакомился с работой ученической производственной бригады и по собранным материалам написал книгу «Кряка» и большой очерк «Принимайте наши позывные».

В старших классах стало учиться больше ребят, вообще число школьников увеличивалось, и встал вопрос о строительстве нового школьного здания.

15 октября 1966 года было открыто новое здание: в два этажа, на 20 классных комнат. Но школа продолжала работать в две смены. Старое здание ветшало с каждым годом и в конце концов было закрыто. Размещать такое количество детей в одном новом здании стало проблематично, и было принято решение о строительстве пристройки – на 9 классов, с большим спортзалом, мастерскими и другими вспомогательными помещениями.

Строительство пристройки началось весной 1982-го, для чего пришлось снести старое здание школы, существовавшее с 1902 года.

1 сентября 1984-го пристройка была сдана в эксплуатацию, и в СОШ №13 стало 3 спортивных зала, актовый зал, новая котельная и другие помещения, способствующие улучшению учебно-воспитательного процесса.

После 1984 года особых внешних изменений в здании школы не произошло. Возле неё был установлен бюст дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Хрюкина, здание по-современному оформляется. Школа компьютеризирована. Появилось много того, что помогает сегодняшним школьникам получать глубокие и прочные знания.

С появлением пристройки к средней школе №13, в 1984 году была закрыта начальная школа №14, в которой за 70 лет получили первичные знания тысячи юных привольненцев. Это здание вполне заслуживает специальной мемориальной доски.

Привольненскому образованию очень везло на учителей: за годы существования станичных школ в них работали сотни и сотни педагогов. Многие из них уже ушли из жизни, многие ещё работают, оставляя след в сердцах новых поколений детей. Ведь каждый из нас всю жизнь помнит свою первую учительницу, свой любимый предмет и учителя, который его преподавал. Мы унаследовали многое от своих наставников, в чём-то подражаем им и, конечно, всегда помним о них.

Казацькому роду
нэма пэрэводу
1991
2011

Владимир САЯПИН

ЖИВЁТ СЕМЬЯ ТАКАЯ НА КУБАНИ...

Я с интересом всматриваюсь в старую фотографию, на которой изображена свадьба… Дата – 1 июня 1958 года. Мне ровно 10 дней отроду. Я – в Краснодаре, в роддоме, эта свадьба – в Привольной. Ни они меня, ни я их не знаю, и нам невдомёк, что судьба сведёт меня по прошествии лет с этой семьёй. Красивые, добрые, усталые лица людей, ещё не забывших войну, голод 33-го. Это были люди, в дом которых можно было постучаться без боязни, что тебя не примут… Совершенно другие лица, в отличие от современных. Небогато одетые, но светло и по-доброму улыбающиеся – такими мне и запомнились люди того поколения.

Семья, о которой я хочу рассказать, мне очень близка. Её глава, Фёдор Федотович Геренок, был в очень добрых отношениях с моим отцом, работали вместе, а с его сыном Вадимом я дружу уже 41 год. Вот он на фотографии, где у его жены, Марии Андреевны, – юбилей, 80 лет. А на первой, свадебной, им обоим едва за двадцать. Уже восемь лет, как отпраздновали они золотую свадьбу, но чувства, связывающие двух этих людей, свежи, как 58 лет назад…

Фёдор Федотович родился 4 ноября 1934 года в станице Привольной, в семье простого колхозника. Отец его, Федот Константинович, 1907 года рождения, погиб в 1943 году под Запорожьем; и матери, Акилине Леонтьевне (в девичестве Кикоть), пришлось поднимать одной четверых детей. При этом она была передовой колхозницей… Трудно даже представить, сколько легло всего на плечи этой женщины. Мне бы, на день хотя бы, окунуться в то время…

По прошествии многих лет после войны, когда надежда, что муж вернётся с фронта, уже растаяла, Акилина Леонтьевна услышала, что одна из станичниц случайно узнала, что её муж, на которого пришла похоронка, находится в интернате для ветеранов, безногий. Она съездила и забрала мужа домой, светясь от счастья. И она, и дочери не знали, на какое место посадить «воскресшего».

Вздохнула Акилина Леонтьевна: «Ах, мне бы моего, пусть без рук, пусть без ног, хоть на годик судьба бы вернула, – а там и умирать можно…» Сейчас слушать такие слова без боли в душе трудно, и зачастую нынешние подруги предают своих суженых: не калек, не пьяниц, не бездельников. Что-то, наверное, в воспитании женщин в семьях родительских разнилось с нынешним.

И, тем не менее, мать сумела сына Фёдора после окончания школы отправить на учёбу в Брюховецкий сельхозтехникум, откуда его и забрали в армию. Через год после его окончания Фёдор Федотович женился, а 1959 год ознаменовался для него тем, что он поступил на мехфак Кубанского сельхозинститута, и родился его первенец – Вадим. После окончания КСХИ в 1965 году Фёдор Федотович многие годы проработал на различных инженерных должностях.

Жена его, Мария Андреевна (в девичестве Верещака), после окончания Ленинградского педучилища многие годы проработала учителем в школах района. Многие поколения учеников помнят её и любят, до сих пор приглашая на все вечера встречи.

Постоянная занятость семьи Геренок на работе не помешала им вырастить двоих сыновей, Вадима и Леонида, – офицеров, что раньше особенно ценилось в казачьей среде. Вадим – майор в отставке, окон-

Вадим. 1 мая 1961 года.

Леонид. 17 июня 1966 года.

чивший авиационное учебное заведение. Но, в силу жизненных обстоятельств, он оставил авиацию, окончил Академию МВД и 20 лет проработал в МВД; имеет награды. Его брат Леонид, 1964 года рождения, – полковник в отставке, сейчас – успешный предприниматель в Москве.

Душа радуется, когда на фото с родителями – два поседевших сына, состоявшихся в жизни и как люди, и как мужчины. Как отец я прекрасно понимаю родителей, им есть, чем гордиться.

Можно много говорить о том, как трудно приходилось молодой семье в начале пути. Каково было поднимать свои дома (а Фёдор Федотович их выстроил два, первый – в Каневской), каково было дать сыновьям достойное воспитание и образование. И вот теперь, всматриваясь в первую, свадебную, фотографию, я осознаю, что между ними – эпоха, и я её свидетель, вплоть до единого дня. И, что ни говори, но стержнем, гвоздём этой семейной композиции является мама, Мария Андреевна.

Из такой же обычной семьи колхозников, как и Фёдор Федотович. В одном только и разница, что её отец, Верещака Андрей Егорович, 1911 года рождения, участник Великой Отечественной войны, с фронта вернулся. Проработал всю жизнь комбайнёром в колхозе имени Ленина. Прожил, правда, очень мало – 56 лет, но настоящие ветераны, прошедшие войну, долгожителями не были, в отличие от некоторых нынешних, усыпанных послевоенными значками. Жена его, Анастасия Тимофеевна (в девичестве Правда), также всю жизнь отдала колхозу.

Вот такая чистая, как ситец, раскрашенный васильками, история самой обычной кубанской семьи... Но это только с первого взгляда – обычной. Эта семья – образец семейного счастья, преданности, сыновьей и родительской любви, из поколения в поколение золотой нитью тянущейся в многолетней истории прекрасного кубанского рода. Это и есть отображение той непонятной для нерусей русской души, всего «того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять».

И пусть года принесли не только мудрость, благополучие, но и болезни, хочется пожелать этой семье дальнейшего благополучия и счастья. И дальнейшего продолжения в их потомках, о которых мой далёкий потомок напишет тоже – такие же добрые слова.

20 октября 2015 года. Маме 80 лет.

Зоя СИЗОВА

«ПОКА ЖИВА ДУША НАРОДА, ЖИВ И САМ НАРОД»

(войсковой священник Кубанской Казачьей рады отец Сергий Овчинников)

«Генеалогия казачества тесно связана с одной из форм христианского подвижничества, именуемого воинством или рыцарством. С тех времён по традиции воинам и священству возбраняется носить обручальные кольца – как напоминание о том, что их жизнь принадлежит не семье, а Отечеству, земному и небесному. Без учёта этой особенности казачества нельзя говорить о глубоком понимании явления», – писал войсковой священник отец Сергий Овчинников.

Он же хорошо написал о казачьем братстве; о казачьей вольности, где в воинских уставах самых жёстких времён запрещалось применение к казаку, наряду с дворянином, телесных наказаний.

Сейчас слово «вольность» толкуют как вседозволенность. «Свобода, по существу, – право брать, вольность – привилегия отдавать», – говорил отец Сергий.

Казаки всегда отличались щедростью, радушием, товарищеской верностью.

«Кубанского казака всегда подспудно тянуло к мирной, домовитой жизни, и только сознание великого долга защитника не позволяло ему расставаться с оружием. Ответственность казака перед миром наступала очень рано. С семи лет, то есть с того времени, когда Церковь признавала необходимым исповедаться каждому христианину, он уже был совершеннолетним – оценивал свои поступки и нёс исправление», – писал войсковой священник.

Если «кубанцы хотели сохранить прочную память о каком-либо знаменательном событии в своей истории – на войсковые празднества, сходы и другие важные мероприятия, проходившие в столичном граде Екатеринодаре, непременно приглашали смышлёных мальчиков от всех казачьих поселений края, по 2–3 человека от каждого, с тем чтобы эти события были надолго запечатлены в их детском сознании. Со временем эти мальчики становились отцами и передавали всё увиденное своим детям – так ковалась живая цепочка казачьей истории», – вспоминает отец Сергий.

Особое отношение у казаков – к родительским дням, потому что память к «маленькому человеку» – истинная память.

...Каким же богатством обладало казачество, чтобы подвергнуться организованному голоду, высылке или физической расправе?.. Подлинная причина репрессий заключалась в духовном богатстве этого народа, из века в век «в Бога богатеющего» (Иоанн Сергиев) и даже в новых условиях стремящегося сохранить христианский уклад жизни.

Завалий Константин Петрович (1936 г.р.) вспоминает:

У деда было 18 детей. Полоса (земельный надел) была в сторону станицы Привольной. Вся семья работала в поле. Кто-то из детей поднял голову и говорит:

– Папа, смотрите, что же он делает?! Он же коня загонит!

Дедушка поднял голову и говорит:

– Ой Боже, хлопци, беда!

– А шо такое?

– Война!

– Как война?

Раньше повестки на войну никто не носил.

– Вы же видите, что казак побежал на Привольную с флагом?

Это повезли сверхсрочный пакет. Гонец имел право загнать коня и не отвечать за него. Если загонит, то ему должны дать своего коня, чтобы он доставил пакет. Это только при объявлении войны такое делали.

– Значит, выпрягайте коней, поехали в станицу.

– Можно же сказать, что не видели всадника.

– Если бы кто так сказал, то он бы жестоко пожалел об этом.

Во-первых, за него никто свою дочь замуж бы не отдал. Сказал бы, что это трус.

Во-вторых, он бы был наказан.

Так что в то время никто не помышлял прятаться.

Утром собрались на сход. Атаман объявлял, какой год призывается.

Никто не спрашивал, готов ли ты или не готов к службе. Обязан был явиться с конём, оружием и в обмундировании. Должен быть готов к отправке в любую минуту. Отец рассказывал, как дедушка в Уманской (Ленинградской) просидел в землянке три дня за треног (забыли в спешке дома).

В Уманской атаман отдела выстроил всех казаков для осмотра. Лошадь подошла по росту, а тренога – нет.

Дед говорит:

– Я сейчас куплю.

А атаман:

– Ясно, что купишь... Трое суток ареста!

Так дед, когда других сынов отправлял, всё сам строго проверял и у каждого спрашивал:

– Де треног? Будь вин неладный! Я за його в Уманской трое суток отсыдив.

Очень строгий порядок был.

Отцу было 18 лет, когда он попал на турецкий фронт. До фронта был женат, но детей не было. В 1915 году жена умерла от тифа (о чём сообщили в письме на фронт).

Многие говорят, что казаки были жестокие. Мне отец рассказывал такую вот историю. Дедушка Бутко и отец, когда служили на турецком фронте, зашли в село, увидели: в люльке стоит маленькая девочка и плачет, взрослых никого нет. И дедушка Бутко (ему в отпуск надо было ехать) забрал её и привёз в Каневскую. Здесь он её окрестил и воспитал по-своему (а так бы ребёнок мог погибнуть).

Девочка выросла, вышла замуж за казака Лисменко. Дед с отцом всё время этот случай вспоминали.

Революция застала отца в Турции. В 1917 году там набирали охрану для персидского шаха из казаков. Их всех выстроили и объявили:

– Кто не женатый – два шага вперёд!

Отец не шагнул. Его спрашивают:

– Чего же ты не идёшь? У тебя ведь жена умерла.

– Та не, я нэ пиду! Шо там на чужбине делать? Дома отец, мать, сёстры, братья. Зачем я буду за чужих голову класты?

Отец не пошел к шаху, а один каневчанин служил. После окончания службы участвовал в скачках и выиграл. В качестве приза ему дали в жёны девушку-персиянку. Он привёз её в Каневскую и женился на ней.

Очень ценились казаки за храбрость, были отличные джигиты. Их даже называли «степными дьяволами».

Так в 1917 году отец приехал на Кубань.

Он часто рассказывал, что на турецкой войне много было полных Георгиевских кавалеров. Их имена писали в Кремле в Грановитой палате на стене золотыми буквами. Так же говорил, что Левченко из Каневской – тоже полный Георгиевский кавалер, и что его похоронили как Георгиевского кавалера у церковной ограды нового Святопокровского храма.

Началась революция, гражданская война. Было не до женитьбы. Женился он только в 1920 году (сам он 1896 года рождения).

Здесь было так: сегодня – белые, завтра – красные.

Мой старший дядя Антон спасся чудом. Он носил бороду, а дед – нет.

Красные брали заложников, когда выгоняли бандитов из плавней. Если бандиты не выходили, – расстреливали каждого десятого.

Оцепили старую церковь. Часовой на калитке говорит:

– Вы, дедушка, идите (на дядю)!

– А вы, дядя (на деда), останьтесь.

Дядя Антон вышел, а дедушка крестился и приговаривал:

– Слава Богу, Антона спас.

Отец жил на «бакаю» (было – «солёное», «ляпана», «мыгрынка», «загребля»).

Советскую власть принял, вступил в коммуну. В коллективизацию в числе первых вступил в колхоз, сдал всё своё хозяйство.

Одно время был завхозом, членом правления колхоза «Правда».

Во время голода отец был завхозом в колхозе «Красный колос». Рассказывает, приехал на ферму, а из-под амбара девочка выглядывает полудикая.

– Что это за девчонка?

– Та это тут бездомная живёт.

– А ну, вытащите её!

Девочку вытащили, а отец приказал заведующему фермой каждый день давать ей по литру молока. Так вот она и выжила, и до смерти благодарила отца:

– Если бы не Вы, то я бы умерла!

Станица вымерла почти вся. Зайдёшь в дом – всё лежит: постель, посуда, мебель, а людей нет – все умерли. Вокруг нас почти все умерли, никого кругом не было.

Дома в хозяйстве была корова. Госпоставку выполняли, а остальное молоко мать отправляла нас, детей, продавать на рынок.

Мы продавали его не по три рубля, а на 20 копеек дороже. Деньги копили и покупали «лампасье».

Один раз отец увидел, что я лампасеи ем. Он ведь знает, что в доме денег нет, вот и подумал: «Неужели сын ворует?»

Рано утром я проснулся от грозного окрика:

– Костя, а ну вставай! Я бачив, шо ты лампасеи йив! А гроши дэ ты брав?

Когда я ему всё рассказал, у отца слёзы на глаза навернулись. Больше он ничего не сказал, так как понял, что я не украл.

Хорошо, что понял и поверил, а не исполосовал кнутом так, что не мог бы ни сесть, ни лечь.

Быть вором считалось огромным позором. Отец рассказывал, как однажды дедушка Назаренко (с улицы Айвазовского – раньше была Хуторская) стихийно возглавил борьбу с ворами. Было это на Спас – 19 августа 1906 года.

В Каневскую приходили на заработки с Воронежской, Тамбовской и других областей. Приходили ватагами. Нанимались к разным хозяевам. После окончания работ вся ватага опять собиралась вместе.

Было это на базарной площади (в районе стадиона Сенной базар был). Лежит иногородний на своей одёжине и задремал. Один из местных подошёл и вытащил у него деньги.

Дед Назаренко увидел это, разбудил мужика и говорит:

– Шо ж ты деньги проспал?

Тот по карманам, а денег нет. Мужик расстроился.

– Хоть вешайся, – говорит.

А Назаренко говорит, что не вешаться надо, а наказать вора. Мол, я его видел. И он показал того мужика.

Началась драка. Мужик ударил вора, вор дал сдачи; мужик упал и крикнул:

– Держите вора!

Люди не поняли, что он сказал и стали кричать:

– Бейте воров!

Назаренко вытащил оглоблю и ударил этого вора, убив его насмерть.

Толпа вспомнила, что ждут суда ещё два вора. Пошли туда. Сказали, чтобы сторож дал ключи.

Сторож говорит, что, мол, мне нельзя, братцы, я отвечать буду – меня накажут.

Толпа кричит, что, значит, и ты пособник ворам.

Сторож стал на колени и попросил, чтобы его не убивали:

– Сбейте замок сами, тогда мне ничего не будет.

Замок сию же минуту сбили. Этих воров тоже убили.

Вспомнили, что одна женщина продает краденое, её тоже убили.

На всю станицу переполоха наделали. Кто об этом слышал – убегали.

Люди, которые в степу работали, видели, как из станицы без шапок и верхней одежды некоторые спасались. Одного узнали. Когда появился после революции, его спрашивают:

– Где ж ты був, чого тикав?

– Як бы ны вбиг, то б убылы!

– Так ты тоже вор?! Бачилы, як ты ховався та биз шапкы биг. З ворамы мы нэ якшаемся!

Три года тишина была.

Один раз кто-то в поле ехал, та вилы потерял. Так один дед подобрал, да объявление написал, что если кто потерял вилы, то можете забрать у меня, и адрес написал.

Можно было деньги не прятать. Хоть кошелёк клади – никто не возьмёт. Так были все напуганы.

Отец честно отвоевал во время Великой Отечественной войны. Был ранен под Ростовом на Матвеевом кургане. Его отправили в госпиталь, где он лечился девять месяцев (ногу чуть не отрезали).

После госпиталя откомандировали на военный завод в город Георгиевск. Мобилизовали только в 1946 году.

Выслушав исповедь Завалия Константина Петровича, и не только его, но и многих жителей нашей станицы, я вполне согласна со словами войскового священника Кубанской казачьей рады отца Сергия Овчинникова:

– У каждого народа есть своя неповторимая Душа – это его вера, язык, культурные традиции, историческая память. Пока жива Душа народа, жив и сам народ.

Художник Евгений МУКОВНИН.

Казачьему роду нет переводу

…Так и не доехал я до дому,
Затерялся где-то в камыше.
Что же делать парню молодому,
Коль пришлась дивчина по душе?

(из старой застольной песни)

Андрей ЛЯХ

РОДНАЯ ХАТА

Рассказ

Вечерело. Солнце клонилось к закату и играло разноцветным ореолом, прощаясь с жарким августовским днём. Оно всё ещё нещадно обжигало и опаливало покрытое солоноватой пылью лицо. Едкий горький пот маленькими струйками, отыскивая в этой пыли мелкие канавки и морщинки, неприятно сбегал за шиворот и пропитывал уже который день не менянную исподнюю рубашку. Заскорузлой шершавой ладонью я пытался вытирать липкую грязь, но продублённая ветрами и дождями шкура на поросших трёхдневной щетиной скулах и шее от этого ещё нестерпимее щипала, пекла и горела, разъедаемая, будто сдобренной рапой с перцем, тёплой жижицей.

В спину, поднимая вздыбливаемую копытами пылячку, непрестанно поддувал «губайдуй», подсушивая обветшалый, пообтрёпанный, сильно просоленный воротник вылинявшего бешмета. Неизменный походный косматый туркменский тельпек, давно утративший нестерпимый козий дух, насквозь пропитанный моим потом и набитый пылью, надёжно прикрывал голову, уши и глаза от лучей обрыдлого и уже уходящего источника жары. Десятигодовалый гнедой жеребец, устало опуская голову, на ходу пытался схватить губами иссушённые стебли редкой степовой травы, дотлевающей по растоптанным обочинам вдоль пыльного шляха.

Ветерок стих. И сразу откуда-то спереди наконец-то повеяло прохладой.

Высокие стройные тополя, тихий наплывающий гомон оголодавшей домашней птицы и рёв бредущей с луговины худобы – хуторок… Наш, кубанский, почти родной. Ещё парубком я нередко вершки прибегал сюда с поручениями от станичного атамана… Кажется, «Куликова балка» ему имя. Как давно я здесь не был! Наверное, меня вспомнят, и кто-то узнает. Хотя навряд ли – как говаривал наш сотник, «иных уж нет, а те далече». Гнедко тянул влево, на хутор, видимо, соскучившись по людям и своим сородичам, то тут, то там подававшим свои голоса.

– Не-е, дружэ, пройдэмо правым краем.

В голове, стремительно перемешиваясь, каруселили думки и мрии. Сильно хотелось пить. А ведь где-то здесь был колодец «Доброй воды»? Всё тот же узнаваемый запах доспевающего перегноя и свежесметанного не слежавшегося ещё сена. По балочке небольшая ватажка хлопчинят намётом провела с десяток лошадей и двух жеребят-стригунков, то ли на водопой, а может, и в ночное.

Отдалённо загудел колокол, видимо, из недавно достроенной небольшой деревянной церкви, призывая к вечерней службе хуторских старушек. Помнится, как в одиннадцатом году на месте её будущей постройки деды-хуторяне установили дубовый Крест и закопали окроплённый и помазанный освящённой олией камень – как раз на то место, где планировали воздвигнуть алтарь церквушки во имя нашего кубанского заступника святого благоверного князя Александра Невского. Ох, и гуляли они тогда, в уходящем августе, на престольный хуторской праздник. А сколько было молодёжи, и детей не счесть… А затем…

Тяжко вспоминать лихие страшные годы… Но всё же молодцы казаки, достроили храм своему благоверному, и даже при нынешних укрепившихся советах правится у них служба. Чудно бытие казачье – и с кумачом, и с куличом якшаемся.

– Та дэж той колодязь?

Жеребец, растопырив уши и расширив ноздри с засохшей корочкой пыли в обветренных воспалённых ноздрях, теперь упрямо принимал вправо и интуитивно вёл меня, по-видимому, к близкой воде.

–Точно, здесь…

Вот сквозь густой, упруго сплетённый ковёр жирного спорыша протоптана широкая дорожка, ведущая к правлению по насыпной дамбе, перегородившей степную речку, разделяющую хутор на две части. Чахлеющий от конского навоза реденький невеличкий камышец-турлучек, старая пожухлая дикая абрикоса–жердёла и молоденькая, но уже буйно разросшаяся верба возле старого, пустого и рассохшегося, шаплыка. Привязав под жердёлой потного фыркающего коня, я устало опустился на невысокий, почти истлевший, подопревший пенёчек, подпиравший тёплую каменную стенку колодца. Как сильно затекли ноги и окаменела спина.

– Почекай, Гнедко, почекай, родненький, спочатку я глоток, а потим и тоби глоток…

Покрутив железным, в ржавых раковинах, изогнутым воротком порёпанную скрипящую корбу, из зияющей прохладной глубины я поднял новую, с чуть замшелыми зеленоватыми стенками, дубовую кадочку, искусно окованную местным умельцем и посаженную на поржавленную цепь. Набрав в рот воду, прополоскал горло, но тут же выплюнул перемешавшуюся с засохшей слизью, табачной копотью и грязью, моментально ставшую горькою и тёплою юшку. Выплеснув остальную воду в старый зеленовато-серый дубовый шаплык и кинув туда же пучок травы, я повторно жадно приложился к прохладной кромке снова наполненной мною кадки.

Пил, пока не заломило зубы. Отдышавшись, вновь прильнул к истекающему влагой терпкому краю дубовой ёмкости. Напившись до головокружения и звона в ушах, я откинул в сторону коня, склонившегося возле шаплыка, потрёпанный тельпек, перехилил кадку одной рукой. Другою же рукою, подставляемою под ледяную струю, умылся и омыл голову. Затем, сняв потрёпанную черкеску, бешмет и исподнюю рубаху, вылил остатки воды на лицо, грудь и спину. Всё.

– Добрэ, ой добрэ, слава Тоби, Господи!

Перекрестившись, поцеловал мамину ладанку, прицепленную на кожаный гайтан рядом с дедовским медным сечевым крестом.

II

– Здоров бувай, козаче. Бачу, добрый ты козарлюга: и Бога памьятуешь, и за людэй думку маешь. И коня запарэнного бэрэжэшь, як и потрибно, водою гудуешь. Отакычко и мы колысь. Мабудь, ты нэ наш, у нас вжэ таких козакив нэма, пэрэвэлысь. Когось побыли на вийни клятой, а кого й порубалы у бальци комсюкы та бисови чоновьци.

Я вздрогнул и, развернувшись на голос, беглo огляделся. Заметив старого дедушку, сидящего тоже на пенёчке в глубокой прохладе под ветками вербы, кивнув головой, ответил:

– Здоров и ты бувай, диду. Напужав мэнэ трошки. Я тэбэ в хмэрэчи и нэвбачив зразу.

– Ага! Я зараз оцэ и сыдю тутэчко, як лишак або хыхымура, та добрих людэй лякаю.

Дед, сипловато подвизгнув, с придыханием закатился в хохоте, широко открыв беззубый рот. Затем, вытирая слёзы потрепанной клоч-

кастой бородой, икнув, продолжил:

– Ой, сынок, давнэнько я нэ смиявся. Звидкиля ты и взявся на ничь глядючи? Тютюн маешь? Сидай рядком, побалакаем.

Я развязал потёртую, подлатанную перемётную сумку, сшитую из домотканого черкесского ковра, и засунул в неё скомканные рубаху и бешмет. Вытряхнул черкеску, поднял лежащий в траве тельпек и тоже засунул в торбу. Из переднего вьюка достал кисет и протянул деду. Тот, с молчаливой усмешкой наблюдая за мной, порылся в широких видавших виды полотняных шароварах и извлёк на свет Божий старую курительную люльку, трут и кресало. Переодевшись в чистую, но тоже изрядно поношенную рубаху, перекинув через плечо наборный кабардинский поясок, я, набросив на плечи черкеску и подтолкнув поближе пенёк, подсел к старику, приладив на колено ещё не затасканную невысокую папаху-осетинку.

Дед усердно стал набивать глиняную люльку с покусанным просмолённым камышовым мундштуком, продолжая разглядывать меня. Я ж, наслюнявив самокрутку, взяв её в потрескавшиеся губы и прикрыв ладонью, наклонился ближе к труту, на который старик пытался высечь искру.

– Бисовэ крэсало, – промолвил он, перекрестив рот. И, прищурив выцвевшие голубые слезящиеся глаза, лукаво продолжил, – можэ ты, сынку, сирныкы маешь, а то шось у мэнэ чи рукы потэрплы, чи можэ крэсало нэгожэ стало.

Я кивнул и, достав из кисета коробку с остатками серных спичек, протянул их деду.

– Отож и кажу, шо щирый ты козацюра, всэ у тэбэ до дила. И водычки коню налыв на доньцэ шаплыка, и травычку туды кынув, шоб вин холодною водою нэ застудывся, ны ковтав ии як скажэный, а цидыв кризь зубы. Сурло свое грязнэ у кадушку нэ засунув, а обмывся, плюхая воду на рукы, хрэста носыш та Бога помныш и бачь… гы-гы… сирныкы маешь.

– Дякую, диду, то батькы навчилы, а запаслывости стэп та чужбына.

Дед пыхнул в усы добрым клубом дыма, сладко прищурившись, потянул его внутрь и закашлялся.

– Ого, засмыгнув так, шо и до гузна достало, цикавый тютюн, – он снова затянулся доброю порциею дыма, – ну и звидкиля ты мандруешь, якои станыцы рожак, як тэбэ гукають та хто твои батькы?

– Тутэшний я, дидусь, Уманьского куреня, бачь трохи нэ дотянув до станыци, у вашому хутори зупынывся. Батькив тэж комсюкы побылы, та лучишь вам про йих и нэ видать, та я и сам вжэ забув, як и мэнэ гукають, Так шо зовить, як хочтэ, Трохымом або Юхымом.

– Поняв, нэ дурный, – дед состроил смешную гримасу, – Васыль ридный баби Хвэдир, нам Ярэма, вам Пэтро.

– Так и е…

– Одэжу та рямтя свои грязни, шо в торби, далэко нэ ховай. Пидэмо до мэнэ на баз, моя унучка застирае, до пивнэй протряхнэ, а зранку поняй, куды хочишь. Хто спытае, ты мий хрэсныk з Канивськой. Вин вжэ дэсять годив як сгынув, я сам ёго и поховав. И доси ны сказав никому, дэ вин лэжить, а докумэнты ёго пид стрёхой прысунув на случай. Ось и прыйшов случай. Так шо Пэтро ты, Якива Загрибного сынок молодший, хай вин тэж царствуе, – старик перекрестился и всхлипнул, – а мэнэ зовуть Мыхайло, по батькови Стэпановыч.

– Добрэ.

Смеркалось. Мы, с Гнедком в поводу, брели с семенящим дедом по пыльной хуторской улочке.

Ноздри щекотал смешаный запах свежесдоенного молока, сена, свежих коровьих лепёшек и сладкого дымка, стелющегося из дымарей летних кобыць, на которых хуторянки готовили нехитрую вечерю.

Вот и баз деда. Старая, немного осевшая, но ещё крепкая саманка-хатёнка, крытая замшелым прелым камышом. Покосившийся плетень, турлучный нужнык и пара таких же, камышовых, обмазанных глиной сарайчиков.

– Варька, бисова нэвира, бижи скорише сюды, – зычно крикнул Михайло Степанович.

Откуда-то из-под плетня выскочила пухлогубая, остроносая, как и дед, голубоглазая дивчинка с голубым монисто вокруг тонкой загорелой шеи, на которой красовалась плоская тёмная родинка величиной с фасолинку. Тугая светло-русая коса толщиной в руку, перетянутая голубенькой ленточкой, болталась сзади, касаясь разлохмаченым кончиком тонкой пчелиной талии. Замызганная немного великоватая кохтына с вышитыми розочками и завитушками прикрывала загорелые покатые плечи и яблочки чуть обозначенной молодой девичьей грудки. Грубая, из тёмно-синей домотканой ряднины, юбчина с оборками и с выглядывающей из под неё на треть вершка спидныцей, тоже красиво расшитой, опускалась чуть ниже колен крепких, загорелых и не по возрасту полных босых ног.

– Тут я, деда, – девушка вытерла руки разноцветной лоскутной примятой завиской и добавила, – Мархву доила та лазыла кысляк с погриба доставала. Хвэльшеryця казала, шоб Вы тилькэ кысляком вэчерялы або сыроваткой, но я щей жилянykив трошки спэкла та помадорив насбырала.

– Ой, тыж моя ластивко, бобылё ты мое золотэсэнькэ, пидкинь кизяка в кобыцю, пиджарь сальца з часныком, та заразом с колодязя достань на бичевци прывьязану склянку, та нэ розбый, дывысь.

– Ага! Я зараз, дидусь!

– Стий, шкода… Ще казан з водою поставыть трэба, нэвэлычку стирку затиишь, як повычеряем. Та познаемся ж с Пэтром, моим хрэсныком. Шо очи вытрищила, чи зроду козака нэ бачила?

Дивчина рванула с места и исчезла где-то на задах, оставив слабый запах девичьего тела, парного молока и чистых, промытых травами волос …

– От ужэ додильна, уся в дочку, – старик вновь всхлипнул и незаметно смахнул выступившую мокроту с глаз.

III

– Стикэж ты прэтэрпив, хлопче, черэзь цю рэволюцию кляту, дэж тэбэ тилькэ ны носыло, сынку?

Дед разомлел от выпитой чарки и противопоказанного ему жареного сала с тюрей из чеснока, цыбули и холодного кисляка. Собрав в коричневую сухую ладонь со стола крохи хлеба, он привычным движением отправил их в беззубый рот. Поплямкав, перекрестился и, набив в очередной раз люльку уже своим, нарезанным Варюхою, табаком, завёл балачку за жизнь.

– Молодый ты ище, а всёго вжэ понюхав. Дэж ты блукав, сынку. Мабудь, тэ, шо ты бачив, и бисам нэ снылось.

Варя, развешивая мои простиранные лохмотья: рубашку, бешмет с портянками и исподним бельём, глянула с укоризной на деда и, перекрестившись, тихо произнесла:

– Ой, дедушка, нэ поминайтэ в хати чортив на ничь, и дайтэ чоловику самому выбалакаться.

Тихо полился житейский разговор-беседа. Иногда захлёстывающие эмоции заставляли повышать голос, но всё больше наше повествование лилось негромко, почти шёпотом. Давно я так никому не изливал душу, разве что своему Гнедку, подобранному под Новороссийском, бегавшему в одичавших табунах брошенных лошадей. На опостылевшей чужбине, свято веря в то, что конь лучше понимает мою речь, чем иноверцы, окружающие нас с ним, я разговаривал с конём, как с другом-односумом, как с братом, как с земляком.

Меня словно прорвало, я как будто заново рождался в этой хате при тусклом дрожащем свете прокопчённого каганца. Как мне хотелось рассказать этим приютившим меня землякам всё, что со мной произошло, как много греха скопилось на моей душе, что мне пришлось испытать. Но даже сквозь хмель я понимал, что негоже мне втягивать в свои думки и мысли этого уже старого доброго человека и молоденькую хрупкую девчонку, и без того хлебнувшую за свои восемнадцать годочков столько горя, что его с лихвой хватило бы на троих – четверых взрослых казаков.

Зато Степаныч и Варенька рассказывали мне всё. Они словно почувствовали во мне родную душу, которой можно выплакаться и которая поймёт и посочувствует. Свыкаясь, что я и есть Петро, дымя уже дедовым горьковатым самосадом и глотая подливаемую стариком горилку, я уже знал, что дочь Михайлы Степановича, красавица Нюра, была изнасилована взводом карателей-ЧОНовцев и затем, истерзанная, повешена вместе с тремя молодыми, раздетыми до нага, хуторянками.

Муж её Митрий, – полукровка-кабардинец, горячий и взрывной, отец Вари – приговорённый к смерти, недострелянным брошенный в балке среди порубанных трупов хуторян, очнувшись, добрёл до родного база. И, обезумев от увиденного и услышанного, полез на горище и оттуда с шашкой наголо, босый, в горячке пробежал по снегу семь вёрст, пока не догнал награбленный обоз китайцев и латышей, остановившихся на ночлег в соседнем хуторе. Прямо с ходу он снял и порубал промёрзшего полупьяного часового с тремя ездовыми, спящими на подводах. Но и сам был в капусту изрублен очнувшимися от пьяного угара карателями.

Охрим, старший сын Михайлы Степановича, сноха Дуся, его старуха Мотря Юхимовна и четверо внуков к весне того же года умерли от голода, потому как продотряды вычистили всё из сараюшек и погребов на казачьих базах. Второй сын Макар, меньший, ещё неженатый, околачивался у красных и был поднят на вилы толпой восставших против Советов станичников.

Самого Степаныча и Варю спасла, как ни странно, свирепствующая окрест в то время холера – банды и комсюков, и повстанцев побоялись заходить в заражённую хату… Слава Богу, как потом выяснилось, холера прошла мимо ихнего база, а сразила деда обычная лихоманка, ужесточённая недоеданием и бедой. Девочка же была слаба от голода и страха. Затем до них никому просто не было дела. Всеобщее горе проглотило всю злобу, ненависть и классовые распри.

Пришли к власти дружки расстрелянного младшего сына. Понаехали и вселились в пустые хаты умерших казаков люди чужие, лапотные, с семьями и с худой больной живностью. И хоть дед Михайло и не принимал этой власти, и проклял сына-изменника, но смерть его младшего чада пошла деду в зачёт, как пропуск в начинавшуюся новую жизнь…

Спал я как убитый, сморённый самогоном, самосадом и усталостью. В сеннике, на старой побитой молью бурке, мне снилась тёмная крупная, как фасолинка, родинка на девичьей загорелой шее.

IV

Шли шагом степью, по краешку знакомого, родного профиля. Отдохнувший Гнедко старался сорваться на рысь. Я еле сдерживал его, а он, храпя, подкидывал круп и мотал головой, не понимая, почему я с ним, как обычно, не разговариваю… Было прохладно, роса с травы серебряными брызгами разлеталась под копытами коня, и тут же серая лохматая пыль с проплешин грязью налипала на отполированные бурьяном копыта. Со стороны казалось, что конь, словно щирый пьянычка, зранку бредущий из шинка, хитается из стороны в сторону, то к обочине, то к середине пыльного шляха.

А мне, то ли в дремоте, то ли в думке, чудились голос деда Михайлы и его лицо в клубах густого табачного дыма.

– Ну и шо ж ты робыв в чужедальних сторонах, сынку, шо ж ты тамычко бачив?

– Працював як проклятый, добував харчи соби и коню, алэ бувало и йив разну йижу, якой и зроду нэ куштував. Груды мняса, рыбы тай птыци, хрухты, овочи, и мымрыкы солодки, и вытрэбэныкы солони. А бачив, диду, я дуже багато нового и незвычайного. И дворци, и дома высочезни, и людэй с чуднымы лыцями, и худобу, якой у нас зроду нэ водылось. Тилькэ снылыся мини наши хаткы та степ наша, як вышня цвитэ з яблунькою у вэсну. Як ричка журчить, як пивни зорюют, як квочка квохче та курчат гукае, як ластивкы в конюшнях гниздечки вьють.

– А чи е, паря, дивчата чи яки жинкы красыви на чужбыни?

– Чипурных дивчат там багато, и лащуться воны, як собакы або кишкы, и щебэчуть, як птычки, алэ гарнише наших дивчаток та жиночок козацьких я в свити никого не бачив.

– А яки писни спивають там люды?

– И таньцюють, и спивають, диду, писни разни, та таки, що голова кругом идэ… Алэ мини липше слухаты, як у вэчери понад Сосыкою гармоня пыля та дивчатка хором писни выводять. А таньцювать так «гопака» та «наурську» с «шамилём», як у нас, там зроду ныхто нэ зумие.

– А шо воны на зэмли своей садовлять, и чи ростэ там картопля, капустына, або пшэныця, як у нас?

– Ростэ, диду, Но тилькэ нэ копають воны крыныць-копанок на своих городах, та и витэр ны так грае по тией пшэныци. Ны таки дощи йдуть, як над нашимы лугамы, ны така радуга встае на ихнему нэби.

– А чи люблять воны, сынку, ти люды, дидив та прадидив своих, чи чтуть их мудристь та славу?

– Чтуть и дидив, и прадидив, тилькэ нэ садовлять воны калыну в голови батькив своих на могылах, нэ ходять воны, як мы, на провода до своих вмэрших родычей и нэ палють в цэрквах свичкы упокойни. Нэ бють в колокола на Вэлыкдэнь и Рожэство. А мудрише нащих пращурив-козакив ныкого нэмае. А славы, бильшои, чим наша козацька, ни дэ ни було и зроду нэ будэ.

– Так и е, сынку… Мицна будэ й саламата, колы вона з ридной хаты.

V

Гнедко взбрыкнул, и я, покачнувшись, схватился за гриву, затем, остановившись, спешился… Роса испарилась, снова поднималось нещадно палящее солнце. Я лёг под ноги верного друга, на ещё прохладную землю, в подсохшую траву, и пристально стал всматриваться в небо. Высоко под одиноким облачком парил орёл. Зацарапал смычком под самым ухом цвиркун:

– Ридна хата… Ридна хата… Ридна хата…

Скрип перерос в громкий скрежет, отдававший железным лязгом в висках, и я остервенело зажевал сухую былинку скрипящими зубами.

– Да дэж ты, моя ридна хата? Дэж ты, мое счастя та козацька доля? Ридна хата… Ридна хата… Ридна хата…

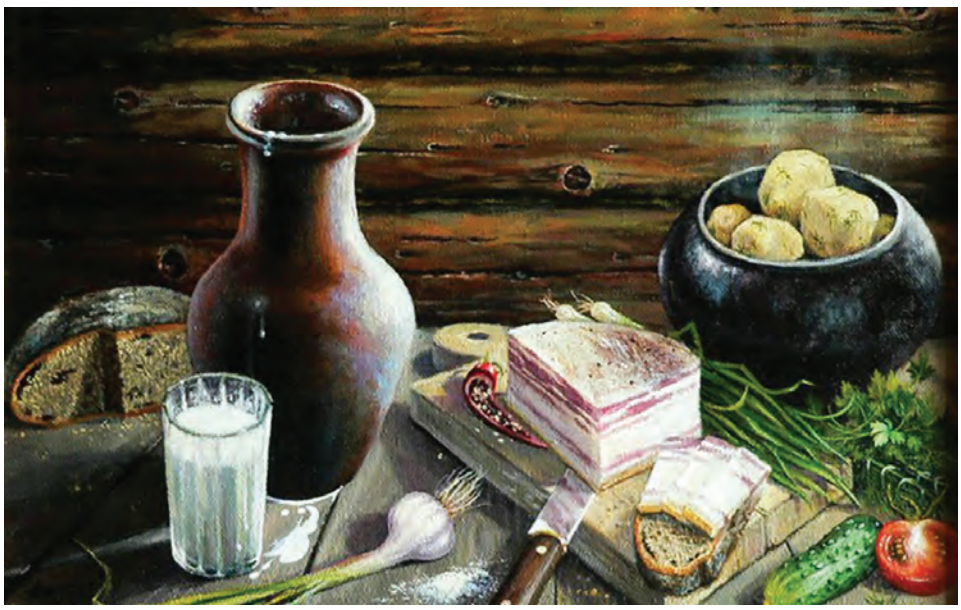
Глаза слипались, скрежет резал слух, орёл постепенно снижался, превращаясь в жирную точку на небосводе. Всё больше и больше становилась точка… Что-то подобное я уже видел… Господи!.. Да это же тёмная, как фасолинка, родинка…

– Гнедко! Ты дэ блукаешь?

Я вскочил на коня, смыкнул что есть силы уздечку, Гнедко крутанулся и присел…

– Домой, Гнедко, до Ридной Хаты!

Конь напрягся, повёл ушами, развернулся в сторону скрывшегося за бугром хутора, вдохнул ветерок влажными расширенными ноздрями и что есть силы, манивцями, через балку навпростэць, рванул в аллюр.



Горькая
память
войны

Валерий КОСТРОВ

КАНЕВСКАЯ, ИЮНЬ 1941 ГОДА

В 2016 году исполнилось 75 лет с того дня, когда немецко-фашистские войска пересекли советскую границу и развязали самую жестокую и кровопролитную войну в истории нашей Родины.

22 июня 1941 года после артиллерийских обстрелов и авиационных бомбардировок германский вермахт начал наступление на западную границу СССР.

В полдень все радиостанции передали правительственное сообщение о нападении врага на нашу страну. Сразу же была объявлена мобилизация военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения.

В этот же день бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) обсудило вопросы, связанные с переходом на военное положение. Военкоматы вели работу по призыву мужчин в армию, формировались добровольческие отряды, активно проводилась военная подготовка населения.

Как эти события происходили в Каневском районе?

Настоящей летописью, запечатлевшей жизнь наших станиц, хуторов и посёлков в разные исторические эпохи на протяжении 85 лет, является районная газета «Каневские зори». В те далёкие годы она называлась «Знамя ударника».

Подшивки с 1943 года бережно хранятся в архивном отделе. Они являются не только реликвией, но и ценнейшим источником краеведческой информации.

Сотрудничество архивной службы района с редакцией газеты способствует сохранению памяти о прошлом и пропаганде исторических архивных документов – народного достояния, которое мы должны сберечь для будущих поколений.

Выпуски газеты до 1943 года, отсутствовавшие в районном архиве, по инициативе Заслуженного журналиста Кубани Валентина Александровича Цветкова были приобретены администрацией муниципального образования Каневской район в электронном виде в Российской государственной библиотеке.

Благодаря помощи главы района Александра Викторовича Герасименко мы имеем уникальную возможность прочитать номера газеты «Знамя ударника» за 1931 и 1934–1943 годы.

Районная газета в июне 1941 года рассказывала о подписке на государственный займ, о подготовке к уборке урожая, о животноводстве, борьбе с сорняками, об открытии новых детских яслей и площадок, о сдаче школьниками экзаменов (тогда они назывались «испытаниями») по русскому языку, литературному чтению, арифметике, о выпускных вечерах в школах района.

В одном из номеров опубликована благодарность пациентов заботливым врачам районной больницы.

Целая страница одного из выпусков газеты посвящена писателю Алексею Максимовичу Горькому, пятилетие со дня смерти которого отмечалось в 1941 году.

Обзоры иностранных телеграмм информировали о боевых действиях на фронтах Второй мировой войны в Европе, Африке, Ираке, Атлантическом океане и Средиземном море.

15 июня, за неделю до начала войны, было опубликовано сообщение ТАСС о муссировании в иностранной печати слухов о «близости войны между СССР и Германией». Эта слухи категорически опровергались.

В семь часов последнего мирного вечера, 21 июня, в Каневской состоялось открытие Первого колхозного кинофестиваля. 22 июня в кинотеатре «Родина» после доклада о международном положении должен был демонстрироваться звуковой фильм «Богдан Хмельницкий»…

Воскресный выпуск газеты от 22 июня был свёрстан заранее и поэтому наполнен только мирными новостями. Корреспонденты рассказывали о подготовке кормов в хозяйствах района, о сенокосе, ликвидации сорняков, состоянии дел в пожарных дружинах, на элеваторе и строительстве плотины.

Вечером в воскресенье пионеры и школьники станицы Каневской приглашались в Дом культуры на открытие форпоста, созданного для организации культурного отдыха детей на летний период. Первым делом намечался поход с ночёвкой.

Подводились итоги комсомольско-профсоюзного спортивного кросса по пересечённой местности на дистанцию 500 метров для женщин и километр – для мужчин. В кроссе приняли участие более ста человек.

Новости с фронтов военных действий рассказывали о бомбардировках германской авиацией аэродромов и портовых сооружений в Англии. Одновременно английские бомбардировщики атаковали города Кёльн и Дюссельдорф в Германии, немецкие корабли и базы на оккупированных территориях. В Африке шли танковые сражения, а в Сирии английские и французские войска подошли к пригородам Дамаска.

Выпуск от 23 июня полностью посвящён началу Великой Отечественной войны. На первой странице – портрет и обращение народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова о том, что в четыре часа утра 22 июня без предъявления каких-либо претензий и объявления войны германские войска напали на нашу страну.

Армии был дан приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с нашей территории. Началась Отечественная война за Родину, честь и свободу. Заканчивалось обращение словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Здесь же опубликованы тексты двух указов Президиума Верховного Совета СССР. Один из них – о мобилизации военнообязанных по военным округам, в том числе и в Северо-Кавказском, другой – об объявлении в отдельных местностях, в том числе и в Краснодарском крае, военного положения.

О боях на границе и воздушных налётах сообщали сводки Главного командования Красной армии за 22 и 23 июня 1941 года. В первый же день нашими войсками было сбито 76 самолётов противника.

Вторая страница газеты под заголовками «Удесятерим свои силы на фронте труда», «Направьте меня на передовую линию огня», «Пошлите меня на фронт», «Уничтожим фашистских вероломов!», «Мы победим» рассказывала о митингах, состоявшихся в Каневском районе, на которых наши земляки выражали возмущение фашистской агрессией и просили записать их добровольцами на фронт.

Газета описывала митинги, которые прошли в станицах Каневской, Стародеревянковской и Александровской. На митинге, состоявшемся в колхозе «Политотделец» Куйбышевской МТС, было зачитано заявление в районный военкомат бывшего красного партизана Николая Тимофеевича Волошина: «Прошу зачислить меня в РККА, хотя мне и 48 лет, но я желаю до конца идти защищать нашу Родину, прошу направить меня на передовую линию огня нашей границы».

Председатель колхоза «Путь к коммунизму» Григорий Моисеевич Пономаренко, 1903 года рождения, в своём заявлении в военкомат писал: «Прошу послать меня на фронт для защиты нашей любимой Родины, готов отдать жизнь за правое дело советского народа…»

В следующем номере газеты опубликованы такие же просьбы комсомольца Н.И. Гусарь, 16-летнего Вани Чуть, колхозников сельхозартели «Новая Жизнь» Ефима Семёновича Гринько и Дмитрия Демидовича Мазирко, бывшего красного партизана из колхоза «Комсомолец» Алексея Павловича Надежкина и других добровольцев.

Труженики Каневского района заверили родную страну в том, что они сделают всё возможное, чтобы помочь Красной армии победить вероломного врага.

В 1941–1942 годах в ряды Вооруёенных Сил СССР ушло 4830 жителей Каневского района, в начале 1943 года, после освобождения от оккупации, – 508 человек. Многие из них отдали свои жизни за Родину…

Массовое участие наши земляки приняли и во всенародном патриотическом движении по оказанию материальной помощи фронту.

Всё это стало ярким свидетельством их готовности преодолеть любые трудности и лишения, чтобы отстоять свободу и независимость своей Родины.

13 июля 1992 года постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации день начала Великой Отечественной войны был объявлен Днём памяти защитников Отечества. 8 июня 1996 года Президент России объявил 22 июня Днём памяти и скорби. Этот день отмечается и в других государствах СНГ.

Низкий поклон и рядовым воинам, и командирам – погибшим, пропавшим без вести, вернувшимся с Победой, труженикам тыла. Вечная им слава!

Мы продолжаем публикацию, начатую в предыдущих номерах.

Ноха СУЛТХАНОВ

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ...

Семья Винник

Пускай ты умер!..
Но в песне смелых и сильных духом
всегда ты будешь живым примером,
призывом гордым к свободе, к свету!
Безумству храбрых поём мы песню!..
Максим ГОРЬКИЙ,
«Песня о соколе».

Пример отца всегда был важен для трёх братьев Винник, воспитываемых в старинных казачьих обычаях: почитания родителей, трудолюбия, верности Отечеству и своему долгу.

Григорий Демьянович Винник был настоящим воином и тружеником. Он доказал это на полях Первой мировой и Гражданской войн, активным трудом на земле, которую возделывал с другими новоминскими казаками. Он и на третью в свой жизни войну, Великую Отечественную, ушёл бы добровольцем, но, к сожалению, рано покинул этот мир – умер в голодном 1933 году.

Крестьянскую стезю и воинскую доблесть отца продолжили сыновья, которые трудились на земле, а когда нагрянула большая беда, – война – встали на защиту Родины.

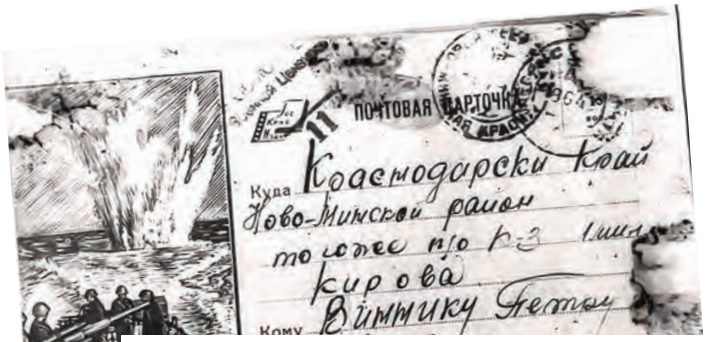
* * *

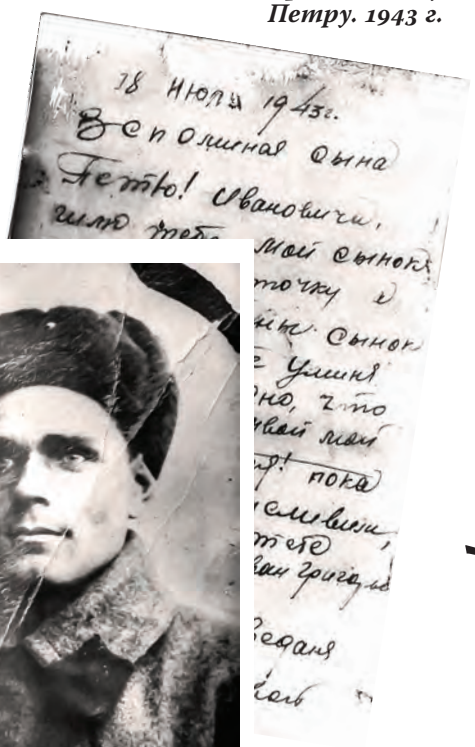
На окраине города Кривого Рога, где в конце 1943 года разгорелось одно из многочи-сленных сражений Великой Отечественной войны, стоит обелиск в память о советских воинах-освободителях, павших за честь и независимость нашей Родины. Среди похороненных в братской могиле солдат и офицеров есть и житель станицы Новоминской Иван Григорьевич Винник. Его имя высечено на мраморной плите золотыми буквами...

Последнее сообщение о себе младший лейтенант Винник Иван Григорьевич прислал 18 июля 1943-го. Почтовая открытка была адресована сыну Петру, которому в то время исполнилось всего-то пять лет. Возможно, зная или чувствуя, что впереди предстоят тяжёлые бои, отец заранее прощался со своим первенцем и завещал ему быть счастливым...

...В 1934 году двадцатилетнего Ивана Винника направили на учёбу – на курсы счетоводов в город Армавир, которые он успешно окончил. Работал учётчиком, бухгалтером, бригадиром в колхозе «Прогресс» (бывшее отделение №1 колхоза имени С.М. Кирова – ОАО «Племзавод «Урожай»).

В конце 30-х годов он участвовал в финской войне, где получил ранение. Как опытный и грамотный воин был направлен на краткосрочные офицерские курсы, которые окончил успешно. В Великую Отечественную войну воевал в составе 234-го отдельного артиллерийского полка 188-ой стрелковой дивизии 82-го стрелкового корпуса командиром артиллерийской батареи.





Почтовая открытка сыну Петру. 1943 г.

Иван Винник, бригадир колхоза «Прогресс». 1941 год.

Иван Винник на финской войне. 1939 г.

Воевал наш земляк храбро. Об этом можно судить по наградным листам, которые заполнялись на младшего лейтенанта после тяжёлых боёв:

«24.10.43 г. На подступах к городу тов. Винник, стоя на прямой наводке, ураганным огнём отбил контратаку пехоты и танков противника, подбил 1 танк, 1 самоходное орудие, рассеял свыше одного взвода немецких солдат».

«26.10.43 г. Огнём взвода т. Винника подавлен огонь артиллерийской батареи врага, уничтожен станковый пулемёт, рассеяна и частью уничтожена пехота противника».

«31.10.43 г. Отражая контратаку танков противника в районе совхоза «Красный шахтёр», тов. Винник подбил 2 танка, 1 самоходное орудие – атака танков была отбита».

«3.11.43 г. В районе станции Калачевская тов. Винник со своим взводом отбил контратаку крупных сил пехоты, самоходных орудий и танков противника, при этом подбил 1 танк, 1 самоходное орудие, уничтожил до роты солдат и офицеров противника».

Свой последний бой командир взвода Иван Винник принял на подступах к Кривому Рогу в ноябре 1943 года. Почти ежедневно гитлеровцы бросали на укрепления, занимаемые его взводом, большое количество танков и пехоты. Третий день, с перерывом на ночь, шло жестокое сражение. Несмотря на потери, противник старался прорваться на флангах и всё усиливал натиск. Но наши стояли твёрдо.

Танки с чёрными крестами снова и снова ползли на наши окопы, но артиллеристы не дрогнули. Взводный Винник умело руководил обороной. Фашистские танки отползали назад и через несколько часов, перегруппировавшись, опять начинали атаки. Наши солдаты в тот день, 14 ноября, подбили большое количество танков и самоходных орудий, уничтожили до роты солдат и офицеров врага.

Лишь к вечеру, когда начали сгущаться сумерки, бой постепенно затих. Отбив контратаку немцев, оставшиеся в живых бойцы в срочном порядке повезли в госпиталь своих раненых, среди которых был и наш земляк Иван Винник, раненный в голову. Его не успели доставить к врачам: он умер в дороге на руках у сержанта Мирошниченко. До госпиталя оставалось 500 метров...

Приказом командующего 82-го стрелкового корпуса за проявленные мужество и отвагу младший лейтенант Иван Григорьевич Вин-

Винник Николай Григорьевич.

Винник Андрей Григорьевич.

ник был награждён орденом Отечественной войны I степени (посмертно). В наградном листе есть последняя запись:

«...Младший лейтенант Винник в наступательных боях с немецкими захватчиками проявил исключительные мужество и отвагу как верный сын великого советского народа...»

P.S. Став взрослым, тракторист садоводческой бригады колхоза имени С.М. Кирова Пётр Иванович Винник стал искать место упокоения отца. Но тщетно. Война отобрала у него не только родителя, но и его могилу. Лишь в 1959 году, когда в окрестностях Кривого Рога открывали рудник «Первомайский», наткнулись на братскую могилу советских воинов. Их было 196 человек. По медальону установили имя новоминчанина Ивана Григорьевича Винника и сообщили об этом в Новоминскую. Правление колхоза сразу же выделило машину, и родственники поехали к месту последнего боя героя.

...И так продолжалось многие годы, пока существовал Советский Союз.

* * *

Благосклонной была военная судьба к Николаю Григорьевичу, бывшему на десять лет моложе брата. Хотя и ему она отвела короткий срок жизни – всего 55 лет, которые он прожил в неустанных трудах и заботах.

Ещё до войны Николай Винник окончил престижные для того времени курсы трактористов, выращивал хлеб и другие виды сельскохозяйственных продуктов в колхозе имени С.М. Кирова. Когда исполнилось восемнадцать лет, несмотря на бронь, он попросился на фронт и воевал сначала сапёром в 1561-ом сапёрном батальоне 1050-го стрелкового полка 301-ой стрелковой дивизии, затем – в роте миномётчиков 82-мм миномётов. В звании старшего сержанта командовал отделением миномётчиков.

В бою за освобождение города Макеевки 6 октября 1943 года сержант Винник, командуя миномётным расчётом, уничтожил вместе с боевыми товарищами три огневые точки немцев, обеспечив тем самым быстрое продвижение роты вперёд. На следующий день, отбивая контратаку противника, огнём миномётов рассеял до роты противника, уничтожив при этом 27 солдат противника. За эти бои наш земляк награждён орденом Красной Звезды. В одном из боёв он получил тяжёлое ранение в голову, но после излечения вернулся в свою часть. Домой возвратился глубокой осенью 1945-го. Отважный воин имел на груди ещё медали «За отвагу», «За Победу над Германией» и другие.

Как и все вернувшиеся фронтовики, активно включился в процесс восстановления разрушенного войной народного хозяйства, вновь растил хлеб, трудясь на тракторе. Как опытного специалиста его назначили механиком тракторного и комбайнового парков отделения №2, а когда в хозяйстве построили КППМ (комплекс промышленного производства молока), направили туда механиком.

Наш земляк из простой казачьей семьи прожил короткую, но славную жизнь, выращивая хлеб в мирные годы и храбро сражаясь с врагом, пришедшим на нашу землю с мечом и огнём. Он был из поколения великих тружеников и воинов!

* * *

Был готов к воинской службе и горел желанием бить фашистов младший из братьев, Андрей Винник. Парня призвали в 1945 году, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Но война к тому времени, к счастью, уже закончилась победой советского народа. Отслужив действительную воинскую службу в Красной Армии, Андрей Григорьевич вернулся в родную станицу и до выхода на пенсию работал механиком в садоводческой бригаде колхоза имени С.М. Кирова. Старожилы вспоминают, что в технике он был мастером от Бога.

Семья Ерохиных

И слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрёт…
Г. Державин.

Отец большого семейства Ерохин Григорий Макеевич мог бы и не попасть на фронт: не молодой – 40 лет. Да и колхозная бронь как трактористу позволяла трудиться в тылу и тем ковать всенародную победу. Да ещё шестеро детей по лавкам, о которых надо было заботиться. Попросился добровольцем: весь народ поднимался на борьбу с немецкими захватчиками, и негоже было ему, крепкому мужику, отсиживаться дома. Их с Феодосией Захаровной первенец Александр уже служил в действующей армии после окончания военного училища и с первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте. Бить фашистов стал и отец.

В первые годы войны было очень трудно: приходилось отступать, часто цепляться за укрепрайоны и отбиваться от наседающих проклятых оккупантов. Легче стало после победы под Сталинградом и пленения 6-ой армии фельдмаршала Паулюса. Противник был уже не тот: он стал понимать, что обречён, и победы ему не будет. Но он не сдавался и цеплялся за каждый город, за каждые село и деревню.

В июне 1943-го упорные бои на Северном Кавказе шли близ Крымского района Краснодарского края, где гитлеровцы построили сильные укрепрайоны, названные «Голубой линией». Враг был уверен в их неприступности и даже не помышлял об отступлении. Но зато советские войска тщательно готовились к контрнаступлению.

Поступало пополнение. Среди молодых воинов были и призывники из станицы Новоминской. Солдаты учились штурмовать окопы и опорные пункты, как можно дальше бросать гранаты, вести рукопашный бой и многому другому. Учились бить врага как можно лучше, и тут вчерашним юношам помогали старые воины, такие как Григорий Макеевич, к тому времени опытный и храбрый красноармеец.

Воевал он геройски. Не раз отмечался командованием. Ещё в феврале его родную Новоминскую освободили от немецко-фашистских захватчиков, и рядовой Ерохин воевал с удвоенной энергией. С таким же порывом он поднялся вместе с другими солдатами своей роты в ночную атаку во время разведки боем и погиб в рукопашной схватке во втором эшелоне окопов врага. Поставленную командованием задачу его боевые товарищи выполнили.

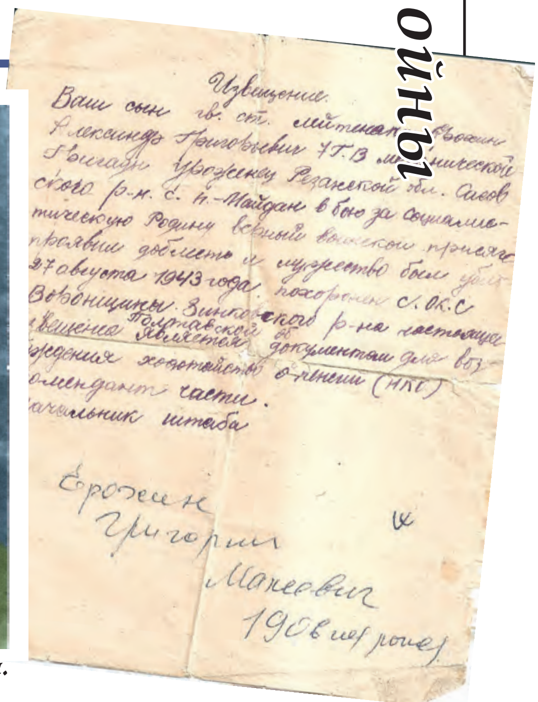
Случилось это ночное сражение 8 июня 1943 года. Погибших похоронили на следующий день в братской могиле севернее станицы Небердиковской Крымского района Краснодарского края. Мне об этом рассказывал однополчанин Григория Макеевича, наш станичник Тищенко Александр Пимонович.

О гибели мужа Ерохина Феодосия Захаровна узнала лишь в начале октября 1943 года. Не успела выплакать горе, а уже на следующий день принесли извещение (их называли «похоронками») о гибели сына, Александра Григорьевича… Командир части и начальник штаба сообщали:

«Ваш сын гвардии старший лейтенант Ерохин Александр Григорьевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив доблесть и мужество, был убит 27 августа 1943 года…»

Ерохина Феодосия Захаровна.

Ерохин Александр Григорьевич.



Извещение.
Ваш сын гв. ст. лейтенант
в бою за социалистическую Родину верный воинской присяге
проявив доблесть и мужество был убит
27 августа 1943 года. похоронен
Полтавской об.
является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (НКО)
Комендант части.
Начальник штаба
Ерохин
Григорий
Макеевич
1908 г. рожд.

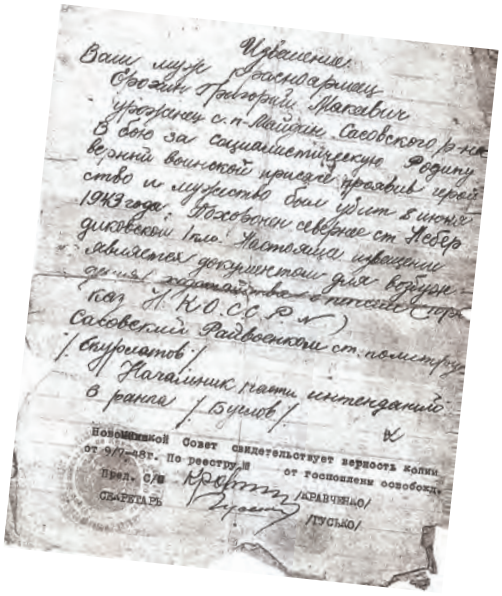
Он погиб в сражении за украинское село Воронщина Лебединского района Сумской области, которое наши войска взяли с первой попытки. Ему было двадцать лет…

Там, на Полтавщине, в братской могиле покоится прах новоминчанина Ерохина Александра Григорьевича, гвардии старшего лейтенанта, члена ВЛКСМ, командира 3-й роты 3-го механизированного батальона, который до последнего вдоха сражался с ненавистным врагом, принёсшим на нашу землю смерть, горе и страдания. Фашисты не смогли сломить стойкость советских людей – мы сломали хребет фашизму и помогли миру выстоять в этой страшной войне…

…Трудно даже помыслить о тех страшных минутах, когда жена и мать Феодосия Захаровна почти одновременно получила похоронки на мужа и сына. Воздадим ей и всем советским матерям должное за выдержку, жертвенность, великое терпение, за то, что растили и воспитывали детей, снабжали фронт всем необходимым.

Матери всегда помнят о близких, погибших на той войне. Материнская память не отпускает из сознания сыновей, ушедших на войну и сложивших там головы. Только матерям Всевышний дал способность слышать их голоса и говорить с ними. Я много раз слушал рассказы о сыновьях, оставшихся на полях многочисленных сражений: матери и через полвека вспоминали о них как о живущих на земле. Это ли не подвиг, достойный возвышения!

Что же касается Феодосии Захаровны, она, как и все советские люди, упорно трудилась, подняла на ноги шестерых детей, дала им образование. Награждена орденом «Материнская Слава» III степени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг».



Извещение.

…Много наших воинов погибло в годы Великой Отечественной войны. Люди разных народов, но братья по своей советской национальности, они лежат в многочисленных братских могилах на просторах нашей великой Родины и за её пределами. Спасибо им за подвиги ради жизни на земле. Они отстояли мир, независимость нашего Отечества, освободили Европу от фашизма. Их подвиги и сегодня взывают к нам: «Люди земли, будьте бдительны! Берегите мир!»

***P.S.** Фотографию мужа найти не удалось.*

Семья Иващенко

…Хорошо, если Родина обопрётся
о твоё плечо, и оно не сломится
от исполинской тяжести доверия…
Писатель Леонид Леонов.

Некоторые старожилы ещё могут вспомнить большую и дружную семью Ольги Фёдоровны и Прокофия Семёновича Иващенко, которые вырастили и воспитали девятерых детей. Все они нашли своё место в жизни, стали полезными нашему народу и государству. Хорошо трудились, а когда над Родиной нависала опасность, шли её защищать.

…В 1939 году советско-монгольские войска на реке Халхин-Гол разгромили японских захватчиков, вторгшихся в Монгольскую Народную Республику. Объединённые армии окружили и разгромили японскую группировку в нижнем течении реки. Противник потерял убитыми и ранеными 18,5 тысяч человек. Вместе с другими советскими солдатами японских оккупантов бил и новоминчанин Иващенко Прокофий Семёнович, заслуживший несколько благодарностей командования за боевые заслуги. Прокофий Семёнович был уже опытным воином, которому поручали наставничество над молодыми призывниками, и с этими обязанностями он справлялся успешно.

После демобилизации трудился трактористом на Албашской машинно-тракторной станции и слыл хорошим земледельцем. Он и продолжал бы выращивать хлеб, но началась Великая Отечественная война…

Несмотря на пятидесятилетний возраст, попросился на фронт. Сказали, что есть молодые солдаты, а Прокофий Семёнович пусть занимается своим обычным крестьянским делом. И он с большей активностью трудился на земле, помогая Красной Армии хлебом и продовольствием. Чтобы остановить наступление фашистских войск, вместе с другими гражданскими лицами, среди которых было

Иващенко Евдокия Прокофьевна.

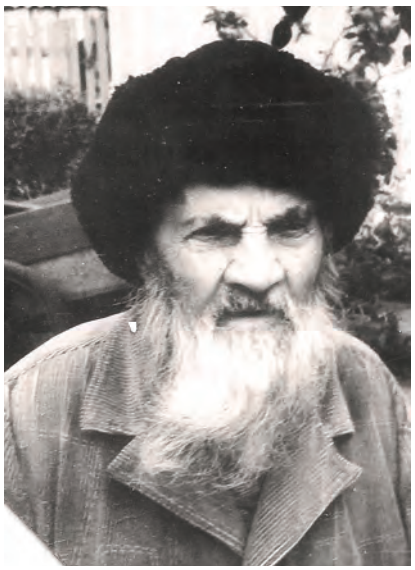
Иващенко Григорий Прокофьевич.

Иващенко Иван Прокофьевич.

немало новоминчан, рыл окопы под городом Ростовом. А когда немцы оккупировали Новоминскую, увёл с товарищами колхозных коров и лошадей в плавни и находился там до изгнания захватчиков из станицы и Новоминского района.

Его старший сын Григорий после окончания школы №36 мечтал поступить в военное училище, но в первые же дни войны попросился добровольцем на фронт. Письма от него перестали приходить с 1943 года. А через некоторое время родители получили извещение, что рядовой Иващенко Григорий Прокофьевич пропал без вести 6 марта 1943 года. Других сведений о нём до сих пор найти не удалось.

В Книге Памяти Краснодарского края есть несколько строк о младшем брате Григория – Иващенко Иване Прокофьевиче:



Иващенко Прокофий Семенович.

«год рождения 1912. Призван в Советскую Армию Новоминским райвоенкоматом. Рядовой. Пропал без вести в апреле 1943 года».

Но эти сведения оказались неточными. В апреле 2015 года родственники узнали, что стрелок Иван Прокофьевич Иващенко попал в плен на второй день войны, 23 июня 1941 года, и до 18 января 1942 года находился в разных немецких концлагерях – в этот день он умер в лагере Нахтерштедт. Сейчас в этом месте находится кладбище советских военнопленных; на могилах наших солдат установлены надгробные бетонные плиты. Фамилия Иващенко написана неправильно, но так она была записана в его лагерной карточке. До войны Иван Прокофьевич работал в колхозе шофёром.

Досталось военное лихолетье и сестре братьев Иващенко, Евдокии, которая участвовала в боях по освобождению Кубани. После Победы она вышла замуж и уехала жить в Москву.

В апреле каждого года, когда страна отмечала День войск Противовоздушной обороны, Евдокия Прокофьевна приободрялась и шла в парк культуры в Москве, где встречалась с боевыми подругами-зенитчиками. Они вспоминали годы своей военной юности, тяжёлые бои с самолётами фашистов. Нашим зенитчикам приходилось охранять от налётов вражеской авиации части армии, военно-морского флота, промышленные и оборонные объекты, города и сёла, мосты, железные дороги и многое другое. За личное мужество наша землячка была отмечена боевыми наградами.

…На этой самой кровавой и беспощадной в истории человечества войне сражались многие новоминские семьи, которые помогли сломать хребет фашистскому режиму в Германии. Они погибали и побеждали. Одна из таких семей – семья Иващенко.

Фото из семейного архива Екатерины Ивановны Лихолат (Смирновой).

Александр ДЕЙНЕВИЧ

ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ…

Великая Отечественная война, 70-летие со времени окончания которой мы отметили в минувшем году, явилась самой тяжёлой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. Чем дальше она уходит в историю, тем меньше становится очевидцев тех страшных событий. И если ратные подвиги наших земляков относительно известны, то вклад тех, кто приближал Победу в тылу, во многом всё ещё требует изучения.

В одном строю с тружениками тыла тогдашнего Новоминского района приближали Победу и колхозники Новодеревянковского сельского Совета.

Война, начало которой совпало с массовой уборкой урожая на полях, явилась тяжёлым испытанием для всех кубанцев. На митингах, прошедших в колхозах Совета, станичники единодушно осудили вероломное нападение Германии на нашу страну и призвали всех крепить единство фронта и тыла, помочь Красной Армии быстрее разгромить врага.

Резолюция, единогласно принятая на митинге в колхозе «Правда»:

«Мы, колхозники сельхозартели «Правда», глубоко возмущены подлой вылазкой германских фашистов. Мы знаем, что войну навязали нам не трудящиеся Германии, а фашистские заправилы.

Мы одобряем политику Советского правительства, отдавшего приказ: разбить и уничтожить врага. И заверяем товарища Сталина в том, что приложим все силы для того, чтобы убрать богатый сталинский урожай в самые сжатые сроки без потерь, досрочно выполнить план государству, укрепив этим самым мощь нашей славной Красной Армии.

Мы заверяем Вас, товарищ Сталин, что по зову нашей партии, мы все, как один, встанем на защиту наших священных рубежей и с Вашим именем в сердцах будем громить врага.

Обязуемся все, как один, досрочно внести деньги на погашение подписки на заём. Будем ещё больше укреплять нашу Родину.

Да здравствует любимый вождь товарищ Сталин!

Да здравствует наша славная Красная Армия и её полководец Нарком обороны Маршал Советского Союза Тимошенко!»

Жизнь в тылу перестраивалась на военные рельсы, подчиняясь единой цели: «Всё – для фронта! Всё – для победы!» Уход колхозников-мужчин и механизаторов МТС в РККА значительно повлиял на темпы уборки первого военного года. Но, несмотря на то что на фронт были отправлены машины, тракторы и лошади с повозками, уборка колосовых в колхозах в основном была закончена к концу июля. В полевых работах участвовало всё население – так тяжести войны с первых её дней легли на плечи женщин, стариков и подростков. В 1941 году Краснодарский край сдал государству в счёт обязательных поставок зерновых и масличных культур в два раза больше, чем в 1940-ом.

В первый военный год в жизнь станичников вошло новое слово – «эвакуированные», переиначенное вскоре, в обиходе, в грубоватое, но более меткое – «выковырянные». В июле на Кубань как в крепкий тыл из областей, стоявших перед угрозой захвата противником (в основном, с территории Украины), по направлениям руководящих советских органов прибыли 37165 мирных советских граждан, которым по тем или иным причинам было небезопасно оставаться в местах постоянного проживания. В числе спасавшихся от фашистской неволи в станице Новодеревянковской оказались и 10 еврейских семей. Все они были приняты жителями и распределены для проживания по семьям колхозников.

«Верный путь» принял семьи Шай Эльвича и Решли Вихлер с тремя детьми (четвёртая девочка появится уже в Новодеревянковской, в 1942 году), Якова и Анны Гремберов (тоже с тремя детьми), Герша и Феремы Мететес с сыном, невесткой и пятью детьми и 17-летнего Ушира Завербера – все они были жителями города Бендер и области. Иосиф Яский из Кишинёва и Хайка Кайтанова с двумя девочками из Ленинграда нашли приют в колхозе «Животновод им. «Правды». В колхоз «Заветы Ильича» на жительство была определена бежавшая из Житомира Хайка Розынбой (Розенбой) с тремя детьми. Ещё три кишинёвские семьи поселились в колхозах «Красная звезда» и «Новый восход».

Эвакуированные принимали посильное участие в полевых работах в хозяйствах, мечтая об изгнании врага с советской земли и о возвращении домой.

– Мама четыре раза на день месили тесто и пекли в колхозной пекарне хлеб для эвакуированных, – вспоминала Анна Ивановна Марушко, начинавшая трудовой путь в колхозе «Животновод им. «Правды» и отдавшая хозяйству всю свою трудовую жизнь. – Ведь мы почти до хрущёвских времен не знали, что такое магазинный хлеб – его у нас отродясь не было. А пекарня была в хате, где до высылки жили Скибы, на углу улицы Калинина и 4-го переулка. Ваганы, в которых они месили тесто, были, наверное, метра с два длиной, и они своими ручками вот так сожмут их в кулаки и по квашне, взад-вперёд. Так и я когда помогала, а то и Галя (внучка)... Как же потом было этим ручкам не болеть…

Со значительными трудностями началась посевная 1942 года. Сократилось поступление горюче-смазочных материалов, в МТС перестали поступать сельхозмашины, а оставшиеся требовали запчастей и квалифицированного ремонта. И, хотя роль живого тягла возросла, полностью поднять зябь не удалось.

Постановлением Правительства был увеличен в полтора раза обязательный минимум трудодней для колхозников. Вводился и обязательный минимум трудодней для подростков от 12 до 16 лет (годовая норма не должна была превышать 50, в редких случаях – 100 трудодней). Неотработка обязательного минимума предусматривала как административную, так и уголовную ответственность. К сельскохозяйственным работам привлекалось практически всё трудоспособное население станицы и хуторов.

– Наши сыновья и внуки мужественно сражаются на фронтах с проклятым врагом, а мы здесь, в тылу, должны работать не покладая рук на наших полях, чтобы посеять вовремя и получить большой урожай в этом году, – призывал колхозник сельхозартели «Рот фронт» Григорий Деомидович Кривоконь на общем со-

брании стариков колхоза 5 марта 1942 года. – В дни Отечественной войны должны работать все хорошо. Старухи, которые не смогут работать в поле, должны смотреть за детьми, за хозяйствами колхозников, работающих в степи, – этим самым помогут участвовать всем колхозникам и колхозницам на семенных работах...

Для выхода из создавшегося положения 15 мая 1942 года исполком Новоминского Совета депутатов трудящихся принимает решение о проведении с 15 мая по 1 октября мобилизации трудоспособного населения района на сельскохозяйственные работы в колхозы и МТС.

Документ определял порядок мобилизации:

«1. К мобилизации привлекается трудоспособное население:
а) не работающие на предприятиях промышленности и транспорта;
б) часть служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений без ущерба работе данного учреждения;
в) учащиеся 6–10 классов неполных средних и средних школ на время летнего перерыва учебных занятий.
2. Установить, что мобилизации на сельхозработы из числа трудоспособного населения и служащих подлежат лица мужского пола в возрасте от 14 до 55 лет и лица женского пола от 14 до 50 лет.
3. От мобилизации освобождаются женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними.
4. Учащиеся неполных средних и средних школ направляются на сельскохозяйственные работы группами – отдельно мальчики и девочки, во главе с учителями школ.
5. Установить продолжительность рабочего дня для учащихся школ на сельскохозяйственных работах от 6 до 8 часов, в зависимости от их возраста и характера работы.
6. Мобилизуемые на сельскохозяйственные работы направляются в колхозы и МТС в соответствии с заявками правлений колхозов и директоров МТС и по приезде на место поступают в распоряжение правлений колхозов и директоров МТС, которые обязаны обеспечить прибывших к ним на сельскохозяйственные работы жильём.
Правления колхозов и директора МТС в зависимости от характера работы включают прибывших в существующие бригады или звенья, или образуют из них отдельные звенья.
7. Прибывшие на работы в колхозы и МТС подчиняются действующим в них правилам внутреннего трудового распорядка.
8. Оплата труда мобилизованных на сельскохозяйственные работы и в МТС производится по существующим нормам и расценкам на общих основаниях с работниками МТС.
Оплата труда в колхозах мобилизованных на сельскохозяйственные работы производится по действующим нормам выработки и расценкам в трудоднях, с оплатой заработанных трудодней – деньгами и натурой наравне с колхозниками.
Окончательный расчёт по заработанным трудодням мобилизованных на сельскохозяйственные работы производится в конце года. Впредь же до окончательного расчёта правление колхоза за выработанные трудодни выдаёт работавшим у них аванс в размере 50 процентов от стоимости выработанных трудодней, предусмотренной производственным планом колхоза.
9. Колхозы и МТС обязаны обеспечить прибывших к ним на работы общественным питанием. Питание предоставляется по ценам, установленным для кооперативных и госторгорганизаций и колхоза, кроме хлеба, подлежащего удержанию натурой при окончательном расчёте по трудодням».

Уклонение от мобилизации, равно как и самовольный уход с работы, грозили уголовной ответственностью и принудительными работами. Но, несмотря на принятые меры, убрать урожай 1942 года полностью не удалось.

Кроме сельскохозяйственных работ, жители станицы по мобилизации направлялись в трудармию, по разнарядке – на строительство оборонительных укреплений. Тысячи колхозников, рабочих, служащих вручную рыли противотанковые рвы, окопы, траншеи. Отсутствие элементарных материально-бытовых условий, ежедневный тяжёлый ручной труд по 10 часов, скудное питание, приводившие зачастую к травматизму и болезням, делали работу этих тружеников поистине героической.

Потерпев неудачу под Москвой, немецкая армия, стремясь захватить хлеб и нефтяные богатства нашей страны, в первой половине 1942

года, одновременно с наступлением на Сталинград, развернула бои, стремясь отрезать от страны Кавказ. 22 июля пал город Ростов-на-Дону. Перейдя Дон, советские войска в составе 56-ой, 18-ой и 12-ой армий под ударами превосходящих сил противника стали откатываться на юг.

31 июля 1942 года, с занятием фашистами станицы Кущёвской, пришла война и на Кубань. Появление врага стало настоящим потрясением для кубанцев: практически ежедневно радио, штатные и внештатные пропагандисты убеждали людей, что «Красная Армия всех сильней» и «наша поступь сильна», что «1942 год – год разгрома фашистских банд», а тут вот он – враг, и не газетный, а самый настоящий, живой!

В связи с невозможностью вывоза, в начале августа Новоминским райотделом НКВД проводятся «спецмероприятия»: сожжены элеватор и зерносклады, сенопункт, нефтебаза. Спущены на землю 1200 тонн горючего, которого так не хватало технике на колхозных полях. В «другие ценности», определённые постановлением Военного Совета Северо-Кавказского фронта от 28 июля 1942 года под «уничтожение и порчу», попали архивы и даже подшивки советских газет в библиотеках и красных уголках колхозных бригад.

1 августа, когда враг уже занял Белоглинский район, по запоздалому распоряжению властей началась эвакуация колхозного скота. А хозяйство новодеревянковских и албашского колхозов, подлежавшее спасению от оккупантов, было немалым – пешим ходом в Орджоникидзевский (так тогда именовался Ставропольский) край направлялось 4412 голов! На попечении сопровождавших его колхозников, кроме КРС, находились и лошади, и свиньи, и овцы (только из колхоза «Животновод им. «Правды» – 350 голов). Налёты фашистской авиации, стремительное продвижение врага (9 августа немцами был занят город Краснодар) не позволили завершить это «великое переселение». По распоряжению оккупантов все «эвакуируемые», не успевшие перейти реку Кубань, были направлены назад, в свои колхозы.

5 августа 1942 года станица Новодеревянковская была оккупирована румынскими воинскими подразделениями. Были сформированы органы управления, назначен староста станицы.

«Освободители от большевизма» не распустили колхозы, они перешли под управление сельскохозяйственного коменданта Новоминского района капитана Германа Шульта. Практически была сохранена прежняя структура руководства хозяйствами: оставались председатели, бригадиры, звеньевые. В декабре 1942-го на краевом земельном съезде был объявлен «новый порядок землепользования», по которому колхозы переименовывались в «общинные хозяйства» – как переходное звено на пути к хозяйствам единоличным. Колхозная земля, МТС объявлялись собственностью немецкого государства, а для более организованного грабежа народного добра на общины возлагалась ответственность за полную уборку урожая и своевременную сдачу сельскохозяйственной продукции оккупантам.

Немецкий «новый порядок» устанавливал комендантский час: с наступлением темноты запрещалось всякое передвижение по станице, запрещалось находиться в степи, собираться группами. Все коммунисты, кандидаты в члены партии, комсомольцы, бывшие работники НКВД и милиции должны были зарегистрироваться. Отдельно были составлены списки постоянно проживающих в станице и эвакуированных. «Всем жидам» также предписывалось зарегистрироваться и носить белые нарукавные повязки с пришитой или нарисованной жёлтой шестиконечной Звездой Давида. Имеющие должны были сдать военное обмундирование, оружие, радиоприёмники, фотоаппараты с принадлежностями, пишущие машинки и географические карты. Ночлег посторонних позволялся в станице только с письменного разрешения старосты.

Все жители, имеющие коров, обязывались ежедневно сдавать на местный сырзавод два литра молока, а раз в неделю – определённое количество яиц, в зависимости от численности птицы. За неисполнение требований наказание было одно – расстрел.

Осенью того же года жители Новодеревянковской впервые наяву увидели, что означает расхожая немецкая пословица «Ordnung muss sein» – «Должен быть порядок». 24 октября с участием предателей, перешедших на службу врагу, на северной окраине станицы, на кладбище, были расстреляны все еврейские семьи, находившиеся в эвакуации, в количестве 37 человек, в том числе 19 детей. Злодеи не пощадили даже двух малюток – девочек в возрасте до одного годика, родившихся уже в Новодеревянковской.

Затем к месту казни были доставлены и в этой же яме расстреляны коммунист Алексей Евсеевич Гаврилов – учитель средней школы №9, Стефан Васильевич Воробьёв – партизан Гражданской войны, Михаил Иванович Коваленко – бывший секретарь Новодеревянковского стансовета и Максим Иванович Калай – партизан Гражданской войны, колхозник колхоза «Животновод им. «Правды».

Состоявшаяся акция устрашения, цинично названная оккупантами «санитарными мерами» против коммунистов и евреев, наглядно показала, что может ожидать мирных советских людей.

А 19 декабря облава во главе с И.А. Чернегой, назначенным за усердие начальником полиции Новоминского района, нагрянула в отдалённый хутор Ленинский. По наводке предателя были арестованы колхозники колхоза «Свободный труд» Дмитрий Фёдорович и Матрёна Трофимовна Варивода, Савва Саввич и Агриппина Филипповна Поповы, Стефан Петрович и Евгения Ивановна Сулим. Вместе с арестованной в станице Новодеревянковской партизанской разведгруппой они были отправлены в комендатуру станицы Новоминской, а затем переправлены в тайную полевую полицию станицы Уманской (во время оккупации немцы вернули станице Ленинградской её историческое имя). Оказалось, что арестованные колхозники были хозяевами явочных квартир, связанными с парт-

Много лет назад, молодые и красивые, проводив своих любимых на фронт, они заменили их, работая в тылу. Рыли окопы, ставили заграждения, сеяли и убирали хлеб, доили коров, снабжали армию продовольствием. Собираясь вместе, они вспоминают молодость и войну, которую никогда не забудут. Ветераны колхозного производства (слева направо): Н.В. Бондаренко, А.Р. Набок, Д.Ф. Кокунько и Н.А. Слюсарь. Фото Д. Джуры. 1994 г.

тизанами отряда «Защита Родины», созданного перед оккупацией Новоминским РК ВКП(б). Так как вести партизанскую борьбу с захватчиками в безлесном степном районе было нереально, отряд базировался в Северском и Горяче-Ключевском районах, выполняя разведывательные задачи. Уже сам переход через линию фронта в тыл противника был связан с риском для жизни. Находящиеся на отшибе хатки хуторян стали идеальной базой для хранения продуктов и снаряжения. В ходе ареста было конфисковано и вывезено всё находившееся у них имущество и продовольствие.

О трагической судьбе новодеревянковских партизан и их связных стало известно только после освобождения Новоминского района. Все они были расстреляны в станице Уманской (Ленинградской) 23 января 1943 года. Проведённая экспертиза тел погибших показала, что казнённые перед смертью подвергались жестоким избиениям и пыткам с переломом костей, вырезанием на телах звёзд, отрезанием языка, выкалыванием глаз…

А накануне, 21 января, Уманской полевой комендатурой №810 было собрано совещание районных атаманов, начальников полиции и агрономов (управляющих) Уманского отдела (в составе Уманского, Староминского, Новоминского, Каневского, Крыловского и Павловского районов). Выступивший на нём полковник фон-Келлер объявил, что, в связи со складывающейся обстановкой на фронтах, отдел подлежит эвакуации. Отправным сборным пунктом была определена Каневская с дальнейшим путём следования полиции и казаков-добровольцев через Новоминскую, Староминскую, Азов и далее – через Азовское море, на Таганрог…

Пройдут без малого три десятилетия, и трагические события тех давних дней снова напомнят о себе. В начале 1970-х годов в хуторе разбирали старенькую хату Поповых. Когда стали ломать стену, то среди самана кто-то увидел выпавший сверток из полуистлевшей газетной бумаги. В нём оказались паспорт и удостоверение председателя Новоминского райисполкома Луки Кузьмича Черняева. В те годы мало кто уже помнил это имя. Направленный партизанским отрядом с особым заданием в станицу Екатериновскую, он перед уходом от Поповых замуровал свои документы в стену их хаты. Но забрать их Луке Кузьмичу не пришлось – возвращаясь назад, в свой район, он был опознан полицаями и после сопротивления убит…

Исполнившие до конца долг перед Родиной партизаны и их связные, рядовые колхозники, также, как и их товарищи, погибшие на фронтах Отечественной войны, достойны светлой памяти живущих поколений.

Долгожданное освобождение от гитлеровской неволи пришло 4 февраля 1943 года. Оно было столь стремительным, что отступавший в панике со своими приспешниками враг не успел захватить даже списки зарегистрированных коммунистов, комсомольцев и активистов Советской власти, намеченных к очередной «санитарной» акции.

Геройствовавший во время оккупации Чернега, «взяв себе подводу, нагрузил её продуктами и, посадив спекулянтов, ничем не связанных со станицей, уехал в неизвестном направлении…»

Колхозники станицы и хуторов, как и все жи-

тели освобождённого района, активно включились в оказание помощи фронту. В первый же день жители хутора Ленинского (колхоз «Свободный труд») показали бойцам 89-ой армянской дивизии, освобождавшей Новоминской и Каневской районы, безопасные пути перехода по льду каневских лиманов, направив их на станицы Привольную и Бриньковскую. Были изобличены, пойманы и арестованы не успевшие сбежать немецкие прислужники.

Во всех колхозах прошли общие собрания, на которых были приняты решения, мобилизующие людей на быстрейшее восстановление разрушенного общественного хозяйства, на сбор скота, имущества и зерна, взятого на сохранение, организацию уборки и обмолота оставшихся сельскохозяйственных культур, сбор средств для быстрейшего разгрома врага. Были избраны члены правлений, председатели колхозов, ревизионные и инвентаризационные комиссии.

Выступавшие благодарили вождя советского народа, доблестную Красную Армию, освободившую от фашистского ига и вернувшую «право на все советские законы», и обещали «все как один» приступить к восстановлению сельского хозяйства, «чтобы дать изобилие продуктов Советской стране и Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Для безотлагательного обеспечения фронта всем необходимым, по призыву Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома «всеми силами помочь красным воинам скорее разгромить фашистские орды», организовывается сбор продуктов (молоко, яйца, мёд), перевязочного материала, тёплой одежды, продовольственного фуража. Как отмечалось на XV пленуме Новоминского РК ВКП(б) 1943 года, жители района сдали в фонд Красной Армии более десяти тысяч тонн зерна, в том числе из личных запасов – более трёх тысяч тонн.

Во всех колхозах была проведена полная инвентаризация движимого и недвижимого имущества, скота, продовольственных и фуражных ресурсов. Оккупация нанесла значительный ущерб колхозам Совета. Кубань ещё не знала разрушений такого масштаба. Больше всего пострадали колхозы «Новый восход» и «Свободный труд», убытки и разрушения в которых составили 5216092 и 3288957 рублей соответственно. А всего за полгода оккупации колхозам Новодеревянковского и Албашского Советов были нанесены ущерб и разрушения на сумму 19314798 рублей. На 1534320 рублей было разграблено и уничтожено имущество Новодеревянковской МТС.

Организация производственных бригад позволила начать восстановление разрушенного хозяйства и давать стране хлеб.

Обращаясь к первым секретарям горрайкомов ВКП(б) и председателям горрайисполкомов, 15 июня 1943 года на XIII пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б) первый секретарь крайкома партии П.И. Селезнёв, прямо сказал:

«…положение в стране такое, что на Кубань сейчас смотрят так, чтобы получить во что бы то ни стало больше. И мы с вами обязаны это сделать. Почему? Потому что Кубань всегда являлась одной из крупнейших житниц нашего Советского Союза, Кубань всегда являлась поставщиком сырья для Советского Союза, значительную долю вкладывая в общий котёл нашей Родины. Поэтому, ясно отдавая себе отчёт в том, что мы трудимся на благо нашей Родины, на то, чтобы разгромить врага, мы с этой задачей справимся».

Высокую оценку на этом пленуме получили ремонтно-подготовительные работы в Новодеревянковской МТС, которая по-прежнему обслуживала колхозы двух Советов: Новодеревянковского и Албашского:

«Основная масса хлебов должна быть убрана комбайнами. Но у нас есть МТС, которые неплохо справляются с ремонтом этих замечательных машин. В Ново-Деревянковской МТС (директор т. Редько) при наличии примитивной мастерской из 40 комбайнов полностью отремонтировано 19, из них уже принято комиссией 12; 8 комбайнов находятся в ремонте. МТС уже давно закрепила комбайны за колхозами, назначила комбайнёров, которые активно участвуют в ремонте своих машин. Здесь сумели вовремя отобрать запасные части, которые хранились у местного населения. Комбайнёр этой МТС, кандидат в члены партии Григорий Заика за весенние дни обмолотил 400 га колосовых культур и к 1 июня вторично подготовил комбайн к уборке урожая. Хорошо отремонтировали свои машины и подготовили к уборке урожая комбайнёры Анна Солонок, Варвара Павлова и другие…»

Но техники на 12 колхозов (11 – в Новодеревянковском и один – в Албашском сельских Советах) не хватало. Кроме 40 комбайнов «Сталинец» и «Коммунар» в 1943 году МТС располагала 80 колёсными тракторами СТЗ, ХТЗ и У-2, 12 гусеничными ЧТЗ и СТЗ-НАТИ. Часть из них была разукомплектована. В МТС числилось 136 трактористов, в том числе – 69 женщин.

В колхозах наладились работа кузниц, ремонт плугов, борон, арб, сельскохозяйственного инвентаря.

Летом 1943 года Совнарком объявляет о выпуске Второго государственного военного займа в 12 млрд. рублей. Как сообщала газета «Колхозная правда», он «с воодушевлением» был встречен трудящимися.

«Особенно хорошо проходит подписка по колхозам Ново-Деревянковского Совета, – отмечалось в передовой газеты от 10 июня 1943 года. – За один только день в колхозе «Свободный труд» оформили подписку 130 человек на сумму 596 тысяч рублей и в тот же день внесли наличными 265 тысяч рублей».

Председатель колхоза «Трудовой молот» Николай Митрофанович Ёрж подписался на

военный заём и внёс наличными 100 тысяч рублей, бригадир тракторной бригады Тимофей Фёдорович Бирюк тоже подписался на 100 тысяч рублей. По 50 тысяч рублей наличными внесли председатель колхоза «Красная звезда» Михаил Васильевич Корж и бухгалтер этого колхоза Чичков. Большие суммы наличными дали взаймы государству рядовые колхозники Набок, Попов, Москаленко, Верескун, Лебедь и многие другие. Всего на 10 июня труженики Новодеревянковского сельсовета подписались на 3677900 рублей займа своему государству, значительно перекрыв планировавшуюся сумму.

Успехи на фронтах войны, стремление помочь Красной Армии добить врага вдохновляли людей на трудовые подвиги, а от успехов в тылу во многом зависела победа на фронте. «У нас даже появились свои стахановки, – вспоминала Анастасия Петровна Щерба. – Норма выработки на тракторе СТЗ была где-то 6 га за смену, а наши девчата вспахивали до 8 гектаров!»

Поля пахали на живом тягле, сеяли вручную с решета, порою прямо по невспаханной земле. Зерна посевного мало, так «проехали по дворам, забрали всё, что было, чтобы посеять. Бабушка часто говорила: «Умирай с голоду, но последнее зерно не в рот отправь, а в землю». Удобрений никаких не было, приходилось собирать органические со дворов колхозников, которых и для личного огорода не всегда хватало.

Пережившая то время, ныне здравствующая Алла Захаровна Шульгатая (в девичестве Гуденко) свидетельствует:

– Для вдов наступили опять не лучшие времена: сеяли по невспаханной земле пропашные, косили хлеб косами… А как трудно было полоть по такой земле – тяпка в землю не вонзалась, а шкребла, водянки на ладонях, мозоли, ноги исколоты стернёй, потому что чёрными тучами по пшенице стоял осот, а у него шпычаки крепкие… Дети в поле подрастали быстро, а вот уже и комбайны пошли, надо успевать граблями вдвоём удалять солому из накопителя комбайна, дышать нечем, пыль и полова сыплются на голову, в лицо, труд адский. Не было ни перчаток, ни рукавиц, как сейчас. Никто не инструктировал. А летом так хочется в станицу – полакомиться вишней, но бригадир не пускает, потому что утром рано он с батожком нам побудку устраивает, и мы, пока роса, копны окручиваем, чтобы ветер не разбросал и не погнило зерно в колосьях под дождём…

В связи с тем, что лучших лошадей забрали в Красную Армию, а остались «в бригаде одни доходяги, потому что, какая часть ни проходит, оставляют хромоногих, слепых, забирают лучших», на пахоту и уборку стали привлекать волов. Но это помогало незначительно, так как выработка за световой день такой живой силой в 6–7 раз отставала от трактора «Сталинец». А постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год» устанавливало для колхозов Краснодарского края выработку «на одну рабочую лошадь или пару волов» за период весенних полевых работ не менее 10 га пахоты.

Поиски выхода из положения с неудовлетворительным состоянием живой тягловой силы вынудили прибегнуть к «мобилизации» на колхозные поля для пахоты, боронования озимых, транспортировки на Новоминской элеватор зерна личных коров колхозников. Постановление Совнаркома «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год» обязывало райисполкомы привлекать на полевые и транспортные работы «малопродуктивных коров» из общественного стада и коров личного пользования. Для колхозников, работающих на коровах, нормы выработки устанавливались в размере 1/3 от норм, принятых для таких же работ на конном тягле, без уменьшения сдельных расценок. Колхозникам, работающим в колхозе на своих коровах, начислялись трудодни в двойном размере, при выполнении норм выработки.

Во исполнение этого в марте было организовано специальное обучение коров для сева. А заставить корову идти в борозде было непросто. Так, наряду с лошадьми и волами, корова впряглась в двухсменную работу, стала в ряд с основной тягловой силой в колхозе. Технология сева и уборки военного урожая 1943 года вернулась чуть ли не ко временам крепостного права.

Одними из первых в Новоминском районе включились в косовицу новодеревянковские колхозы имени 17 партсъезда и «Свободный труд». Начавшая раньше всех косовицу в колхозе им. 17 партсъезда бригада №2 (бригадир Николай Матуся) в первый день скосила и обмолотила комбайном 32 га ячменя и жатками 12 га. Поставленные вслед за жатками вязальщицы умело и ловко вязали снопы.

Более тридцати женщин-колхозниц вручную скашивали за сутки в среднем по 0,3 га. В сводках того лета назывались имена Петух А., Замулы А., Борщ Матрёны, Козел Марии, Стрельниковой Клавдии, Дубовик Н., Косенко Е., Красиловой… К 15 июля ими было убрано более 120 га хлеба, тогда как конными жатками – 80 га.

Косили хлеб, скирдовали, собирая всё до колоска, до зёрнышка, стремились убрать урожай без потерь, сдать государству как можно больше – в каждой семье были призванные в Красную Армию, а там было ещё труднее. Жили под девизом: «Военный урожай уберём в срок и без потерь. Каждая тонна зерна, сданная государству, – удар по врагу!»

За высокие показатели и первое место в социалистическом соревновании по уборке военного урожая 1943 года колхозу «Свободный труд» было вручено переходящее Красное знамя РК ВКП(б) и исполкома Новоминского района. А уже к 12 августа, за досрочное окончание косовицы колосовых и взятие первого места в районе по итогам соцсоревнования, РК ВКП(б) и райисполком постановили оставить переходящее Красное знамя в колхозе «Свободный труд», отметив особо трудовой подвиг тружениц-колхозниц хутора Ленинского.

За штурвалы оставшихся комбайнов встали женщины, прошедшие по призыву партии перед войной курсы механизаторов.

– Настя в уборку появлялась в станице, только если вдруг, не дай Бог, поломается её

комбайн, и его перегоняли ремонтировать из степи в МТС, – рассказывала Анна Ивановна Марушко о своей двоюродной сестре Анастасии Яковлевне Бирюк. – А тянули его быками: через весь одиннадцатый квартал, потом через греблю по третьему переулку… Так не успеют они из-за угла повернуть, как Настенька бегом к маме моей (она ей родной тётей приходилась): «Ой, тётечка, постирайте мне, пока я на ремонте буду…» Мама дадут ей что-нибудь накинуть, и она бегом комбайн свой догонять. Мама постирают ей платье и нижнее, а день летний жаркий, так оно всё и высохнет. А мама ещё и воду нагреют, так на обратном пути сестра кое-как сполоснётся и переоденется…

Работали с рассвета до темна. Летом жили в бригадах почти безвыездно, а труд в поле был тяжёлым и изнурительным, особенно прополка осота по пшенице. В страдную пору на полях трудились все, от мала до велика, в том числе и временно проживавшие в колхозах эвакуированные советские граждане.

Ручной труд применялся на всех сельскохозяйственных работах. Более одного гектара зерновых скашивал вручную косой 60-летний колхозник сельхозартели «Верный путь» Стефан Плужников. Не отставал от него и 80-летний Максим Закутяев (колхоз «Животновод им. «Правды»), выполнявший ежедневно полуторную норму уборки. В колхозе им. Крупской, из общей площади 1013 га, 603 га было убрано простейшими машинами, 140 га скошено вручную, и только 370 га (чуть более 30%) – комбайнами. Ручного труда требовала и немногая сохранившаяся техника; изношенные машины часто выходили из строя.

Прицепные комбайны обслуживали не менее трёх человек: комбайнёр, штурвальный и помощник, следивший за своевременной выгрузкой копнителя. А за лобогрейкой – простейшей конной косилкой – шло целое звено колхозниц, которые вязали скошенную пшеницу в снопы, снопы составляли в скирды, а потом на арбах отвозили на ток со стационарной молотилкой и веялкой. А за колхозницами шли школьники, которые под руководством учителей подбирали упавшие колоски.

Начало нового 1943–1944 учебного года в 5–10-х классах школ в связи с участием школьников в уборке урожая, во исполнение постановления Совнаркома СССР, было перенесено с сентября на 1 октября. Райкомам партии и райисполкомам поручалось «принять меры к наиболее полному использованию учеников 5–10 классов на уборочных работах и сохранении урожая (охрана, сбор колосьев и т.п.)»

Алла Захаровна Шульгатая, в то время ученица средней школы №9, вспоминает:

– Три лета на каникулах я работала от МТС весовщиком на току – отучилась на недельных курсах по направлению Андрея Петровича Федькова. Взвешивала зерно от комбайнов, а отчёты сдавала в МТС, там вели персональный учёт, кто сколько накосил. Какая строгость была: взвешивали до зёрнышка, через маленькие весы! Больших весов в колхозах ещё не было. Приезжает фурманка с зерном, подставляется деревянный ящик с ручками, через шибер в него насыпают зерно, взвешивают на весах и потом высыпают на ворох. В войну мы с мамой, как и все, своей коровкой возили ночами (так как днём работали в поле) зерно на элеватор. 300 килограммов пшеницы в мешках грузили на ходок, сами шли пешком, чтобы корове не тяжело было. На обратном пути по очереди спали. К утру были в бригаде, завтракали и шли на другие работы. Современному человеку трудно это представить…

В целом хлебозаготовительная кампания 1943 года, усугублённая засушливым летом, наглядно показала, что отсутствие технической базы и уборка полей вручную с применением живого тягла (немногих лошадей, волов и «мобилизованных» коров) получить урожай, необходимый стране и Красной Армии, не позволяет.

К началу нового учебного года молодёжь Новоминского района выступила с инициативой денежного сбора в фонд детям-сиротам. Это предложение было поддержано молодыми колхозниками. Только по колхозу «Верный путь» Новодеревянковского сельсовета в начале сентября были собраны 1480 рублей; больше всех сдали Наталья Стражева и Евдокия Бирюк.

С призывом в Красную Армию вчерашних подростков, заменявших отцов, ушедших на фронт, нехватка рабочей силы в колхозах продолжала увеличиваться. И легли тяготы трудового фронта, прежде всего, на женские руки. Послевоенными исследователями подсчитано, что в основных возрастных группах трудоспособного населения Краснодарского края к началу 1944 года женщин было в четыре раза больше, чем мужчин.

Как можно описать то, что выпало на женскую долю? Уходя в поле рано утром, «живым тяглом» на волах и коровах пахали колхозные поля, убирали хлеб вручную косами и за штурвалами немногочисленных комбайнов. Обед здесь же, в поле: пара варёных картофелин, пышки из лебеды или щавеля да бутылка квасу – вот и вся еда. Устав от многочасовой работы, со страхом возвращались в родную хату, где мог ждать «казённый» – бумага с похоронкой. А ещё были выезды на строительство новых оборонительных рубежей, восстановление железнодорожных путей и городов.

Кратковременное повышение урожайности достигалось путём увеличения объёмов ручного труда. Существенного роста производительности труда не происходило: она понижалась в полеводстве и крайне медленно росла в животноводстве. На общих собраниях колхозников принимались решения о мобилизации на весенний сев и уборку урожая трудоспособных стариков и старух. На прополочные работы, на борьбу с сорняками привлекалось всё взрослое население учреждений и организаций. Но основным и наиболее действенным механизмом восполнения дефицита рабочей силы было, конечно, другое: увеличение нагрузки на каждого работающего. Люди обязывались не только хорошо работать, но работать как можно больше.

Недостаток рабочей силы усугублялся порою низкой трудовой дисциплиной колхозников. Работая сутками, без обуви, в обносках, впроголодь, отдавая свой труд и не получая какой-либо помощи от колхоза, человек вынужден был сам озаботиться содержанием своей семьи и невольно выбивался из общего трудового ритма.

Практически все специалисты колхозов находились на фронте. Каждый демобилизованный из армии по ранению боец, а особенно командир, был на особом счету и рассматривался райкомом партии как потенциальный кандидат на требующую организаторских навыков вакантную руководящую должность.

А их в то время, свободных должностей, было немало. Погибли на фронтах Отечественной войны председатели колхозов Иван Макарович Пукало, Иван Демьянович Прядко, Павел Иванович Крапива, Тимофей Григорьевич Ларин, Андрей Андреевич Лукаш, покончила с собой под угрозой ареста полицаями Елена Иосифовна Лукаш…

Из госпиталя демобилизован в 1946 году Серафим Александрович Луньков, работавший до войны председателем колхозов им. 17 партсъезда и «Свободный труд». При выполнении боевого задания командир роты противотанковых ружей лейтенант Луньков был тяжело ранен в левую руку и левую ногу, и отпущено ему после возвращения только три года мирной жизни…

Роль председателя колхоза в годы войны возросла во много раз. Задачи, которые перед колхозом поставила жизнь, – расширять производственные площади, повышать урожайность сельскохозяйственных культур, развивать общественное животноводство, давать стране и фронту больше хлеба, мяса, сырья для промышленности – были сродни боевым.

Именно так, при отсутствии претендентов, начинал свою «карьеру» учитель Михаил Мартынович Берестовский (1916–1988), прошедший путь от председателя Новодеревянковского сельсовета до крупного организатора колхозного производства… Или Михаил Васильевич Корж (1909–1999), последний председатель колхоза «Новый строй»…

– В марте 1943 года я был демобилизован из Красной Армии. Моя родина, Днепропетровская область, была оккупирована фашистами, и волею судьбы я оказался на Кубани, – вспоминал Михаил Васильевич в 1996 году. – Новоминской райком партии направил меня в Новодеревянковскую в качестве председателя колхоза «Новый строй». Во время оккупации колхоз сильно пострадал, восстанавливать хозяйство приходилось в трудных условиях. Земли наши находились в восьми километрах от станицы, и люди ездили на работу быками – единственным тяглом. А я, председатель колхоза, ходил пешком. Но, невзирая на трудности, совместными усилиями коллектива за восемь лет моей работы колхоз удалось не только восстановить, но и вывести в передовые: в районе по урожайности мы вышли на второе место, а по продукции животноводства держали первое.

Из колхозов нашего Совета самым крупным был «Животновод им. «Правды», им руководил тоже фронтовик Иван Александрович Овчаров. «Заветы Ильича» возглавлял его тёзка Иван Александрович Марушко, тоже воевавший, «Верный путь» – Александр Фёдорович Сапрыкин, «Свободный труд» – Алексей Ефимович Чернодыров, фронтовик. Никого из них уже нет в живых…

Прилагая усилия для восстановления разрушенного войной хозяйства, труженики села являли подлинные образцы трудовых подвигов. По всему краю распространялись агитационные листовки, пропагандирующие опыт и достижения в уборке урожая комбайнёров Новодеревянковской МТС Тимофея Бирюка и Ивана Богдана.

Урожайность озимой пшеницы по колхозам Совета составляла в 1944 году от 3,7 ц/га (колхоз им. Крупской – бывший «Албаши») до 10,8 ц/га (колхозы «Новый строй», «Верный путь»). В 1945 году колхоз «Новый строй» дал наивысшую по Совету урожайность озимой – 13,6 ц/га, а колхоз «Животновод им. «Правды» – по яровому ячменю, 15,8 ц/га. В фонд обороны Родины новодеревянковскими колхозами после освобождения сдано в 1944 году: зерна – 41 863 ц, мяса – 691,1 ц, молока – 425 660 л.

В краткие сроки и более организованно прошла посевная кампания последней военной весны. И хотя по-прежнему ощущалась значительная нехватка рабочей силы, сказывалась плохая техническая обеспеченность, да и коров – активных участниц весеннего сева 1945 года – осталось едва ли меньше половины от довоенного уровня, но в воздухе уже витала Победа, и её близость придавала новые силы всем участникам трудового фронта.

В 1945 году Кубань, благодаря трудовому героизму колхозников, дала стране на 2,4 миллиона пудов зерна больше, чем в 1944 году.

Все военные годы в колхозах Совета велась пропагандистская работа: читались лекции, доклады, проводились беседы. Активное участие в проведении этих мероприятий принимали учителя средней и начальных школ, закреплённые за колхозными бригадами.

Одной из популярных форм агитационной работы, способствовавшей укреплению взаимной помощи и поддержки тружеников тыла и фронта в достижении общей цели, стала переписка с земляками, находящимися на фронтах Отечественной войны. Письма земляков оказывали большое моральное воздействие на колхозников, способствовали развитию трудовых достижений.

Письмо с фронта

Дорогие колхозники и колхозницы колхоза «Новый восход»!

Получив письмо из Ново-Деревянковской станицы и вашу районную газету «Колхозная правда», мы узнали о вашей работе по проведению уборки урожая 1944 года. Бойцы и офицеры нашего подразделения были восхищены вашими трудовыми подвигами на колхозных полях.

В своих выступлениях они отмечали, что, несмотря на трудные условия работы по уборке урожая, колхозы сумели снабдить и Красную Армию, и население страны хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, чем дают возможность ускорить разгром немецко-фашистских захватчиков, а также вынесли пожелания как можно быстрее закончить уборку урожая и выполнить сдачу хлеба государству. Мы, в свою очередь, даём клятву, что доверие народа Советского Союза мы оправдаем и вернёмся домой только тогда, когда выполним приказ товарища Сталина – «добить немецкого раненого зверя в его собственной берлоге».

С приветом,
Кошляк А.С., Кондра А.П., Овсиенко М.К., Колоброд Н.А., Сергиенко И.Ф., Горчаков И.В.
Наш адрес: полевая почта 69626 «б».

Война сильно изменила казалось бы налаживавшийся к концу 1930-х годов быт колхозников. Резко упал жизненный уровень людей. Если в городе были введены карточки на продукты и промышленные товары, пусть даже по группам и категориям населения, то на Кубани, постановлением крайкома ВКП(б) и крайисполкома от 25 декабря 1942 года, отпуск хлеба производился «только не связанным с сельским хозяйством рабочим, служащим, их иждивенцам и эвакуированным».

Подразумевалось, что колхозник, имея личный земельный участок, должен был с него питаться сам и содержать свою семью, да рассчитывать на то, что давали в колхозе на трудодень (и только после погашения налогов). Основными в рационе питания многих семей оставались молочные продукты, но и их было недостаточно, так как работающая корова в сутки давала не более четырёх литров молока. Несмотря на ежедневный изнурительный труд на полях, основная масса тружеников жила в условиях крайнего обнищания – оплата труда продолжала оставаться низкой, и вся она уходила в счёт погашения Государственных Военных займов (а их было выпущено за годы войны четыре, сроком на 20 лет) на укрепление Красной Армии и скорейший разгром врага.

Особенно драматичная ситуация с хлебом сложилась после сдачи государству зерна в 1943 году. Уже в марте по всем освобождённым районам было разослано постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), обязывающее Кубань сдать в хлебный фонд Красной Армии 10 миллионов пудов зерна и семян масличных культур из урожая 1942 года. Весенний недосев 1943-го (озимых и яровых культур было посеяно 69,5% от уровня 1942 года) и последовавшая за ним летняя засуха привели к значительному снижению урожайности.

Бедствующие колхозы едва могли начислить своим трудягам по 100–150 граммов хлеба на трудодень, да и то не все. Для лишённых продовольственных карточек колхозников основным источником выживания оставались личное хозяйство и извечная кормилица – корова. В наиболее сложном положении оказались дети, старики, инвалиды.

К 1943 году цены на хлеб, по сравнению с довоенными, выросли в 34 раза, на картофель – в 20 раз, на молочные продукты – в 19,7 раза. На ближайшем городском рынке, в Ейске, килограмм сливочного масла стоил 700 рублей, килограмм сала свиного – 550 рублей, литр растительного масла – 500 рублей, десяток яиц – 130 рублей.

Промышленные товары и товары первой необходимости или не выпускались, или шли только на нужды фронта. Соль добывали вручную в солёном Ханском озере возле станицы Копанской, куда ходили пешком. Не было мыла, спичек, стал дефицитом керосин. Единственным источником света в тёмное время суток был самодельный каганец – черепок с фитилём, опущенным в растопленный жир.

Невозможно было приобрести одежду, обувь. А на товар, продаваемый спекулянтами, цены выросли в десятки раз. Так, мужской пиджак и суконные брюки, государственная цена которым была 150 и 100 рублей, на рынке продавались за 1500 и 1700 рублей. Ставшая повседневной для селян фуфайка поднялась в цене от 40 до 650 рублей. Перешивали старое, штопали, латали. Хлебнувшие «старой» жизни умельцы вспомнили начавшее отходить в прошлое домоткачество. Сеяли в огородах коноплю и делали самодельное полотно. Большинство станичников в тёплое время года ходили босиком, а с наступлением холодов – в самодельной обуви, которую городили, кто из чего мог.

Нелёгок был путь к победе над фашизмом. Более двух тысяч новодеревянковцев по повесткам Новоминского райвоенкомата ушли в РККА на защиту Родины. Контингент призванных был однороден по своему составу. Преобладали люди, занятые физическим сельскохозяйственным трудом, преимущественно с начальным образованием. Носители самой мирной профессии – земледельцы, колхозники станицы и хуторов защищали Москву и Ленинград, громили Паулюса под Сталинградом, сражались за Кубань, Украину и Белоруссию, освобождали Польшу и Чехословакию, брали Берлин и поставили точку во Второй мировой войне разгромом империалистической Японии.

Не вернулся с войны каждый второй из ушедших на защиту родной земли. На фронтах Отечественной войны Новодеревянковский сельский Совет потерял самую работоспособную часть людей в возрасте от 20 до 30 лет. Скажется это и на послевоенных потерях, так как не родились их дети, а это отразится на численности населения в 50-е годы. У женатых (их доля по статистике составляла до 69% от призванных) жёны остались вдовами, и большинство из них – на всю оставшуюся жизнь.

Война отняла радостную пору детства и искалечила сотни детских судеб. Дети войны, как их станут называть через много лет, тоже приближали Победу в меру своих маленьких сил. Они хлебнули горя полной чашей, может быть, слишком большой для человека, вступающего в жизнь. Натерпевшись от войны не меньше, чем бойцы на фронте, они рано взрослели, заменяя своим младшим братьям и сёстрам погибших

родителей. Многие сироты оставались зачастую без всякой поддержки со стороны.

Новоминской райвоенком Лифшиц обращался 3 июля 1946 года к председателю колхоза «Новый строй»:

«Ко мне поступила жалоба от детей-сирот погибшего воина Красной Армии в боях против немецких захватчиков тов. ЧУДАКОВА Ивана Яковлевича. Дети погибшего работают у Вас в колхозе.
Согласно акта обследования установлено, что данная семья проживает в исключительно тяжёлых условиях и остро нуждается в оказании практической помощи в продуктах питания.
Согласно постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б), Вы несёте персональную ответственность за данную семью погибшего воина Красной Армии.
Прошу оказать немедленно помощь в продуктах питания и о принятых Вами мерах сообщите мне письменно, так как материал необходим для доклада Крайвоенкому и Райпрокурору».

И такие жалобы в военкомат, вызванные крайними случаями нищеты после гибели отца, были не единичны.

Понимая важность работы тыла и оценивая вклад тех, кто работал не покладая рук для обеспечения фронта всем необходимым, приближая победу над врагом, уже 6 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР учреждает медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Отличительной особенностью награды было то, что её аверс (лицевую сторону) практически повторял аверс медали «За Победу над Германий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», воспроизводя профильное изображение Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина в обрамлении слов: «Наше дело правое – мы победили».

В июне 1946-го председатель Новоминского райисполкома А.Ф. Сапрыкин в торжественной обстановке, от имени Президиума Верховного Совета СССР, вручил награды 147 труженикам новодеревянковских и албашского колхозов. Памятной наградой были отмечены и 52 механизатора МТС, обслуживавшей колхозы. Для большинства из них медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» явилась первой (а зачастую и единственной) высокой оценкой государством тяжёлого труда сельских тружеников за всё время существования коллективных хозяйств, и люди по праву гордились этим отличием.

Победа над германским фашизмом оплачена высокой ценой – человеческими жизнями и неимоверным напряжением духовных и физических сил тыла, жестокой дисциплиной и суровыми законами военного времени. Крестьянский труд в годы войны был особенно тяжёлым, тем более что работать в таких условиях в основном пришлось женщинам, подросткам и старикам, заменившим мужчин, ушедших защищать Родину. Колхозники станицы и хуторов Новодеревянковского сельского Совета проявили не только полное понимание важности своей миссии обеспечения армии и населения продовольствием и сырьём в страшной войне, но и сделали для этого всё, от них зависевшее. Одной из главных движущих сил этого процесса послужила опора на патриотизм и трудовой энтузиазм колхозников.

Живущие сегодня не имеют права забывать об историческом значении вклада наших земляков в защиту Отечества. Ибо забвение, а то и насмешки, которые приходится порою слышать в адрес преждевременно уходящего поколения от юнцов, не знающих трудностей жизни, – это предательство памяти тех, кто воевал и трудился, приближал мирные дни, строил будущее для внуков и правнуков.

Строительство оборонительных сооружений. Фото из семейного архива Ивана Андреевича Ильченко.

Станица в лицах

Владимир САЛЬНИКОВ

Евгений Тищенко: «ВСЕГДА ПОМНЮ О РОДНОМ ДОМЕ И КАНЕВЧАНАХ!»

Весть о том, что в Каневскую приезжает на побывку наш земляк – золотой олимпийский чемпион по боксу Евгений Тищенко, мигом облетела всю станицу. Конечно же, первая встреча и первые объятья – в родительском доме на улице Запорожской. Здесь он встретился не только с родителями – мамой Валентиной Ивановной, отцом Андреем Александровичем, но и с дедушкой и бабушкой – Александром Андреевичем и Валентиной Николаевной, к которым в детстве порой бегал смотреть по НТВ боксёрские поединки, а также родными и близкими, живущими в Каневской. Но уже с порога, после объятий и поздравлений с победой в Рио де Жанейро, олимпийский чемпион объявляет: «У меня на отдых всего пять дней. Тренеры озадачивают: надо подумать о возможном участии в Чемпионате мира в Гамбурге». И тут же добавляет: «Как же я всё-таки соскучился по дому и каневчанам! Завтра у меня встреча с учащимися школ райцентра в ЦДТ «Радуга» – так хочется окунуться в свои школьные воспоминания».

ВСЕ ДОРОГИ В СПОРТЕ НУЖНЫ И ХОРОШИ, ВЫБИРАЙ ЛЮБУЮ!

Зал в ЦДТ «Радуга» переполнен. На сцене они вдвоём: олимпийский чемпион Евгений Тищенко и заместитель главы района, курирующий спорт, Александр Бежко. Вопросы к олимпийскому чемпиону сыплются из зала со всех сторон. Мальчишкам и девчонкам очень интересно: как можно стать олимпийским чемпионом? Вот он, Женя Тищенко, учился в обычной средней школе №1, и вдруг такой взлёт! А почему выбрал бокс, и было ли у него увлечение каким-то другим видом спорта? А какой урок он больше всего любил, и не мешали ли тренировки учёбе?

Его ответы, может, кого-то и несколько удивляют, но зато прямолинейны, правдивы и жизненны.

– Выбрал бокс потому, что мне он нравился очень, хотя и дома, и многие в школе считали, что с моим большим ростом и нескладной фигурой лучше бы заняться чем-то другим в спорте, – улыбается залу Евгений. – Но я упрямый по характеру и считаю это хорошей чертой в каждом человеке. Играл в школе и в баскетбол, но понял: это не совсем моё. А вот любимый урок, конечно же, – это физкультура.

Первые занятия боксом до седьмого пота были у него в школьном подвале.

– Повезло с тренером Иваном Андреевичем Левичевым – это он укрепил веру во мне, что всё у меня получится в боксе, надо только уметь держать нагрузку, ценить тренировки, выполнять все тренерские рекомендации и воспитывать в себе целеустремлённость, – рассуждает Евгений.

Мешали ли углублённые занятия боксом учёбе? В принципе, не мешали, но если случались осечки, и в дневнике это соответственно отражалось, то самым суровым наказанием для будущего олимпийского чемпиона, оказывается, было строгое предупреждение

мамы, что на следующую тренировку его могут из дома и не пустить.

– И это меня ставило на место мгновенно, – замечает олимпийский чемпион. – Я пришёл в секцию бокса в десятилетнем возрасте, прошло пятнадцать лет, а я до сих пор люблю тренировки в спортзале. Это для меня лучше, чем сидеть в компьютере и играть в какие-то игры.

БОЛЬШОЙ СПОРТ – ЭТО ОСОБАЯ ПЕСНЯ

Вопрос из зала о первой завоёванной медали заставил Евгения чуть задуматься.

– По-моему, это случилось в Тихорецке, – улыбнулся он. – Но это была, скорее, не медаль, а Почётная грамота.

Было ему тогда лет одиннадцать. А в семнадцать Евгений уже выступал на рингах за сборную России. В девятнадцать стал мастером спорта Международного класса.

– Большой спорт – это особая песня, – считает Евгений. – Если ты увлечён, если впереди есть цель, то и тренеры помогут тебе её достичь.

Он с благодарностью вспоминает и о своём каневском тренере Сергее Ревазовиче Читадзе, и о наставнике, который помогает ему осваивать новые задачи в боксе в Москве – Валерии Владимировиче Меншикове, и о бывшем каневском председателе спорткомитета Александре Сергеевиче Широкове, посоветовавшем обязательно сочетать карьеру в боксе с учёбой в вузе.

Накануне Олимпиады в Рио де Жанейро Евгений успешно защитил диплом в Горном институте в Москве. А в Белгороде, где у него квартира, окончив машиностроительный институт (а до этого – магистратуру в ВУЗе в Москве), Евгений продолжает учёбу в аспирантуре, надеясь получить звание кандидата технических наук.

Благодаря упорному характеру, выполнил Евгений и все поставленные перед собой цели в боксёрской карьере перед главным олимпийским экзаменом. Заслужил звания чемпиона мира и Европы в своей весовой категории, 91 кг. А перед самой Олимпиадой уверено выиграл Международный турнир в Болгарии, по сути дела, завоевав путёвку на Олимпиаду.

В гостях у главы.

ТРУДНО ЛИ БЫЛО ВЫИГРАТЬ В РИО?

Больше всего вопросов задавали Евгению, естественно, об Олимпиаде в Рио.

– Для меня это был самый сложный экзамен в моей 25-летней биографии, – честно сказал олимпийский чемпион. – В январе я уже знал, что приму участие в ней, хотя разных политических перипетий в отношении нашей олимпийской сборной хватало. Но мы были дружны и уверены, что не только поедем на Олимпиаду, но и вопреки всем козням достойно защитим честь своей страны. В боксе мы завоевали одну золотую, одну серебряную и две бронзовых медали.

Кстати сказать, золотая медаль Евгения, по его словам, весит целых полкилограмма.

Волновался ли он во время поединков на олимпийском ринге? Отвечая на этот вопрос, Евгений говорит: «Конечно же, было не без этого». Но он чувствовал поддержку всей олимпийской команды страны, ему дороги были и душевные переживания земляков-каневчан, о которых он узнавал из телефонных разговоров с семьёй.

Побеждать волнения помогали хладнокровие, победный настрой и… уважение к соперникам. Их ему надо было переигрывать в честных поединках. И он это сделал.

О ВСТРЕЧАХ С ПРЕЗИДЕНТОМ, ОЛИМПИЙСКИХ НАГРАДАХ И ПЛАНАХ НА БУДУЩЕЕ

«А Вы встречались с Президентом Путиным, и правда ли, что Вы его охраняете?» – на этот вопрос из зала Евгений отвечал, что встречался с Владимиром Владимировичем трижды. Сначала в Сочи, где Президент беседовал с олимпийцами страны об их настрое, потом перед самым отлётом в Рио де Жанейро – с его добрыми напутствиями всем отечественным олимпийцам, а в третий раз – при награждении Евгения орденом Дружбы народов в Кремле. Что касается участия в охране Президента, то Евгений гордится тем, что служит в федеральной службе охраны. Это тоже очень ответственно.

У Тищенко, по его словам, сложились самые добрые отношения со всеми спортсменами Белгородщины, где он живёт. Они все также переживали за выступление Евгения на олимпийском ринге. И порадовались за него, когда мэрия Белгорода подарила ему квартиру за успешное выступление на Олимпиаде.

Каждый участник встречи в «Радуге» обязательно хотел сфотографироваться с олимпийским чемпионом.

Он, как и многие российские олимпийцы, победители соревнований в Рио, заслуженно получил в награду также новенький автомобиль БМВ.

Спросили Евгения и о том, есть ли у него желание создать семью, поскольку был замечен телезрителями в окружении олимпийских российских спортсменок по волейболу и гандболу. На что он ответил, что таких планов пока нет.

«А если когда-то будет сын, каким видом спорта Вы бы хотел, чтобы он занимался?» – не унимались каневские школьники.

– Это он будет выбирать только сам, – твёрдо сказал Евгений. – Но я обязательно постараюсь привить ему любовь к занятиям физкультурой и спортом. Считаю, что это важно для каждого человека в жизни.

Поделился на встрече с каневчанами Евгений и планами на будущее. Это может быть и его уход в профессиональный бокс. Не исключается также и участие в будущей Олимпиаде в Токио.

В тот же день, 3 октября, Евгений побывал ещё на одной памятной ему встрече – с главой Каневского района.

Александр Викторович Герасименко сердечно поздравил олимпийского чемпиона с успешным выступлением на ринге в Рио де Жанейро и вручил знатному земляку медаль и удостоверение Почётного гражданина Каневского района.

По традиции Евгений Тищенко по предложению главы расписался в Книге почётных гостей района.

Фото автора.

В ожидании сына...

...внука.

Этот трудный и счастливый путь на Олимп

Их небольшой уютный домик в Каневской, на улице Запорожской, весь утопает в зелени и цветах. Отсюда когда-то нынешний олимпийский чемпион Женя Тищенко ходил в школу и в свою любимую секцию по боксу.

– А каким он рос мальчишкой? – спрашиваю я родителей Евгения, Андрея Александровича и Валентину Ивановну.

– Знаете, очень настырный он был у нас, – отвечают. – Поначалу в боксе у него не всё получалось. Из-за своего большого роста долго не мог совладать на тренировках со скакалкой. Поэтому стал заниматься с нею дома, до седьмого пота.

– Однажды, перед ответственным боем на ринге, сын простудился, – вспоминает Валентина Ивановна. – А я хотела посоветовать ему отказаться от поединка. Так он мне говорит: «Ты что, мама!» А потом рассказывал нам, что перед выходом на ринг нырнул в ледяной бассейн и выиграл бой! Вот такой он у нас упрямый.

– А учился Женя в школе как?

– У него сейчас уже почти три высших образования, – вступает в разговор отец. – Выходит, знания в школе он получил. Причём, закончил Женя не только спортивный ВУЗ в Москве, но и горный там же, а в Белгороде, где у него квартира, сын заканчивает машиностроительный институт.

Все эти десять лет, что Евгений в большом боксе, родители, естественно, волнуются и переживают за его спортивную карьеру.

Андрей Александрович более 20 лет работает водителем в автотранспортном предприятии «Газпром Добыча Краснодар». И когда бывает в рейсе, а у Евгения какой-то ответственный поединок на ринге, первый его вопрос по возращении домой к жене: «Как провёл Женя бой?» У Валентины Ивановны есть, что ответить мужу.

В своё время, когда сын родился, она оставила работу техника-технолога в пищекомбинате ради воспитания сыновей. Старший Александр пошёл по стопам отца, он – водитель-дальнобойщик. А вот Женя выбрал спорт. И все эти десять лет ей было интересно вникать вместе с сыном во все теоретические премудрости бокса.

– Женя терпеть не может манеры грязного ведения боя, – замечает она в нашем разговоре. – А любит побеждать на ринге технически грамотно, с умом. И для этого не жалеет себя на тренировках. Мы ему в Москву, когда он там учился, посылали одно время посылки с продуктами из дома. А он как-то говорит: «Мам, не посылайте, мне сложно терять время на их получение, поскольку могу тренировку пропустить».

В день финального, золотого для Жени, поединка на олимпийском ринге в Рио они не спали с мужем всю ночь. До его начала ездили к Святому источнику, молились за сына. И верили в его победу!

– Звонил ли Евгений после победы в финале домой? – уточняю я.

– А как же, – говорит Валентина Ивановна. – Все эти десять лет после каждого ответственного боя он обязательно звонит нам. Очень внимательный сын у нас к своим родителям.

В нашем разговоре в доме на улице Запорожской участвуют и дедушка с бабушкой Евгения. И я, конечно, спросил и их, как они относятся к золотой олимпийской победе своего внука?

Глава большого семейства Александр Андреевич Тищенко отвечает по-мужски степенно и неторопливо:

– Я вот насмотрелся по телевизору, как нападают на наших спортсменов разные недоброжелатели, а, считаю, что зря. Надо бы им знать наш российский характер. Конечно, я тоже не спал, внимательно смотрел за финальным боем Евгения, как и за другими его поединками. И, думаю, что на ринге Женя защищал не только себя, но и честь всей России. Так об этом, кстати, размышляю не только я, но и все наши с бабушкой соседи. Многие из них на радостях по случаю золотой победы Евгения на нашей улице Казачьей дружно вывесили Российские флаги. А это в канун праздника Дня Государственного флага Российской Федерации ещё и глубоко символично, ярко подчёркивает, как мы любим свою страну и наш отечественный спорт.

Не могла не ответить на мой вопрос и любимая бабушка Евгения Валентина Николаевна.

– К победе внука отношусь, как к самому дорогому подарку к нашему с мужем золотому юбилею, – замечает она. – 20 августа мы уже полвека как вместе! Так что, получается, как в народе говорят: золото к золоту пришло. И нам это радостно вдвойне осознавать!

Вот такие они – самые близкие люди нашего золотого олимпийского чемпиона. И разве могло быть иначе: в доброй, хорошей семье, думаю, как раз и рождаются такие яркие люди как наш известный сегодня на весь мир каневчанин Евгений Тищенко!

Владимир ХУДЕНКО

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...

Саяпина Тамара Алексеевна.

Звонок прозвучал неожиданно, в 8 утра. «Тамара Алексеевна Саяпина?» – «Да...» «Вас беспокоит Администрация края, Департамент здравоохранения. Как Ваше здоровье? Дело в том, что Губернатор края приглашает Вас на праздничное мероприятие, посвящённое дню медицинского работника. Вас будут чествовать, как главу самой большой медицинской династии края...»

...Тамара Алексеевна сидела, задумавшись возле телефона, прозвучавшая новость была для неё большой неожиданностью. В её размеренном мирке, среди цветов и тишины после смерти мужа, всё было настолько понятно и размеренно. И вот теперь это приглашение. Позвонила сыну и дочери, которые успокоили её, сказав, что ехать надо, что отвезут, что такое нечасто в жизни случается и т.д... Задумалась женщина и прошлое, казавшееся ещё таким недалёким, всплыло в её сознании, беспокоя душу и сердце.

Казалось, только вчера молоденькая девушка приехала в Каневскую с мужем, который закончил институт и был направлен в колхоз им. Калинина на инженерную должность. Пятьдесят шесть лет прошло с тех пор, как её двухлетний сын и она проводили папу на работу в первый раз. Тамара, едва закончив школу, специальности не имела никакой, но мечта стать юристом её не оставляла. Потихоньку готовилась к поступлению на заочное. Правда, мужу перспектива в течение шести лет, по сути, мириться с отсутствием хозяйки и матери, не очень нравилась. Он задумал коварный план и осуществил его: на момент, когда Тамара сдала экзамены и надо было ехать на 1-ю сессию, она готовилась снова стать мамою. Надо ли говорить, что с рождением дочери мечта стать Генеральным прокурором республики растаяла, как дым...

Так прошло пять лет. За это время она стала заведующей детсада колхоза «Кубань», добилась того, что в 1968 году детсад стал лучшим в крае. Необходимо было получать образование, но с двумя детьми... Мысль поступить в Краснодарское медучилище, филиал которого в то время находился в Каневской, подсказал муж. «И дома, и замужем,» - как говорится.

Так получилось, что среди девчонок, только что закончивших школу, она, 30-ти летняя, была самая старшая. Без вздоха не может она вспомнить, как приходилось отправив сына в школу, дочь в детсад, управившись по хозяйству, ехать из Стародеревянковской в Каневскую постигать медицинскую науку. Насколько ей удалось это – об этом говорит тот факт, что с красным дипломом училище закончили со всего курса только двое, она и ещё одна девушка. Согласно тогдашнего положения, им предоставлялось право, как и золотым медалистам, поступать в мединститут. Но ...увы, заочного отделения лечебный факультет не имел. Пришлось расстаться с мечтой, стать врачом.

ДИПЛОМ
С ОТЛИЧИЕМ
У № 028266
Саяпиной
Тамаре Алексеевне
краевое медицинское училище
медицинская сестра
Саяпиной Т. А.
медицинской сестры
Директор
Секретарь
Московская типография Госзнака. 1969.

Краевой конкурс «Лучший по профессии», 1973 год.

Работу Тамара Алексеевна начала медсестрой терапевтического отделения Каневской ЦРБ. Пришлось поработать и на «Скорой помощи», и постовой сестрой. По переезду в 1980 году, в ст. Полтавскую, она была принята на работу в неврологический кабинет. С главным психиатром района в одном кабинете до ухода на пенсию она проработала до 63 лет. В связи с отсутствием невролога ей, по сути, и пришлось исполнять его обязанности. Мало кто знал, что Тамара Алексеевна не имела высшего медицинского образования и обращались к ней, как к врачу.

Многими грамотами, благодарностями была отмечена её трудовая деятельность. Кроме краевых, грамота Министерства здравоохранения СССР, звание Ветерана труда. Даже уйдя на пенсию, Тамара Алексеевна оставалась для тех, кто знал её непререкаемым авторитетом в медицине. Все соседи по любому поводу шли к ней за консультацией или сделать укол. Никому она не отказывала.

…Мероприятие, на которое была приглашена Тамара Алексеевна, проходило в Краевой филармонии. Помпезность его и вычурность старинного зала, многолюдие заставило смутиться Ветерана. И вот прозвучала её фамилия, на сцену за подарком – китайским чайным сервизом, вышел её внук, врач «Скорой помощи» Каневской ЦРБ, а она лишь встала и поклонилась залу. Прозвучали в её честь тёплые слова, было отмечено, что её дело продолжили дочь, внук и жена внука. Профессия – лечить людей стала для её семьи фамильной. И в лучших советских традициях человек, отдавший всю свою жизнь этой благородной профессии, а также вырастивший целую династию, для которой медицина стала делом всей их жизни, услышал заслуженные слова благодарности от Губернатора края.

И вот на стене, среди фотографий обожаемых ею детей и внуков, теперь её фотография… Сорок дней назад беспощадная болезнь унесла её жизнь. До восьмидесятилетия не дожив буквально год, Тамара Алексеевна ушла от нас. Людям, знавшим и любившим её, всё ещё не верится, что не затеплятся вечерним светом её окна, не ответит на звонок телефон. Но добрая память, которую она оставила о себе на этой земле, ещё долго будет жить в сердцах её родных, близких и всех, кто её знал..

Елена БУТЕНКО

Рассохина Ольга Васильевна. ЖЕНСКИЙ ДОКТОР – СЕМЕЙНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

Почти четыре десятилетия верой и правдой служит своему делу районный акушер-гинеколог Ольга Васильевна Рассохина. Сегодня моя героиня возглавляет гинекологическое отделение Каневской центральной районной больницы и несёт ответственность за продолжение рода каневчан.

В 1977 году, по окончании вуза, молодой врач вернулась в родную станицу. На стезю врачевания её привел собственный недуг, родные поддержали в учёбе, а талантом медицинского работника Бог наградил.

На последнем курсе вышла замуж, и вот уже сорок лет рука об руку, след в след, с любовью и пониманием идут они с мужем по дороге семейной жизни. Воспитали сына и дочь, подрастают четверо внуков.

Дочь пошла по стопам матери. Она и зять каневского доктора лечат людей в краевой столице. А когда приезжают молодые в станицу, обращаются к Ольге Васильевне по тем или иным вопросам за советом.

Глава семьи (сам-то он по профессии экономист) нередко шутит: мол, «собрался тут консилиум». Шутит по-доброму, с уважением и терпением к профессиональному выбору родных.

Понимание и поддержка супруга – немаловажный фактор профессионального роста Ольги Васильевны. Особенно в непростые 90-е, когда супруги вернулись в Каневскую.

В 1993 году доктор Рассохина возглавила гинекологическое отделение ЦРБ. В непростое для медицины, как, впрочем, и для всей социальной инфраструктуры, время ей досталось убогое наследство.

Сегодня она с грустью вспоминает то обветшалое помещение: обшарпанные стены, полупроваленный пол, текущая крыша... Как удалось справиться с этим во времена «пустого бюджета»? Было непросто, но сработали таланты Ольги Васильевны – её умение убеждать и безусловная харизма.

Благодаря поддержке районной администрации и руководства ЦРБ, ряда хозяйств и предприятий дело с ремонтом двинулось в гору. На просьбу о помощи откликнулось немало земляков-спонсоров. Общими усилиями за восемь лет изменили внешний и внутренний облик отделения, укомплектовали современным оборудованием.

Налажено тесное сотрудничество с краевыми коллегами, как в плане консультативной помощи, так и в решении практических задач. В чём также немаловажен личный вклад моей героини.

Абсолютный порядок и особая умиротворённость царят в отделении ныне. В этом легко убедиться, если пройтись по его коридорам, палатам, санитарным и служебным помещениям. Причём, в любое время суток.

Во всём чувствуется рука мудрого руководителя. Строгостью и одновременно сердечной душевностью пропитана атмосфера в гинекологии. И этот тон задаёт она, завотделением. Под стать ей и коллектив собрался – большинство врачей и медицинских сестёр работают тут не один десяток лет.

Проблемным остаётся вопрос «омоложения» коллектива. Пройдёт студент практику в Каневской, а на работу, уже врачом, устраивается в соседний район. Туда, где жильём обеспечивают или иную социальную помощь оказывают «на взлёте» врачебной карьеры. О чём местные врачи сожалеют: талантливой молодёжи в районе много, есть с кем поделиться опытом...

Выучиться «на доктора» может каждый, считает райглавакушер-гинеколог. А вот чтобы быть врачом – тут особым даром человек обладать должен. И жаль, когда одарённые молодые врачи, так сказать, «проходят мимо».

Но тут уже вопрос к муниципалам, ведь результаты работы районных акушеров-гинекологов поддерживают социальный имидж района. На протяжении ряда лет рождаемость в районе держится на довольно высоком уровне, в динамике снижены аборты, детская смертность. Значительное внимание уделяется профилактической деятельности.

Просто удивительно, какой внутренней силой обладает эта женщина, управляя таким сложным социальным механизмом. Но стоит только войти в её рабочий кабинет, как всё становится ясно. В антураже бурной зелени комнатных растений (следуя народным приметам – явный признак позитивной энергетики хозяйки) здесь всё находится в безукоризненном порядке. И в то же время чувствуется какая-то домашняя теплота интерьера.

Сколько здесь было пролито женских слёз?! Скольких пришлось Ольге Васильевне утешить, обнадёжить, а при необходимости «встряхнуть», открыть глаза на реальную жизнь...

Привлекает внимание удивительная икона Пресвятой Богородицы «Целительница» – её доктору привезла из подмосковного монастыря благодарная пациентка. И как тут не поверить в чудо! Много лет женщина преодолевала бесплодие, каких только средств не испробовала. Кто-то посоветовал ей монастырской молитвой исцелиться... и случилось! К своему удивлению доктор Рассохина через время подтвердила беременность своей пациентки. А потом на свет появился малыш. Вот оно – женское счастье!

Ольга Васильевна верит, что всё в этом мире устроено закономерно. И если выпадают на долю какие-либо испытания, их следует преодолевать достойно. Вся её жизнь служит тому примером.

«Где родился, там и пригодился» – эта поговорка точно характеризует Ольгу Васильевну. Себя она считает истинно кубанской женщиной и подчёркивает, что «у кубанских женщин прошлогодней грязи на галошах не бывает». В этом, видимо, и заключается секрет безукоризненной чистоты как в возглавляемом ею отделении, так и в отношениях с окружающими.

В радости мы редко вспоминаем врачей; зачастую их удел – делить с нами минуты боли и горя. Но ведь их руками, их сердцами каждый из нас обретает надежду на выздоровление, веру в свои силы и любовь рождённых в этих стенах малышей. Счастья Вам, дорогая Ольга Васильевна, и Вашим коллегам, исполнения желаний и успехов в вашем благородном деле!

Валерий ДАУРОВ

ОН СТОЯЛ У ИСТОКОВ...

В 1982 году, когда я возглавлял Каневское агропромышленное объединение (РАПО), мне выпала честь познакомиться с выдающимся учёным, одним из созидателей отечественной электроники, начальником Главного научно технического управления Министерства электронной промышленности СССР, профессором, незаурядным человеком Пролейко Валентином Михайловичем.

Думаю, многим будет интересно узнать о Валентине Михайловиче, чьи школьные годы прошли в Каневской.

Из его рассказов, дневников стало известно, что летом 1938 года семья Пролейко переехала в станицу из Саратовской области.

Отец, Михаил Юлианович, увлечённый радиотехникой, стал создавать первый в районе радиоузел (сегодня на месте деревянной постройки радиоузла и жилья построено здание районной прокуратуры). Мать, учительница русского языка, была диктором. Начало войны совпало с началом школьной жизни – Валентин пошёл в первый класс школы №1 станицы Каневской.

В июле 1942 года, чтобы не досталась немцам радиоаппаратура, военные взорвали дизель, разбили всю аппаратуру. «Отец плакал», – писал в своём дневнике Валентин Пролейко.

Спасаясь, семья выехала в Абхазию, в город Очамчиру. Жили при радиоузле, куда отцу привозили трофейные радиодетали, которые он отбирал для восстановления Каневского радиоузла.

В начале февраля 1943 года освободили Каневскую от немцев. И в марте, на полуторке, гружённой трофейной радиоаппаратурой, Пролейко вернулись обратно в Каневскую.

К лету отец Валентина восстановил радиоузел. Тимофей Хрюкин, работавший в Каневской и Привольной в комсомоле (будущий генерал-полковник авиации), подарил Каневскому радиоузлу новую мощную дизельную электростанцию.

Валентин продолжил учёбу в школе №1, где учителем химии работала В. Омельченко, учителем географии – И. Салион, русский преподавал Марков, классным руководитлем была М.Д. Дронова.

В 1951 году Валентин Пролейко поступил в Московский химико-технологический институт им. Менделеева (МХТИ). На каникулы приезжал в Каневскую, где на улице Чигиринской жили его родители. В 1956-ом получил красный диплом «инженера технолога производства электронных приборов», работал на различных заводах, изобретая детали, конструкции.

Женившись на однокурснице Ирине Брудно, он долгое время проживал на квартире. И тут помог земляк из станицы Новоминской Якименко Иван Тимофеевич – генерал-лейтенант, проработавший 20 лет в Министерстве электронной промышленности СССР начальником первого главка. В 1961 году он перевёл Валентина Пролейко начальником технологического отдела и выделил семье квартиру в Кузьминках.

В начале 1968-го Валентина Михайловича, к тому времени уже кандидата технических наук, направляют в Канаду, в город Монреаль, где он десять месяцев руководит отделом «Электроника» на всемирной выставке «ЭКСПО–67». По возвращении в Москву его назначают начальником Главного научно-технического управления Министерства электронной промышленности СССР.

В этом управлении – единственном, работавшем на оборону, он проработал 18 лет. Немалая заслуга этого учреждения в том, что страна сегодня не отстаёт от США по многим системам вооружения.

Валентин Пролейко – лауреат Государственных премий СССР и УССР, награждён многими правительственными наградами. Ему принадлежат более 140 научных трудов, монографий по отечественной электронике.

Он прекрасный организатор науки и производства. В 15 республиках и 367 городах страны работали предприятия, подчинённые главку.

Валентин Михайлович пригласил меня в Министерство. В 1983 году в одну из поездок в Москву я посетил МЭП в Китайском переулке, где он работал. Впервые из кабинета начальника ГНТУ по видеосвязи я увидел, как он переговаривается с заводами, расположенными в разных концах страны.

Затем мы посетили закрытую выставку, где демонстрировались достижения отечественной электроники. Валентин Михайлович сопровождал экскурсию и показывал военным различные экспозиции. В составе военной делегации были Министр обороны Дмитрий Устинов, главный маршал авиации Павел Кутахов, другие военачальники.

После выставки Валентин Михайлович пригласил меня домой, на Фрунзенскую набережную. Там он показал своё увлечение – джазом. В квартире были собраны все мелодии знаменитых музыкантов мира в области джаза. Валентину Пролейко часто приходилось выезжать в заграничные командировки, и он вместо «шмоток» привозил граммпластинки. В то время у него была самая крутая коллекция записей Дюка Элингтона.

Ещё одно его хобби – путешествия. Он посетил разные края нашей страны; горные вершины Гуниба в Дагестане и Хевсуретии в Грузии; Исландию, Кению, Никарагуа и многие, многие страны. Причём, любил бывать в тех уголках планеты, где были открыты новые интересные места.

Когда только была открыта туристическая база «Южный приют» в горах Абхазии, Валентин Михайлович позвонил из Москвы и попросил меня съездить туда с ним. Многие слышали про «Северный приют», посещая Донбай в Карачаево-Черкессии. От него 13-километровый участок пешеходной тропы, пересекая Большой Кавказский хребет по Клухорскому перевалу на высоте 2780 метров, выходит к турбазе «Южный приют». Мы поехали с другой стороны.

От Сухуми до высокогорной турбазы – 100 км. Путь очень труден. Множество горных речушек, водопады, нависающие скалы – масса впечатлений. Валентин Пролейко всё снимал. Эмоции переполняли, адреналин зашкаливал... Мы двигались вверх, наша управленческая «Волга», преодолевая мелкие речушки, колдобины, проехав через висячий мост, въехала на турбазу.

Была ночь – в горах она особенно тёмная, но туристы не спали; мы присоединились к ним и «отдыхали» до 5 утра. Директор турбазы предоставил нам домик. Рано утром все туристы направились пешком через хребет к «Северному приюту». Осмотрев красоты гор и лесов, напившись из источника нарзана, Валентин сделал множество снимков.

Двинулись обратно, вниз. Машина набирала скорость; временами автомобиль так прыгал по камням, делал такой крен, нависая над пропастью, что трудно описать, что испытываешь, сидя за рулём. Мы добрались до Гагры, где в санатории отдыхали его жена Ирина и дочь Лена. Пролейко, полный впечатлений, остался с семьёй.

Валентин Михайлович предложил организовать в РАПО автоматизированную систему управления (АСУ) на базе микроЭВМ. В

управление сельского хозяйства были поставлены из Москвы необходимая аппаратура, программы; обучены программисты. А мы тем временем готовились к эксперименту: применению микроЭВМ на вывозе зерна на Каневской элеватор.

Ежегодно наш район получал до 1500 автомобилей для перевозки хлеба на элеватор. Транспорт поступал из разных областей народного хозяйства, особенно много – из воинских частей. Колхозы несли убытки: надо было разместить огромное количество транспорта и водителей, обслуживающий персонал, кормить их, дополнительно выделять ГСМ и т.д. Элеватор, и особенно лаборатория, не в состоянии были пропустить огромное количество автомобилей. Водители простаивали в очередях, зарабатывали мало. С применением ЭВМ всё изменилось.

С 68 токов поступали сведения: расстояние от тока до элеватора, мощности погрузчиков, наличие зерна, весовое хозяйство. Мощности элеватора, его весовое хозяйство, разгрузка зерна, пропускная способность лаборатории и т.д. Вычислительная техника, куда были заложены данные, выдала результат – необходимо 50 большегрузных автомобилей. Был организован центр управления перевозками (ЦУП).

В нашем автотранспортном предприятии подготовили два отряда – 55 большегрузных автомобилей с прицепами; установили вагончик напротив лаборатории элеватора, где разместился диспетчерский пункт. Каждый водитель мог видеть количество рейсов, заработок за день. Разработали почасовой график, выставили посты ГАИ. Зерно принимали только сильное и ценное. Очередей на элеваторе не стало, водители делали по 10 рейсов.

Николай Игнатович Кондратенко, секретарь Крайкома партии, прибыл на элеватор с группой журналистов краевых газет и телевидения. Пройдя все технологические точки, увидел, как по часам прибывают автомобили с зерном, отсутствуют очереди, как довольны водители, работники элеватора. Зайдя в вагончик, посмотрел на стене сводку сдачи зерна государству по району (а мы сдавали по 12000 тонн зерна в день – это на порядок больше прошлогоднего).

Николай Игнатович, крайне удивлённый, сказал, что такого он ещё не видел. Журналисты подготовили материал, показали по телевидению, описали в краевых газетах проведённый эксперимент.

Анализ использования такой системы перевозки зерна показал высокую экономическую эффективность: выработка на один автомобиль возросла с 420 до 1100 тонн, расход горючего снизился на 40%, заработок водителей вырос в 10 раз. Такой должна быть логистика. Это один из многих экспериментов, проведённых в районе с помощью ЭВМ в 1980-е годы, а идей у созидателя отечественной электроники Валентина Пролейко было огромное количество. Сегодня многие из них воплощены в нашу повседневную жизнь.

Последние годы Валентин Михайлович много сил и времени посвятил созданию и разработке учебной техники по микроэлектронике для школьных кабинетов физики и вузовских практикумов, изданию «Базовых лекций по электронике» и многому другому в области отечественной электроники.

Он ушёл из жизни 30 декабря 2010 года.

Историко–
литературное
объединение
«Родник»

Владимир САЯПИН

МАТЧ ВЕКА

Сижу на краешке скамейки – остатка некогда буйной трибуны, заполняемой неистовой хуторской футбольной торсидой. Милые мои 60-е, милые мои хуторские таланты-юмористы... Где вы?.. Странно, я думал, что уже и не услышу жаворонка, а он вон, вьётся где-то в вышине, серебряным колокольчиком тревожа мне душу.

От футбольного поля на окраине хутора ничего не осталось, только контуры ворот из труб всё ещё стоят как напоминание о тех временах, когда страсти здесь разыгрывались не менее пылкие, чем на стадионах латиноамериканских стран. Поле буйно поросло степной растительностью, ромашкой и розовым мышиным горошком. Посреди поля привязан чей-то симпатичный телёнок, который внимательно рассматривает меня, чуть склонив голову… Тишина, хутор как вымер. Ни одной машины грузовой, ни трактора – колхоз обанкротился, технику распродали. И только на башне водокачки стучит клювом, неизвестно откуда залетевший и уже три года выводящий птенцов аист…

…Футбол в 60-е годы был больше, чем футбол, особенно здесь, в кубанской глубинке. Каждое воскресенье хуторская команда или принимала у себя кого-то из соседей, или уезжала играть «на выезд». К местному матчу начинали готовиться заранее. Мелом отсыпалась на поле разметка, срочно за пределы убирались привязанные телята и группки овец – те, обиженно блея, семенили за ворота. Нам, пацанам, поручалось строго следить, чтобы «худоба на поли нэ гадыла!» На проволоке возле правительственной трибуны вывешивалась выстиранная красная форма с гордой надписью «Заря» на груди. Правительственная трибуна была возведена на хуторе, где не было не только сельсовета, но и своего милиционера. В праздники на неё восходили председатель колхоза с директором школы и проводили митинги. На первом этаже трибуны была раздевалка футбольной команды.

Футбол в семье моего деда начинался дня за два до события. В обычное время покладистый и послушный бабке, дед начинал проявлять норов – «бзык», как звала это бабка. Начинал ходить по двору и ко всем и ко всему придираться. Кроме меня… Я – сын сына и единственный продолжатель фамилии (дочкины дети, бывшие на другой фамилии, хоть и любимы были не менее меня, в этот момент в счёт не брались).

Мы с дедом откровенно «заедались», искали скандала. А выверить его надо было ювелирно, чтоб разгар пришёлся на утро воскресенья. Всё! Повод найден: дед, проходя по двору, «пэрэчепывая», чуть не упал через цепь, на которой был привязан спокойнейший пёс Налёт. Упоминая всех богов и боженят, а также архангела Михаила, дед шёл «ва-банк». Обычно имеющая на него полное влияние, бабка в это время прятала руки под передник, опускала глаза и не перечила. Из шифоньера во все стороны летела одежда: дед наряжался. Рубашка, «соколочка» в клетку, штаны с белым ремнём, шляпа в сеточку и новые сандали – залюбоваться можно! Принаряжали и меня, зачесав назад белые вихры. На вопросительный строгий взгляд бабка молча подавала деду кирзовую сумку с джентльменским набором: бутылка, шмат сала, цибуля зелёная, пучок редиски, кусочек балыка осетрового и рюмка. Всё!!! Дед с внуком экипированы и идут гулять. На футбол.

До футбола ещё часа три. Дед, блаженно жмурясь, сидит на лавочке сквера. Я уже не могу глядеть на шоколад и втайне подкармливаю им лохматого ничейного кобеля, смотрящего на меня, как Ромео на Джульетту. Тепло. Проходящие мимо хуторяне почтительно здороваются с нами. Бутылка с «Крем-содой» в моей липкой руке уже нагрелась. Хочется на речку, но НЕЛЬЗЯ! Мы с дедом ГУЛЯЕМ!

Надо сказать, футбольные правила на этих матчах отличались своей особенностью. При всех внешних атрибутах, вплоть до боковых судей и судьи в поле с милицейским свистком, своя особенность этих матчей была в том, что они могли при определённом складе событий и степени накала продолжаться и по три–четыре часа. Любое решение судьи, признанное неправомерным разгорячёнными трибунами, могло закончиться наказанием судьи, даже физическим. Если торсида кричала «Губа – в опсаю (офсайд)», – попробуй судья не прислушайся.

Если в ворота хуторской команды назначался пенальти, мужики с трибун выбегали на поле и каждый раз до сантиметра вымеряли злополучные 11 метров. Если же вратарю удавалось взять мяч, ликованию хуторян не было края. От оглушительного рёва пасшаяся за воротами скотина с ужасом убегала в степь, и хозяева долго её после матча искали. Незабитый в ворота противника мяч встречался пронзительным свистом и криком: «Гарынчу – на мыло». Гарынчей хуторяне звали худого и юркого тракториста Борисенко Сашку, хорошо играющего в футбол.

Надо сказать, что на хуторе было много одинаковых фамилий, поэтому каждый хуто-

рянин имел своё прозвище, всегда остроумное и наблюдательное. Но об этом я напишу как-нибудь позже. Сейчас же речь пойдёт о матче века, состоявшемся в июле 1968 года. Старожилы до сих пор вспоминают его с почтением. По длительности и результативности переплюнуть его так и не удалось никому в мире…

В те далёкие годы на уборку в колхозы направлялись воинские автомобильные части, которые помогали убирать обильнейшие урожаи пшеницы. Воины становились станом где-нибудь на краю хутора, разбивали палатки, ставили часового на воротах и первым же вечером шли на хуторские танцы. Я думаю, не надо говорить, что всё это заканчивалось образцово-показательной дракой. Местные хуторские парубки, на время забыв внутренние распри, объединялись в народное ополчение, устраивали провокацию, выливавшуюся в мордобой с переменным успехом. Солдатики пускали в ход ремни с пряжками, местные – «частокол», и до утра гоняли друг друга по хутору. К вечеру следующего дня, наказанные кто командирами, а кто и парторгом колхоза, сходились и пили мировую. Солдатикам сообщалась особенность диспозиции и направления, куда можно было до девчат ходить, а куда нет. В первое же воскресенье вызывали солдат на матч, который должен был состояться при любых обстоятельствах…

В отличие от экипированных в красное местных футболистов, солдатики выскакивали на поле в синих трусах и майках, врученных им министром обороны, и кедах, собранных по всей воинской части. Сидящая на лавочках местная футбольная торсида нервно принимала «по рюмочке», не отводя от поля глаз, закусив зелёным лучком. Рядом сидели и несколько хуторских дам, не пропускавших ни одного матча, «лузгавших» семечки и постоянно требующих удаления кого-либо из соперничающей команды. Нам, пацанам, отводилась почётная роль бегать за мячом, улетавшим мимо ворот в степь. Это полагалось делать предельно быстро, так как мяч был один.

Первый же одиннадцатиметровый в ворота воинов был встречен оглушительным рёвом «Пеналь!» и выбеганием на поле лидера болельщиков – Бэкаса, скандалиста и выпивохи. Он чуть ли не ладонью измерял расстояние, падал на землю и, лёжа, вымерял траекторию мяча. Только после этого он ободряюще хлопал по плечу футболиста и молвил: «Бый, худоба», медленно удаляясь к трибунам. И тем не менее, несмотря на усилия хуторской команды, первый гол был забит представителем воинов, высоким и симпатичным кудрявым малым. Мужики крякнули и сокрушённо пропустили по соточке.

Минут через пять мяч снова затрепыхался в сетке ворот хуторян. Это уже было воспринято как оскорбление всего хутора: тут же был затребован тайм-аут, а так как тренера у хуторской команды не было, советы давали Бэкас и женщины. Предложение Бэкаса «подломить» шустрого форварда было отметено. Хитро улыбаясь, женщины шепнули на ухо Сашке Тарану что-то и зарделись стыдливо. Сашка заржал, как жеребец, и кивнул головой. Дело в том, что хуторская команда играла в трусах на голое тело, вот женщины и потребовали в пылу борьбы сдёрнуть с шустрого форварда солдат этот предмет одежды, тем самым внеся сумятицу в ряды их команды и подняв боевой дух хуторян, конечно же, болельщиц в первую очередь.

Так и сделали. Сашка в центре поля в красивейшем падении сдёрнул с солдата трусы… Все трибуны ахнули! Под ними были аккуратные чёрные плавки. «Ты дывы, ЯКЭ ПРЭДНАМЭРЭНЭ…» – разочарованно-ехидно прошипели болельщицы…

После перерыва, во время которого, конечно же, капитану хуторян поднесли чарочку и сонет советов типа: «Мэньш гылысь, бильше на Сашка накыдай», или «Сыды у опсаю – воны ны бачуть», воодушевлённые хуторяне сходу в течение 10 минут сровняли счёт. И тут началось… Сначала был удалён боковой судья, как не заметивший «опсай», и заменён дядей Гришей Дудкой, потом был побит судья в поле, назначивший «пеналь» в ворота хуторян за игру рукой и закончившийся голом…

Матч продолжался уже 4 часа, счёт вёлся двузначными числами, но победителя выявить не удавалось никак. После долгого совещания, сопровождавшегося ненормативной лексикой, хватанием «за грудки», было решено завершить матч серией «пенальей». Причём, пробивать их должен был один представитель от команды, а не все по очереди. От хуторян выбран был Гарынча, от солдат – «прэднамэрэный».

И тот, и другой пробили серии без промахов, баланс не склонился ни в чью сторону. Потом ещё по 5 ударов – результат всё тот же.

Начали поступать предложения типа «пусть Гарынча и солдатик навкулачки разбэруться – хто дущий». В конце концов, в столовке колхозной стыл ужин, накрытый правлением для игроков обеих команд. И только по результатам этого ужина к утру местной торсидой было вынесено определение по отношению команды «воинов» – «слабакы». Коварная 60-градусная самогоночка сделала своё дело – солдатики полегли…

Мы с дедом возвращались домой притихшим хутором, залитым лунным серебряным светом. Оглушительно цверенчали сверчки, пахло ночной фиалкой, побрехивали собаки. Казалось, эти умиротворённость и благолепие – вечны, всегда будет рядом любимый дед, детство не окончится никогда, вместе с каникулами. Утром ждали речка, сады с птичьими гнёздами, рыбалка и многое другое, что и составляло тогда детское счастье, от которого хотелось кувырком, колесом пройтись по спорышу… Но уже тогда своим небольшим умишком детским понимал я – такое не может быть вечным.

А маятник мерно отстукивал реквием по уходящему детству.

Владимир САЯПИН

* * *

Со зверьём у нас большое сходство:
Все мы одинаковы в беде;
Нет страшнее доли, чем сиротство,
Для щенков, котят и для людей.

Я, как и они, – с потухшим взором.
Как в степи былина на ветру.
Им дрожать под ливнем у забора,
Мне скулить, лицом уткнувшись в руль...

А в ушах – как боль: «Сыночек, милый»,
На закате – чья-то тень в окне,
А на свежий холм родной могилы
Выпал первый белый чистый снег...

Пред глазами – жуткая картина,
Не сотрётся в памяти одно:
Как за день до маминой кончины
Бился голубь бешено в окно.

О проклятой, навсегда, разлуке,
О беде предупредить спеша,
Бился, бедный, как пронзённый мукой,
Бился, словно мамина душа...

...Вы не обижайтесь – всё до веку,
Женщины, товарищи, друзья,
Мать была последним человеком,
В чью любовь и верность верил я...

Что ж, случилось ЭТО и со мною,
Где был свет – теперь густая мгла,
...Как бездонна пропасть за спиною
Там, где мать мне крепостью была...

4 ноября 2016 г. Прости, мама...

* * *

Снежинка первая – как белое перо,
Что в чистом небе грустно обронила птица.
На смену золоту приходит серебро,
И с этим нам, увы, приходится смириться.

Какая грусть была вокруг ещё вчера –
Металось эхо меж деревьев, умирая.
Опять пришла благословенная пора
По снегу белкам бегать, в чехарду играя.

Ужасный год, как же он трудно дался мне...
Узор в окне, как дорогая панагия.
Анабиоз души, и только белый снег
Не позволяет ей забыться в летаргии.

Год, словно ствол, судьбой направленный в висок,
Я – как подранок, этим годом недобитый.
И отбываю этот високосный срок,
Дни отмеряя, как крупицы динамита.

Премьера снега: он – как белый, чистый лист,
На том листе – сонет, дождями полусмытый,
А поцелуй снежинки так невинно чист,
Как чьих-то губ, уже, увы, давно забытых...

Застыло всё вокруг в уютном полусне,
С мольбой деревья тянут руки-ветви к небу,
Кружит над парком первый белый чистый снег,
И скачут белки весело по снегу...

8 ноября 2016.
Сегодня маме
исполнилось бы 79...

* * *

Всю ночь снежинки за окном кружат,
А мне опять из юности далёкой
Хмельной приснился чёрный виноград,
Что на твоих губах искрился соком.

Ты и в грехе была, как снег, чиста –
Как той далёкой ночью, так и ныне.
Но эти капли на твоих устах!..
А глаз прищур – порочен и невинен.

Как ты была изящна и легка!
Волос сквозь пальцы волшебство струилось.
Унёс тебя я в море на руках.
Ах, как оно волшебно фосфорилось...

Мы не стеснялись нашей наготы.
За горизонтом гром ворчал раскатно;
Нас было трое: море, я и ты,
И пахло море солнечным мускатом.

А после влажный ласковый песок
Ласкал своей прохладой наши спины,
И вновь стекал по шее сладкий сок,
И хохотали пьяные дельфины.

Потом была короткая гроза.
Ты стала вдруг чуть грустной и серьёзной,
И, отражаясь у тебя в глазах,
Катились в море с неба тихо звёзды.

Луны дорожка в дивной тишине...
Костёр чуть тлел в предутренних потёмках,
А ты шептала что-то тихо мне,
Свернувшись на груди моей котёнком...

Смотрю в окно – там снег густой идёт;
К утру всё скроет первая пороша.
Во сне, как в старом фильме, август тот,
Как чаек крик, манит меня из прошлого.

О Боже! Сколько лет прошло с тех пор,
Всё изменилось: время, сцена, маски,
И время, словно изощрённый вор,
Крадёт из душ и запахи, и краски.

А я смотрю с тоской в ночной тиши
На старый снимок: ты на нём смеёшься.
И я храню мечту на дне души,
Что ты ко мне когда-нибудь вернёшься...

18 августа 2016 г.

* * *

Так Богом решено, а не людьми,
И с этим мы не можем не смириться,
Что мы с тобой приходим в этот мир,
Чтоб больше в нём уже не повториться.

Неповторимы небо над тобой
И бой часов в предутренней квартире,
И даже если есть он – мир иной,
Всё будет по-другому в этом мире.

Неповторимы априори вновь
Наивность детства и седая мудрость,
И первый снег, и первая любовь,
И яркая гроза июльским утром.

Цветущих вишен юная весна,
Капели дробь и летние зарницы,
Волос, скользнувших с милых плеч, волна,
Что, сбывшись раз, уже не повторится...

За то, что не сорвал хмельную гроздь,
Не вправе я винить тебя, мой Боже.
И две судьбины, прожитые врозь,
Неповторимы тоже, тоже, тоже...

Всё было проще бы, когда бы каждый вник
В начале жизни в истину простую,
Что жизнь нельзя прожить на черновик,
Ну, а потом – ещё раз, но вчистую.

Я рад, что без оглядки жизнь прошла.
И я благодарю тебя, Всевышний,
За то, что юность глупою была,
За губы те, что пахли пьяной вишней,

За то, что шёл по жизни напролом,
Писал стихи, любил вино и женщин,
Не отвечал в запале злом на зло...
За то, что жил – не больше и не меньше.

В сознаньи мысль, как Ариадны нить
По лабиринтам жизненным незримым:
Ценней не две на свете жизни жить –
Ценней одну прожить неповторимо...

Ночь за окном и грустная луна,
Сон-полубред опять мне ярко снится:
Волос, скользнувших с нежных плеч, волна,
Вишнёвый сад и крик полночной птицы...

19 мая 2016 г.

* * *

В ночь волшебную, под утро, на Купала,
Когда филин глухо плакал за рекой,
Видно, мать меня в любистке искупала,
Потому и уродился я такой...

Тайно папоротник цвет свой в чаще прячет,
И цветёт он только ночь одну в году,
Потому моя душа так часто плачет,
Что я знаю, где тот цвет, но не иду.

Свет упавших в реку звёзд русалки тушат,
По реке плывут венки, как по судьбе.
Мне не нужен клад – Бог дал мне мою душу
И вложил тоску мне в душу о тебе.

Согрешить в такую ночь безгрешно просто:
У костра, под хохот лешего в лесу.
Как мечтал когда-то я по травам росным
Разметать в такую ночь твою косу.

Жизнь ветрами нас по жизни разбросала,
Простонали нам молитву журавли...
Видно, зря меня в любистке мать купала –
Всё Бог дал мне, только счастьем обделил.

Чудотворцу на окне затеплив свечку,
На бугре, где верба старая растёт,
Каждый год я в эту ночь сижу у речки,
Всё надеясь – вдруг венок твой приплывёт.

За рекою у костра поют печально
О замёрзшем в злую стужу ямщике,
И плывут венки с зажжёнными свечами,
Словно девичьи надежды, по реке...

Вот и в эту ночь венка мне не досталось.
Знать, не зря удел достался мне такой:
В ночь, когда меня в любистке мать купала,
Старый филин глухо плакал за рекой...

Владимир САЯПИН

* * *

Где склонились вербы в реку косами,
Где полынь во влажном серебре,
Иволги полощут горло росами
На июльской розовой заре.

Спозаранку на ветвях плакучих
У туманной поутру реки
Зажурчат их голоса певучие,
Как в степном овраге родники.

Сколько я их в юности послушал
Там, где и мои сады цвели!
И запал мне голос птиц тех в душу
Голосом навек родной земли.

А года летели и летели,
Я уже давным-давно седой...
Снятся мне под плач ночной метели
Иволги в садах и отчий дом,

Волшебство, что так недолго длилось,
Перезревших груш хмельная сласть,
Та, что так пронзительно приснилась,
А потом, как вещий сон, сбылась...

Юность, где ты? За какой излучиной?
Иволга, волшебница моя,
Тихо спой моей душе измученной,
Чтобы смог душой оттаять я,

Чтобы хоть на час, но отпустило,
Чтоб приснился белый сад весной.
Серая моя пичуга милая,
Мой целитель и мучитель мой...

За окном метели белой замять.
Снятся юность и в садах сверчки.
И грустят, мне будоража память,
Иволги на вербах у реки...

* * *

Замело наш сад метелью первой, робкою,
Стихло всё в объятьях белой тишины,
Свежий снег расчерчен заячьими тропками,
Старый сад уснул до будущей весны.

Залегла вокруг краса непостижимая.
Охраняет месяц благостный покой.
Словно парень молодой куму любимую,
Обнимает хмель калину над рекой.

Дым из труб столбом к мохнатым звёздам тянется,
За рекой собаки лают в хуторке.
На три голоса о грустной бесприданнице
Песня девушек слышна невдалеке.

Лёд, сковавший речку в тихую погоду,
Чист, прозрачен, как богемское стекло.
Забываются все беды и невзгоды,
И от месяца и звёзд вокруг светло,

От чего-то на душе немного грустно.
Провода уютно на столбах гудят,
Я иду, снежком похрустывая вкусно,
По тропинке, что засыпал снегопад.

Я бы мог идти с закрытыми глазами
Этой тропкой, как и тридцать лет назад,
И несут меня, как будто, ноги сами
Через поле, через кладку, через сад...

Никакой надежды нет с тобою встретиться,
Понимаю – всё наивно и смешно.
Мне б увидеть только, что окошко светится,
И снежок швырнуть в окошко озорной.

Пусть хоть ночь одну ещё побуду юным я,
А потом пусть занесёт всё белый снег,
Мне б лишь знать, что в эту ночь волшебно-лунную
До утра ты будешь думать обо мне...

Памяти отца. 6 декабря 2015 г.

* * *

Сильный ветер, налетевший на долину,
Поломал в степи цветущую калину:
Оборвав цветы, сломил и не заметил
Налетевший ниоткуда сильный ветер.

Как в фате, стояла в нежном белом цвете –
И откуда взялся этот чёртов ветер?
У речушки, растеряв свой цвет невинный,
Увядают ветви сломленной калины...

Говорят, что всё на свете время лечит:
Потихоньку развернёт калина плечи,
Косы те, что были гордостью когда-то,
Заплетёт по-бабьи, под косынку спрятав.

Цвет её, что был когда-то бело-розов,
Станет ягодою, горькой до морозов.
Станет больше грустным деревом на свете.
Эх ты, ветер, непутёвый сильный ветер...

Тёплым августом и в сентябре туманном
По ночам всё будет плакать беспрестанно –
Не о том, что стройный стан её согнулся,
А о том, что улетел и не вернулся.

Будет думать с затаённою печалью
Думу горькую бессонными ночами
И мечтать тайком, как ни о чём на свете,
Что б ещё хоть раз случился сильный ветер...

* * *

Так уж мы настроены с рожденья:
Небосвод – он только голубой;
Мы живём в глубоком убежденьи –
Всё в руках, и мы рулим судьбой.

С места рвём, чтоб в первых оказаться.
Жизнь бурлит, как с горных круч поток,
Можем и грешить , и ошибаться –
Ничего, покаемся потом.

В юности мы всё о жизни знаем,
И водоворот судьбы кружит;
Любящих и верных оставляем,
Чтоб потом о них жалеть всю жизнь.

Мчим, чтоб уловить попутный ветер,
И, забыв, как быстротечна жизнь,
Можем пролететь и не заметить
Синий василёк на поле ржи...

В памяти моей бредут куда-то
По дороге пыльной, по камням
Те, кого я потерял когда-то.
Рядом те, кто потерял меня.

Что ж, пора снимать пиджак парадный.
И пора в преддверии зимы
Приводить в порядок виноградник –
Тот, что оставляем детям мы.

Не остановить Земли вращенья.
И, пока очаг твой не погас,
Надо попросить успеть прощенья.
И успеть, чтобы простили вас.

Может оборваться всё внезапно,
Что, казалось, распределено...
Не откладывайте ничего назавтра –
Не известно, будет ли оно...

* * *

Зачерпнуть бы холодной воды
Из криницы под старою ивой
И проснуться опять молодым –
Молодым, потому и счастливым.

Чтоб забыть все печали свои
И забыться хотя б ненамного,
Чтоб запели в душе соловьи,
И душа попросилась в дорогу.

Чтоб в степи зацвели барвинки,
Чтобы стали прозрачнее дали,
Чтоб поплыли по речке венки,
На которых девчата гадали.

Чтоб тревоги водой унесло,
Чтоб от маков вся степь заалела,
На душе чтобы стало тепло,
Чтобы слева душа не болела.

Я давно уже не подавал
Денег нищим в ладони у храма.
Я давно уже не ночевал,
Допоздна засидевшись, у мамы.

Кот клубок шерстяной подхватил,
Гонит по полу мягкою лапой.
...Я давно из криницы не пил.
Я давно над стихами не плакал...

* * *

Здесь кипели когда-то сады яблонёвою замятью.
Сорок лет, как не стало садов, пролетели года,
Но летят соловьи в те сады по велению памяти,
К старым гнёздам своим возвращаясь весною всегда.

От былых от садов там остались лишь лесопосадка
И привычка одна с той поры, когда был молодым:
Когда мне уже невмоготу на душе и несладко,
Приезжаю сюда, к соловьям я, до боли родным.

И свершается всё, каждый раз изумляя по новой,
Как рожденье ребёнка, как первая в жизни любовь,
И в душе, словно в тягостный зной от воды родниковой,
От неистовых трелей стихают обида и боль.

Словно жизни бальзам на открытую рану пролился,
Ты становишься, словно ребёнок, в душе без греха.
И ты плачешь, забыв, что ты плакать давно разучился,
Словно слышишь молитву, которой ещё не слыхал.

От всего отрешаясь до полного самозабвенья,
Чтобы слышали все, даже те, что с рожденья глухи,
Всё поют соловьи о послании нам всепрощенья,
Умоляя Всевышнего людям простить их грехи.

Всё быстрее мелькают года и безликие даты.
Мне не важно уже, сколько Бог мне отпустит годин.
И чем дольше живу, тем места эти больше мне святы,
И туда, как на исповедь, езжу я только один...

Пока алое зарево маков под ветром полощется
Ярким символом юности средь поспевающей ржи,
Мне всё кажется – держит меня на Земле эта рощица.
Она с детства родная мне, нам друг без друга не жить.

До весны скоро стихнут опять соловьи во Вселенной,
Заалеет калина, придёт предосенняя тишь.
Соловьиная роща, святыня моя неразменная,
Да храни тебя Бог, как меня ты, родная, хранишь...

Василий МАКУХИН

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Продолжение.
Начало в №№ 12–15.

Походы за Кубань

Терентий с товарищами после прибытия в крепость остался в расположении постоянного охранного отряда. Вновь пластуны стали ходить в засады, иногда приходилось пробираться за Кубань и высматривать, нет ли где скоплений вооружённых горцев. Пластуны настолько слились с природой, что, если не знать, где лежит в засаде казак, можно наступить на него. По стрекотанию птиц и по поведению животных пластуны определяли, кто, что и где повлияло на их поведение. Сами казаки могли имитировать щебетанье или птичьи крики, и даже иногда вводили в заблуждение самих птиц.

Находясь в засаде, имея много времени для раздумий, Терентий часто думал о Наталке, вспоминал дом. Душа его замирала, когда он представлял, как трудно сейчас его жене на хуторе. Огромное количество тяжёлой работы навалилось на её плечи. Да и отец нездоров, вряд ли сможет помочь даже в малом. Постоянные переходы, сражения отвлекали от смутных дум, но когда выдавались немного времени для отдыха или нахождение в засадах, то мысли, не всегда добрые, заполняли душу казака.

Выдержка и самообладание иногда оставляли Терентия, он шёл к другу и родичу Петру Обломию, делился своими сомнениями и тревогами. И, выговорившись, как бы снимал тяжкий груз с души.

В середине сентября маленький отряд пластунов переправился через Кубань и залёг в засаде на одной из проезжих дорог между черкесскими аулами. Под вечер на дороге показалась группа всадников. Издалека видно было, что едет богатый князь. Одежда его состояла из кольчуги, украшенной серебряными пластинами, на голове – стальной шлем-шишак, тоже украшен инкрустацией из золотых и серебряных узоров. У пояса сверкал серебряными ножнами кинжал. К седлу, в чехле, приторочено ружьё. Через плечо надет лук, на другой стороне от ружья к седлу прикреплён колчан со стрелами. Под князем был красивый, тонких изящных линий конь. Весь будто выточенный из белого камня, шёл он под всадником нервно, боком, будто неутомимая сила рвалась из него.

Казаки затаились в высокой траве. Но конь уже за пятьдесят метров учуял их и встал на дыбы. Грива его распушилась, ноздри расширились, и конь, всхрапывая, стал пятиться назад. Князь ногайкой слегка ударил коня по крупу, но тот ещё больше стал пятиться. Почуяв неладное, вперёд вырвались слуги, тоже все на добротных породистых лошадях. По команде Терентия – он свистнул, будто стрела пролетела – пластуны одновременно выстрелили. Трое черкесов сразу упали с лошадей, князь тоже был ранен, он склонился к луке седла и развернул коня назад. Следующим залпом были сражены ещё два черкеса и ранен конь под князем. Оставшиеся слуги метнулись к князю, подхватили его с поверженного коня и поскакали назад в лес.

Пластуны не стали преследовать горцев. Быстро осмотрев убитых, они захватили их оружие и лошадей и спешно направились к Кубани, чтобы не попасть под огонь преследователей. Благополучно добрались до реки и, уже переправляясь через бурные воды Кубани, были обстреляны большим отрядом черкесов, что бросился в погоню. Спасло только то, что казаки спрятались за трофейных лошадей. Две лошади были или убиты, или ранены сразу, и их унесло потоком, а две другие вытащили казаков из реки. Ранены легко были Терентий и ещё один казак. На другом берегу, за кустами, Пётр перевязал другу раненую руку и помог взобраться на лошадь, чтобы добраться в крепость. Второй казак был ранен по касательной в голову. Скорее всего, ударом пули был контужен, так как рана была небольшая, снесло кожу, но раненый жаловался на сильную головную боль и идти не мог из-за головокружения. Его тоже доставили в крепость на лошади.

В крепости разделили между собой трофеи. Терентий и Пётр взяли себе по кинжалу в серебряных ножнах, покрытых узорами и украшенных камнями. Сразу договорились подарить эти кинжалы своим сыновьям.

Уже через две недели рана у Терентия зажила, и он смог выйти со своими пластунами в дозор. Залегли в секрет недалеко от реки – на тропе, которой, как доподлинно было известно, пользовались абреки в своих набегах. Трава везде была высохшей, и пластуны замаскировались под небольшие копны сена.

Долгое ожидание в засаде чуть притупило бдительность казаков. Первым почувствовал опасность Трофим Вовк. Горьковатый запах пожара донёсся с тылу, откуда дул ветер. Осторожно освободившись от прикрывающей его со всех сторон травы, Трофим увидел, что со стороны берега в их сторону идёт целый вал огня. Ещё на расстоянии километра, но при помощи ветра огонь стремительно приближался, и возникла опасность быть заживо зажаренными. Трофим крикнул Терентию о пожаре, и казаки в одно мгновение выскочили из своих укрытий.

Поблизости черкесов не наблюдалось, и казаки попробовали бежать в сторону небольшого ручья на севере. Терентий быстро понял, что в ручье они не спасутся – там было мало воды, и ручеёк не был широким, тем более, по берегу располагались особо большие заросли сухой травы. Терентий быстро зажёг траву перед собой и приказал казакам немного отступить навстречу огненному валу. Прошло немного времени, и ветер подхватил огонь, что зажёг Терентий. Быстро оголилась поверхность земли, на которую перебрались казаки.

Вокруг казаков закружили вихри. Сильный ветер стал ещё сильнее и будто тащил за собой огонь. Намочив в ручье одежду, обмотали головы мокрыми башлыками и пошли вслед отступающему огненному валу, который сделал Терентий. Основной шквал огня, что шёл со стороны Кубани, натолкнувшись на выжженное пространство, отступил. И казаки, хоть и шли по тлеющей земле, но спаслись. После пожара не было смысла находиться в секрете, и пластуны поспешно вернулись в крепость.

Много бед сделал степной пожар. Сгорели небольшие хутора в глубине территории, погибло несколько сот голов рогатого скота и овец. Люди тоже пострадали: кто сгорел заживо, кто потом попал в лазарет крепости.

Как потом узнали из уст пленного черкеса, этот пожар устроили беглые кабардинцы, выждав благоприятный момент для поджога.

Урок, данный казакам кабардинцами, заставил их делать засады и секреты на территории противника, чтобы загодя видеть передвижение противника, знать его замыслы.

Кацырев, вернувшись через полтора месяца в Усть-Лабинскую крепость, узнал о пожаре и решил отомстить за погубленные хутора. Собрав несколько сот казаков, он переправился через Кубань и стремительным рейдом добрался до предгорий, где были расположены богатые аулы горцев. Буквально за несколько дней Кацырев разгромил пять аулов и сжёг остатки посевов, что ещё не были убраны. Захватил около пятисот голов скота и пятьдесят пленных. Впоследствии заставил пленных пилить и корчевать лес от Кубани в сторону гор. Таким образом он создал небольшой участок, просматриваемый даже со стороны правого берега реки.

Тоска по родным

Терентий, Пётр и Трофим, собираясь иногда под смотровой вышкой, делились воспоминаниями о родных хуторах, жёнах, детях. Неизвестно было, сколько продлится их пребывание на Линии. Постоянно возле Усть-Лабинской крепости, да и в других местах происходили стычки, набеги горцев. Тоска по родным сказывалась всё больше и больше. Особенно тревожился Терентий. У него на хуторе остались Наталка с сыном и старый немощный отец. Как они справляются с хозяйством, он даже боялся себе представить. И скот, и поле, и домашние заботы – всё легло на хрупкие плечи жены. Отец Петра хоть и обещал присматривать и помогать Наталке, но кто его знает, что там на самом деле…

Уже несколько раз порывались друзья написать письмо в Деревянковку, но то срочные походы, то тревоги откладывали послание на неопределённое время. Уже после похода за Кубань Терентий попросил Петра сесть и написать письмо, тем более что на Деревянковку должен был ехать казак, что был контужен черкесской пулей в голову. Постоянные головные боли не отпускали его, ко всему, он не мог нормально ходить, его шатало из стороны в сторону, и для службы был непригоден.

Пока товарищи собирали этого казака в дорогу с провожатым, Пётр, Терентий и Трофим сели за стол и начали писать письмо. После многочисленных приветов и пожеланий родным, Пётр стал подробно описывать всё, что с ними происходило за год. Написал о ранении Терентия, о том, что и он, и Терентий, и их кум Трофим Вовк очень скучают по своим семьям. Просил написать ответ, если получится.

Несколько часов сочиняли письмо, извели несколько листов бумаги, которую выпросили у полкового писаря. Пётр, пока писал письмо, взмок, будто делал тяжёлую работу. На следующий день уехал их товарищ, увёз письмо, и стали казаки ждать ответа.

Нападение

В начале ноября с левого берега переправилась партия черкесов и напала левее крепости на два хутора, в которых не было ни солдат, ни казаков. Крестьяне, наученные горьким опытом, вопреки приказу коменданта крепости доставали себе ружья и другое оружие. Как только раздался первый выстрел, во всех хатах взяли в руки ружья и стали отстреливаться. Черкесы, не ожидавшие такого отпора, замешкались и потеряли время, когда можно было безопасно отступить. На выстрелы из крепости примчались казаки и окружили горцев. Порубили с десяток абреков, нескольких взяли в плен. Меньшая часть рассеялась по степи.

Терентий и Пётр участвовали в этой операции. Находясь большей частью в пеших порядках, на этот раз они добровольно вызвались пойти на выручку крестьянам с хуторов. Быстро заседлав запасных лошадей, пластуны ворвались вместе с отрядом в первый хутор. Здесь уже лежали во дворе насколько убитых черкесов, горели хаты, и на фоне пожарища мелькали полуодетые мужчины и женщины.

Терентий увидел, что на Петра выскочили двое абреков и пытаются сбить его шашками

с коня. Не раздумывая, Терентий гикнул, пришпорил коня и бросился на ближнего горца. С ходу он рубанул наискось, слева вниз, и свалил абрека. Развернул коня и сбоку налетел на второго горца. Завязалась ожесточённая схватка, черкес оказался сильным и ловким бойцом. Отбиваясь от казаков, он вдруг выбил шашку из руки Терентия. Сказалась недавняя рана, полученная при переправе через Кубань. Пётр заслонил собой друга и ещё ожесточённее стал наседать на абрека. Казалось бы, силы равны, но Пётр был более выносливв, и в голове подстёгивала мысль, что за его спиной находится родич и друг. Терентий тем временем спешился и подхватил шашку. Из-за плеча сдёрнул ружье, прицелился в абрека и выстрелил. Пуля сразила черкеса, и друзья поскакали на помощь товарищам, преследовавшим абреков.

Помощь казаков пришлась кстати, среди хуторян почти не было потерь. Погиб один старик и были ранены две женщины. Весь скот, который захватили черкесы, казаки завернули из степи и вернули крестьянам.

Чтобы отвадить неприятеля от грабежей, Кацырев вновь снарядил отряд в триста человек и двинулся вглубь горных ущелий. За две недели отряд прошёл почти сто километров, разорил шесть аулов; казаки взяли почти сто черкесов пленными. Кроме этого, захватили более шестисот голов скота. Операция по усмирению горцев надолго запомнилась пластунам-деревянковцам. Именно их команда всё время находилась в передовом охранении. Часто пластуны ходили в разведку для выявления количества неприятеля.

Вернулись из похода усталые и простуженные. Часто приходилось ночевать в снегу. Не всегда можно было нормально питаться – ели всухомятку, не было времени и возможности готовить еду на костре. По приходу в крепость Терентий и Трофим слегли с высокой температурой. Почти две недели находились друзья в горячечном бреду. Лекарь давал настои трав и мазал их тела барсучьим жиром.

Кроме Терентия и Трофима, в лазарете с простудой лежали ещё четверо казаков. Через неделю один из них умер. Пётр боялся, что его друзья тоже могут умереть от горячки, но Бог миловал, и постепенно казаки стали вставать, выздоравливать. Почти до самой весны Терентий кашлял и был слаб телом, к службе совершенно непригоден. Определили его в лазарет – ухаживать за больными и ранеными. Трофим Вовк выздоровел быстро и ходил с пластунами в дозоры. Зимой, после того, как выпал снег, вылазки горцев прекратились, и жизнь в крепости стала размеренной и монотонной.

Страдания Наталки

Прошёл год, как ушли казаки на войну. В семье Обломий подрастали Яким и Мишка. Ребята росли крепкими, здоровыми и смышлёными. Олеся возилась с детьми и занималась готовкой. Степан где-то добыл ткацкий станок, и иногда Олеся садилась за челнок. Из суровых ниток ткала основу, рисунок получался из крашеных ниток. Нигде никогда не училась, раза два увидела в поселении, как другие женщины ткут полотно, и стала сама на станке готовить

Художник Андрей ЛЯХ.

материал для одежды. Также старые тряпки распускала на полоски и ткала дерюжки на пол.

Арина управлялась за скотиной, доила коров, ухаживала за поросятами. Когда собиралась стирка, с удовольствием стирала в больших ваганах (так называлось глубокое корыто). Раз в неделю устраивали баню, в этих же ваганах купались все по очереди. И для стирки, и для купания нужно было нагреть много воды. Степан построил на улице большую печку, да так хитро, что она обогревала, если надо, зимой всю хату, а летом заслонкой перекрывался поток горячего воздуха вовнутрь и направлялся сразу в трубу. На летней печке можно было готовить и при надобности нагреть большое количество воды.

Урожай в этом году был неплохим, не то что в прошлом. И огород, и поля принесли много хлопот и радости Степану. Еле управились с Ариной во время уборки. Склад в склоне балки Степан увеличил и сделал отдельные помещения для хранения зерна и овощей. Также для запасов рыбы, бочек с соленьями и хранения окороков, колбасы и прочих продуктов пристроил новое помещение – просторное, прохладное, с вентиляцией на улицу.

Много времени заняло переустройство склада, но хозяйство у Обломиев крепло, появлялось больше продуктов, нужно было хранить не только для собственного пользования, но и для продажи. Землю, освободившуюся при устройстве склада, Степан перевёз телегой за ручей, где в прошлом году унесло часть огорода.

Огород тоже претерпел новое устройство. Камнями Степан сделал стенки на огороде и насыпал землю так, что со стороны склон казался большими ступенями. Теперь при сильных дождях посевы не смывало.

Не обходили Степан и Арина вниманием и семью Галки. Несколько раз, управившись с посевной, ездили к Наталке – помогать на поле. Конечно, не смогли занять посевами всю вспаханную землю, но по мере сил необходимое для прокорма количество хлеба, кукурузы и гороха засеяли. Помогли, уже перед Троицей, и с огородом.

Почти половину овощей в низине Наталка посадила сама. Никита ходил с трудом, его здоровье сильно подкосила смерть любимой жены. Наталка возилась со скотиной, готовила, прибиралась в хате и, когда выкраивалась минутка, оставив Гришу на старика, бежала на огород, пыталась там что-то делать. Неприятность доставляло то, что сломалась телега, а Наталка ничего не могла с этим поделать. Не было в семье мужской руки, и хозяйство постепенно разваливалось. Покосился сарай для скота. Ветром разодрало камышовую крышу на хате. По мере умения и сил Наталка пыталась исправлять возникающие разрушения.

В конце лета приехали Степан с Ариной. Вроде, и недалеко жили друг от друга, а времени не было отлучиться из своего хутора. Степан починил телегу, установил на неё новое колесо, прибил доски, чтобы ничего не проваливалось и не терялось. Арина помогла прибраться в хате. Наталка сама не успевала охватить все дела. Помогли собрать урожай. Степан перевёз сено поближе к хате. Все заняты были работой настолько, что даже поговорить толком не удавалось. Всё бегом, всё быстро делали, понимали, что на праздные разговоры нельзя отвлекаться.

Единственно, когда собирались уезжать отец с Ариной, Наталка не выдержала и заплакала. Арина обняла её за плечи, тоже зарыдала:

– Колы ж ця вийна скинчыться? Сил бильшэ нэмае чэкаты. Абы жыви повернулыся наши козакы.

– Мэни увэсь час Петро сныться, як скачэ до мэнэ, а дорога видсуваеться и видсуваеться, як рика, а вин протыв ричкы плыве, – отозвалась Арина.

Степан не выдержал, смахнул украдкой слезу:

– Хватэ сльозы лыты и голосыты, як бы лыха нэ наклыкалы. Така ваша доля – чэкаты казака до дому, и щоб вин там не горював, нэ згадуваты смутно.

Простились у хаты, да и отправились к своему хутору. Наталка стояла, глядя из-под руки, пока телега с родными не скрылась вдали. Потом вернулась к сыну и свёкру. Они будто почувствовали, что Наталка только что плакала, сами сидели, обнявшись, на лавке и шмыгали носами.

– Що малый, що старый, за обома вамы трэба тэпэр носы вытыраты, – сказала Наталка и стала готовить на стол нехитрый ужин.

Отец привёз ей кое-что из своих запасов, и теперь, кроме каши, на столе стояли пирожки с творогом и варенье к молоку. Наталка в этом году не успела заготовить ни варенья, ни кураги, только груши-дички и яблок насушила, чтобы узвар варить.

Покормив свёкра и сына, Наталка на минутку присела на лавку. Посмотрела на свои руки и снова заплакала. Жёсткие мозоли на руках, загорелое, огрубевшее, обветренное лицо, постоянно болящая спина от тяжёлой работы сильно состарили её за какой-то год.

– Вот вернётся Терентий с Кавказа и разлюбит меня, совсем в мужика превратилась, – подумала Наталка.

Но на полатях захныкал маленький Гриша, она встрепенулась и все тяжёлые думы забылись мгновенно, и жалость к себе, и боль от одиночества, и боль во всём теле от тяжёлой работы. Надо было делать работу по дому, ведь, кроме неё, никто этого не сделает.

Письмо с Линии

Уже по снегу Степан ездил в Деревянковку и в правлении ему вручили письмо от Петра. Степан попросил писаря прочитать письмо, сколько смог, запомнил. Обрадовался, что у казаков на Линии всё благополучно. Из правления заехал к своему товарищу Ивану Вовку, пересказал содержание письма и все новости и приветы от его сына, Трофима. Там, у Ивана, Степан и остался ночевать: опасался в ночь ехать домой – снова в степи лютовали волки.

Посидели вечером за столом, выпили терновочки. Иван позвал соседа, который знал грамоту, сосед перечитал теперь и семейству Вовка письмо. Загрустили, запечалились казаки: что

ж поделать, доля такая – на границе стоять, свои земли охранять.

Утром отправился Степан вдоль лимана к себе на хутор. Ему повезло – ехал не один, сосед Нечипоренко тоже выбрался проведать своё хозяйство. Ехали в санях Нечипоренко, привязав лошадь Степана сзади. Мороз был не сильный, но чуть мела позёмка, и говорить не хотелось. Нечипоренко пожаловался, что работники его стали приворовывать, кое-что из припасов продали на сторону, а за вырученные деньги купили себе самогонки и пьянствовали. Что-то с ними надо делать, видимо, придётся по весне новых нанимать, благо из России весной приходят в поисках работы целые ватаги крестьян.

На развилке дорог Степан пересел в свои сани и направился на хутор к Наталке. Надо пересказать ей новости. Наталка не ожидала в этот день отца и возилась в сарае со скотиной. Степан привязал свою лошадь к плетню, накинул на спину попону; он не собирался задерживаться здесь надолго. Помог Наталке наносить сена и воды, потом нарубил дров на несколько дней и только потом зашёл с Наталкой в хату и стал рассказывать новости.

Старый Никита плохо слышал и всё время переспрашивал, что с Терентием, и как он ранен. Наталка сначала очень сильно испугалась, когда Степан по порядку пересказал ей содержание письма, потом поняла, что Терентий уже выздоровел и снова воюет, успокоилась. Напоила отца и своих домашних молоком с пышками и мёдом (мёд ей как-то в конце лета завёз Степан со своей пасеки). Пышки у Наталки получались воздушными, хрустящими. Степан всегда удивлялся: вроде, у матери Наталка училась готовить, а вкус её еды – хлеба, борща, пирогов – всегда отличался в лучшую сторону. Вроде, она секрет какой-то знала, готовила вкуснее Олеси.

Погостив с часок, Степан отправился домой. На улице, садясь в сани, он пообещал Наталке приехать в скором будущем, помочь с дровами.

Дома Степана заждались. Всё же тревожно было: в степи иногда целые стаи серых разбойников шастали, да и мало ли – дорога дальняя, всяко может случиться. Раздал дед гостинцы Якимке и Мишане, отдал вырученные от продажи рыбы деньги Олесе, а Арине привёз немного разных красок, что купил у знакомого иконописца. Арина уже давно начала потихоньку рисовать – то на печке целые картины нарисует, то на стене хату под тополем красиво отобразит. Будто картинки из сказок Пушкина, что привёз Пётр из Тамани. Арина сначала стеснялась своего умения, но потом, видя, что всем её художества нравятся, робко попросила Степана достать ей краски и большой лист плотной бумаги. Всё это Степан и исполнил, чем доставил невестке большую радость.

После раздачи подарков Степан стал рассказывать содержание письма, что привёз из Деревянковки. Арина и Олеся с замиранием сердца слушали новости. Когда Степан дошёл до того места, где описывалось ранение Терентия, обе заплакали.

– Ой, достается нашым козакам. Навищо тилькы ця вийна? Скоришэ б утыхомырылы цых басурманов, – проговорила Олеся. – Потрибно тут працюваты, детишек ростыты, землю обробляты, а не воюваты.

– Нэ можна так говорыты, ворогы прыйдуть и хату спалять, и тэбэ в полон забэруть, – отвечал грустно Степан.

Посидели немного за столом, вспоминали, как Пётр и Терентий за рыбой на лиман ездили, на охоту ходили.

– Хоч бы знаты, чы нэзабаром та вийна закинчыться? Нам те ще терпымо, а як Наталци однией на хутори? Одна и за чоловика, и за бабу… – вставила своё слово Арина.

– Така доля в жинок – чэкаты чоловика и терпиты, – отвечал Степан.

Якимка попросил письмо, ведь он учился у отца читать и писать, может, что и разберёт в написанном. И на самом деле, хоть и с трудом, по слогам, но прочитал всё письмо до конца. Пока он читал, Олеся и Арина, затаив дыхание, слушали и постоянно вытирали слёзы. Прямо с листа новости от родных казались ближе и понятнее, чем в пересказе Степана.

Ещё раз Степан уточнил, что нужно сделать для Наталки, какие работы выполнить ему и Арине, когда поедут на хутор к Галке. Поговорили-поговорили, да и решили – надо поехать в ближайшую неделю, Наталке помочь, совсем она закрутилась одна.

– От прииду з лыману, рыбы заготовлю, так потом и поидэмо з Орыною до Наталкы. Гостынэць повэзэмо и роботу зробымо, – завершил воспоминания Степан.

Он с Иваном Вовком и его сыном, будучи в Деревянковке, решил снова выбраться на рыбалку на лиман. Зимняя рыбалка хоть и тяжёлый труд, но очень хотелось свежей рыбки. И на продажу, может, получится добыть, посолить, да подкоптить. Он уже подсчитывал в уме, сколько денег можно выручить с рыбалки.

На рыбалке

Через три дня приехали на двух санях Иван Вовк с младшим сыном Тимофеем. Степан недолго собирался: бросил в свои сани нехитрое снаряжение – черпак из мелкой сетки да мешки для рыбы. По свежему снегу быстро добрались до лимана. На берегу ещё летом Степан сделал новые коты, построил из камыша просторный шалаш.

Быстро набросали в затишке сена для лошадей, по льду разошлись к котам. Степан показал, как вытащить заслонки перед лабиринтом. Освободили все проходы в ловушки и у шалаша стали готовиться к рыбалке. Разожгли костёр; стена шалаша была отражателем тепла. Приготовили коптильню. Так было удобно: рыба не мороженая, и тепло от коптильни не пропадает, греться можно и обрабатывать рыбу прямо здесь же, на берегу.

Перед обедом пошли проверять ловушки. Рыбы зашло не очень много, да и то, в основном, мелочь.

– Цэ нэ страшно, зараз до вэчора набижыть рыба, готуй тилькы мишкы побильшэ, – пошутил Степан.

– Як бы нэ довэлося порожнимы додому повэртатыся. От будэ смиху, повный лыман рыбы, а мы нэ можэмо нэи вытягты, – с опаской вторил ему Иван.

Пока обработали первую партию рыбы и часть заложили в коптильню, подошёл вечер. Мороз был небольшой, решили остаться на следующий день. Сделали из камыша настил и от ветра затишек, поставили сани так, что в них можно было ночевать. Уже смеркалось, когда пошли проверять ловушки. На этот раз обнаружили столько рыбы, что черпали её несколько часов. Видимо, потепление как-то прижало рыбу к берегу, и стенки коты направили её в ловушки. В этот раз было много чебака и сулы.

В одной ловушке обнаружили огромного сома, для выуживания которого потребовалась сила всех рыбаков. Зацепили его багром и елеле вытащили на лёд, а там уж до берега волокли, обмотав рыбину верёвкой за жабры. Длина сома составила около двух метров. Удивительно, как он протиснулся в узкий проход ловушки. Решили отвезти его в Деревянковку и продать целиком.

До полуночи сортировали рыбу, закладывали партиями в коптильню; часть просто разделали, чтобы потом посолить дома. Умаявшись, легли спать, зарывшись в солому.

Утром ещё раз пошли проверять ловушки, и снова в них было полно рыбы. Выловили столько, что едва увезли на трёх санях.

Степан приехал на хутор уже к обеду. Усталый, промёрзший, он разгрузил весь улов, рассортировав: копчёную рыбу – в склад, а остальную, чуть просоленную, занёс в хату – пусть женщины доведут её до ума. На всю неделю хватило рыбы: готовили щербу, жарили и запекали в глине. Этот рецепт придумала Олеся ещё на Украине: потрошила рыбу, закладывала внутрь укроп, сладкий перец и лук, солила и обмазывала глиной. Всё это закладывали внутрь печи, как хлеба, и, вытащив через некоторое время отожжённый брусок, разбивали глину и получали ароматное, нежное и вкусное блюдо.

К новому году Степан отвёз всю заготовленную рыбу и немного горшков на продажу. Вместе с ним поехала в Деревянковку и Арина. Она хотела немного помочь Наталке, пока Степан будет в поселении.

Быстро доехали на хутор к Наталке. Она выглядела совсем плохо. Лицо осунулось, руки покрылись трещинами от холода и заветрились. Наталка постоянно недосыпала. Уход за скотиной, хлопоты по дому и заботы о сыне и свёкре совсем измотали её. Выглядела на лицо, как сорокапятилетняя старушка. Степан виновато смотрел на дочь: иногда он совсем забывал о ней, потому что дома тоже забот было сверх меры. Арина принялась сразу хлопотать в хате.

Степан сказал, что заедет в правление к писарю, чтобы написать письмо на Линию казакам. Может, и Наталка что хочет передать Терентию? Наталка заплакала и говорит:

– Пэрэдайтэ Терентию просто наши побажання здоров'я. Нэ кажыть, що тут бачылы, нэхай нэ трывожыться. Що корысти вид того, вона довидаеться, як мэни важко, будэ хвылюватыся и рваты соби душу. Нэхай повэртаеться скоришэ здоровый и жывый.

На том и расстались. Степан погнал сани в сторону Деревянковки, надеясь попасть в поселение пораньше.

По приезду в курень Степан решил сдать весь товар, рыбу и горшки, перекупщикам. Конечно, так было меньше денег, но важно было сэкономить время. Между делами Степан сходил в канцелярию и уговорил писаря за десяток яиц написать письмо сыну и зятю. Около часа заняло послание. Потом Степан зашёл в церковь, поставил свечки святым и заказал сорокоуст за здравие воинов Петра и Терентия.

Купил в лавке по просьбе Арины красивой материи на рубашки детям и на обновы для невестки и Олеси.

Степан категорически не хотел что-то покупать для себя. Пётр в последнем письме написал, что привезёт отцу красивые одежды, добытые в походе против черкесов. Степан вспоминал с удовольствием, как выглядел Пётр, когда вернулся с последней службы. Черкесска, бешмет и зелёные шаровары просто покорили его своим видом. Он представлял, как придет к Ивану Вовку в новой обнове. Не носил он оружия в обычные дни, но в мыслях уже видел, как на поясе у него будет висеть кинжал в красивых ножнах. По старости лет стал он привередливым в одежде. Если на работу в будни надевал что попроще, то в праздники одевался по запорожским обычаям в яркие наряды. Атласная синяя свитка, красная рубаха, яркие зелёные атласные шаровары подпоясаны широким чёрным кушаком – со стороны выглядел красочно. Общий вид дополняли уже седые свисающие усы и чуб-оселедец, намотанный на ухо.

Ещё в лавке купил детям кулёк конфет. Степан сам иногда любил побаловаться конфетой или сахаром вприкусу, когда пил кофе или чай.

Дорога была укатана, добрался до своего хутора за несколько часов, по пути захватив Арину. Степан радовался, что все дела в Деревянковке сделал за один день. Решил на неделе выбрать время и вместе с Ариной ещё раз поехать на хутор к Наталке, помочь ей немного управиться с хозяйством.

Но не всё получается, что загадывается. Снова заболела Олеся. Выскакивала из хаты налегке и простыла. Жар и слабость свалили её в постель. Арина хлопотала, заваривала калину, давала отвар душицы, чабреца и зверобоя, но Олесе становилось всё хуже и хуже. Она задыхалась, кашляла, по ночам не могла лежать, так как останавливалось дыхание. Арина не знала, что делать, не с кем было посоветоваться. Делала обтирания и припарки свекрови, но ничто не помогало, и Олеся сгорала на глазах.

Смерть Олеси

Степан с состраданием смотрел, как прямо на глазах угасает его жена. Олеся перенесла в своей жизни столько горя, что это не могло не отразиться и на её здоровье. Тяжкий труд на панов ещё на Украине, постоянные простуды, надорванное здоровье уже здесь, на Кубани. Олеся

никогда не берегла себя, все силы отдавала, чтобы её муж и дети не испытывали неудобств от её хвороб. И вот теперь силы окончательно покинули её. Олеся понимала, что настало время уходить, но она не молилась о своём спасении, а наоборот, все мысли были о том, как останутся без её заботы муж, дети и внуки.

Прямо на новый год Олеся тихо ушла в иной мир. Ещё с утра она постанывала, видимо, тяжко ей было, а потом позвала Степана, попросила, чтобы Якимка и Мишка ушли в другую комнату. Взяла за руку Степана, прижалась к ней. Слёзы стекали по впалой морщинистой щеке.

– Просты мэнэ, якщо колы скрывдыла тоби, мий ридный. Мэни з тобою було спокийно, – прошептала Олеся и затихла.

Степан перекрестился и застыл надолго, не выпуская руки Олеси. Слёзы текли по его лицу и он не замечал, что плачет.

Зашла в комнату Арина, обняла за плечи свёкра и увела к детям. Сама стала готовить Олесю в последний путь.

Прежде всего, по обычаю, омыла душу: перед умершей поставила сосуд с водой, в котором, по поверьям, купалась душа, прежде чем улететь на тот свет. Такой сосуд должен стоять 40 дней – столько, сколько душа прощается с телом.

После омовения души покойной Арина достала из сундука всё, что хранила свекровь на смерть, обмыла её с помощью Степана и уложила на лавку ногами к двери. После этого стала одевать в последние одежды. Свитка и юбка были чёрного цвета. Голову накрыла платком и вложила в руки деревянный крестик.

Арина сняла с покойной серьги, что та носила, на глаза положила медяки.

– Пиду зроблю труну, хрэст и выкопаю могылу, – сказал Степан.

Он оделся и ушёл. Арина с детьми стала молиться перед иконами. Она расплела волосы и одела чёрные одежды. Яким и Миша ещё не понимали, что случилось, но видели, что и мать, и дед очень опечалены. Они тихо стояли на коленях возле матери, которая молилась и вспоминала всё то доброе, что видела и принимала от свекрови. Потом встрепенулась, оставила детей в другой комнате, тепло оделась и вышла на улицу. Надо было оповестить Наталку и ближайших соседей по хутору. Арина заседлала лошадь и верхом, рысью, поскакала на хутор Галки. Степан в последний момент успел перехватить её и дал с собой карабин – мало ли что может случиться в степи.

Наталка собралась быстро. Она будто чувствовала, что с матерью случилась беда. Ни слёз, ни рыданий не показала. Быстро собрала Гришаню, заседлала верхом лошадь и отправилась с Ариной на родительский хутор. На полпути Арина ускакала на хутора Головка и Андрияша, ближайших соседей. Они часто заходили к Обломиям, знали и уважали Олесю, и надо было известить их о её кончине.

Пока Арина была в пути, Наталка добралась до хутора, поплакала у тела матери, помогла отцу с управлением скотины и стала готовить еду на помины. Степан с Ариной с самого начала решили хоронить Олесю на следующий день. Место под могилу выбрали на ближайшем кургане, чтобы ветрами овевалась могила и вечно находилась среди степных трав и цветов. Очень трудно было по морозу копать могилу, пришлось разводить несколько раз костёр, чтобы прогреть землю.

На следующий день с утра приехали соседи. Немногословные, повидавшие на своём веку много горя и лишений, старые казаки с пониманием отнеслись к горю Обломиев. Головко помог копать землю. Много не говорили, всё понятно было и без слов. Каждый из взрослых знал, что ему делать в подобном случае. Женщины распустили волосы и причитали, вспоминая всё, что не успела сделать Олеся, о чём мечтала. После обеда вынесли гроб с покойницей из хаты. Перед тем как вынести из двери, трижды осторожно постучали гробом по порогу. Так запечатывали покойнику дорогу назад. Положили гроб ногами вперед на сани и отправились в её последний путь.

Природа как бы тоже прощалась с Олесей. Выдался чуть морозный, но солнечный день. Провожать её в последний путь отправились все, даже дети. Их посадили рядом с гробом в сани и укутали большим овчинным кожухом.

Прощались недолго. Становился человек на колени перед гробом, прислонялся головой и говорил, чтобы Олеся простила его. Сухо стукнули комья мёрзлой земли по крышке гроба, в голос заплакали Наталка и Арина. Степан отошёл в сторону, пока закапывали могилу – не хотелось ему показывать свои слёзы.

За поминальным столом не рассиживались, у каждого было много неотложных дел. Обязательным блюдом на поминах был канун – варёная пшеница с мёдом. Сразу после трапезы поставили на окно стакан водки и кусок хлеба, предназначенные для духа покойной.

Уже темнело, как Степан запряг лошадь в сани и отвёз Наталку с Гришей на хутор. Как и предполагала Наталка, старый Никита не смог управиться полностью за скотиной. Коровы мычали, им вторили визгливо свиньи. Степан помог дочери управиться с животными, дал всем сена, а свиньям наколотил болтушки. Наталка тем временем быстро подоила коров, приготовила еды, чтобы покормить Никиту. Поздно вечером Степан отправился домой. Он очень боялся нападения волков, держал наготове ружье, но всё обошлось. Проезжая мимо кургана, на котором сегодня похоронили Олесю, он остановился и прочитал «Отче наш»:

– Отчэ наш, Ты що еси на нэбэсах, нэхай святытся имя Твое, нэхай прыйдэ царство Твое, нэхай будэ воля Твоя, як на нэби, так и на земли. Хлиб наш насущный дай нам сьогодни; и просты нам провыны нашы, як и мы прощаемо вынуватцям нашым; и нэ ввэды нас у спокусу, алэ вызволы нас вид лукавого. Бо Твое е царство и сила и слава, на викы вични. Аминь.

Минуту помолчав, Степан перекрестился и поехал домой. Долго не мог заснуть ночью. Тишина в хате стояла гробовая.

На другой день пошли на курган, понесли «завтрак» покойной. Посидели молча у могилы. Вскоре подъехала верхом Наталка. Спешив-

шись, обняла отца, будто давно не виделись. Очень тоскливо было Степану, и Арина с Наталкой это понимали. Они попросили Степана, чтобы тот, будучи в Деревянковке, заказал литургию по Олесе.

Расстались тут же, у кургана. Наталка поспешила на хутор, где почти без присмотра остался маленький Гриша. Никита совсем был плох, и доверять ему ребёнка было просто опасно.

Зима в крепости

Перед новым годом в предгорьях выпало очень много снега. Сама Усть-Лабинская крепость будто покрылась белым покрывалом. Если бы не дымки из труб, то издали и не распознать, что здесь целое поселение.

Служба казаков сводилась лишь к наблюдению за противоположной стороной и редкими объездами верхом, когда было ненастье или шёл снег. Три друга маялись от тоски по дому. Терентий иногда заходил в хату, где размещались деревянковцы. Ему было особенно трудно, так как всё время он проводил в лазарете, помогал фельдшеру ухаживать за больными и ранеными. Было много работы по колке дров и заготовке воды. Помимо этого, приходилось носить еду из кухни и прибираться в комнатах. Терентия тяготила эта обязанность, хотелось быть рядом с товарищами, ходить в дозоры, нести обычную службу.

Прошёл слух, что по весне отпустят деревянковцев на льготу. Эту новость принёс Терентий, который, в свою очередь, услышал её от фельдшера. Фельдшер дружил с писарем, и оба имели склонность проводить время за горилкой. Но новость была пока слухом, и Пётр призывал товарищей не особо надеяться, потому что разочарование повлечёт за собой душевную боль.

Да и положение дел на Линии говорило, что черкесы не собираются успокаиваться. Глубокой зимой пока затихли, а всё лето и осень держали казаков постоянно в тревоге. Набеги, захваты пленных и скота происходили то на одном участке Линии, то на другом.

В феврале Пётр получил письмо от Арины. Мелким почерком на большом листе описывались все события, происходящие в семьях Петра, Терентия и Трофима. Порадовало, что все живы и здоровы, ждут их с нетерпением, желают здоровья, особенно Терентию после ранения.

Пётр почти каждый вечер перечитывал письмо при свете каганца в углу хаты. Он вспоминал ласковые слова Арины, светлые пушистые головки сыновей, домовитого отца и хлопотливую мать. О сестре почему-то вспоминалось отдельно, но всё равно с тёплой ноткой в душе. Пётр понимал, что Наталке приходится сейчас особенно тяжело. Осталась она с малым ребёнком и беспомощным стариком на руках. Хозяйство, вроде, и небольшое, но одному человеку справиться со всем этим было очень трудно.

Думал Пётр, как там его жена Аринушка? Он помнил чуть ли не воочию глаза жены, в минуты ласки такие затуманившиеся, её губы с беленькой родинкой в уголке рта, ощущал иногда её дыхание, пахнущее почему-то женским молоком. От всего этого кружилась голова, и Пётр начинал молиться о здравии и благополучии своей любимой. Сдержанный в жизни, в мыслях он просто накрывал своей нежностью Арину. Представляя её в мыслях и мечтах, Пётр понимал, что красивее и ближе нет на свете женщины. В такие минуты он доставал сундучок и рассматривал украшения и одежды, что приготовил для жены. В мечтах видел, как она всё это наденет и станет ещё краше.

Терентий и Трофим часто видели затуманенные глаза товарища и догадывались, что в эти минуты он думает о семье, о любимой жене, о детях. И даже немного побаивались, как бы Пётр не тронулся головой от такой любви. В боях Пётр становился стремительным и жёстким. Нет, он не боялся погибнуть, опасался только сгинуть в далёком краю и оставить семью без защиты. Товарищи присматривали за его лихими действиями в стычках с неприятелем. И по возможности всегда приходили на помощь в тяжёлые минуты.

Нужно отметить, что уже почти полгода пластуны были переведены на смешанный вид несения службы. В схватках с неприятелем захвачено было много лошадей, и теперь зависело от характера выполняемого задания, будут они пешими или конными. У каждого казака было по две лошади – это накладывало дополнительные заботы. Нужно было ухаживать за лошадьми, следить за тем, чтобы они были здоровы, подкованы, и упряжь находилась в исправности.

По выслуге и уходу на льготу эти лошади передавались казакам в собственность. Снабжение жалованьем, продовольствием и фуражом было весьма скудным. И потому казаки добывали всё это своими силами из так называемой «барантовой» суммы, то есть, пользуясь трофеями во время походов.

Возвращение домой

Прошло несколько месяцев, наступила весна, и в крепости снова настали горячие денёчки. За зиму кое-где в крепости оплыли земляные валы, деревянный частокол по верху вала тоже надо было ремонтировать. Да и хаты, в которых жили казаки, сильно пострадали под большими сугробами. Казаки вместе с наёмными работниками на подводах возили землю к валам, укладывали в промоины высокие плетёные корзины и засыпали их привезённой землей. Лес для частокола возили из-за Кубани. Рубили сосны на черкесской территории и плотами сплавляли на правый берег. От берега к крепости тянули брёвна волоком. Помимо работ по благоустройству укрепления, приходилось ходить в дозоры.

Давным-давно в крепости был создан меновой двор, где проходил обмен товарами между закубанскими жителями и русскими купцами. Выгодно было менять со стороны горцев просо, мёд, воск, фрукты, кожи, шкуры диких животных, шерсть, дёготь, скот. С русской территории предлагали соль, верёвки, холсты, хлеб. Запрещено казакам было продавать или менять

для горцев оружие, порох, селитру, свинец. Напротив крепости через Кубань построили мост и карантинный пост. В самой крепости разместились склады русских купцов и лавки мелких торговцев. Всё это создавало дополнительное беспокойство казакам, охраняющим границу. Приходилось быть начеку в любое время суток. Мало ли кто проберётся на правый берег под видом мирного черкеса.

В конце мая пришло распоряжение из Екатеринодара отпустить на льготу казаков, прослуживших на Линии два года. Деревянковцы первыми были выписаны из команды.

Терентий, Пётр и Трофим с товарищами выехали на Деревянковку рано утром. Ехали верхом, в смене имея ещё по одной лошади. Почтовая дорога, по которой они выдвинулись в сторону родного куреня, была оживлённой. В оба конца двигались всадники, тарантасы, обозы с товарами. Через определённые участки дороги стояли пикеты или кордоны.

Пётр ехал домой с тревожной душой. Уже более месяца его одолевали кошмарные сны. Чудилось ему, что в сражении он вдруг остался без сил, и черкес отрубил ему руки и ноги. И не умер он, а лежит в степи без движения, и боль идёт не из отрубленных конечностей, а из сердца. Радоваться бы, что едут домой, но не было радости от скорой встречи с родными, с любимой женой, с детками дорогими.

Терентий видел, что с Петром что-то творится, пытался разговорить его, но друг молчал, насупившись, не мог или не хотел объяснить причину печали.

За два дня добрались до Каневского куреня, а там, за рекой, и Деревянковка. Через Челбас переправились по новой дамбе. Трофим уговаривал друзей заехать к нему домой, но Пётр с Терентием рысью поскакали к себе на хутора.

Пётр на минутку заскочил к Наталке и сразу понял: что-то случилось. Плача, она первым делом обняла брата и сказала:

– Мамы нэмае, залышыла вона нас!

Пётр вдруг осознал, что свет вокруг него потускнел, будто чёрные тучи застлали солнце. Ноги подкосились, и он сел на бревно у хаты.

Терентий обнял плачущую Наталку и, целуя мокрое лицо, пытался успокоить жену.

Из хаты, опираясь на палку, вышел Никита. Он плохо видел и слышал, но Наталка так громко плакала, что он всполошился. Узнал по голосу сына, подошёл и обнял, пряча глаза. Совсем старый отец стал, совсем ослабел, даже объятия были чуть слышны, не то что лет десять назад. Тогда отец мог обнять Терентия так, что даже вздохнуть нельзя было. Радость от встречи была омрачена известием о смерти Олеси и видом совсем немощного отца. Терентий зашёл в хату. Там в кроватке стоял его сын Гриша. Терентий с нежностью взял его на руки:

– Ну, вылытый козак! Мий сын, моя кровынушка!

Терентий только сейчас почувствовал, как он соскучился по дому, по мирной жизни, хлеборобскому труду. Слёзы навернулись на глаза, сердце сжалось, но не больно, а как будто кто его просто придержал, погладил. Он вышел с сыном на руках во двор. Наталка не знала, что делать – то ли с братом побыть, разделить его горе, то ли к мужу броситься, радоваться его приезду. Терентий понимал всё и отошёл к отцу на брёвна, сел рядом, одной рукой придерживал сына на коленях, другой чуть приобнял отца. И во всём этом чувствовалась такая радость, такая нежность, что со стороны невозможно было не улыбнуться.

Пётр поднялся, ещё раз обнял сестру, старого Никиту, нажал на нос Гришане, кивнул Терентию и сел в седло. Надо было ехать домой.

По пути увидел на кургане одинокий крест, спешился и подошёл к могиле. Опустился на колени, погладил земляной холмик и сказал:

– Мамо, мамо, нэ думав я, що нэ побачу Вас бильшэ. Як жэ тэпэр жыты? Нэ почую николы Вашого голосу и нэ видчую, як Вы гладытэ мэнэ по голови.

Пётр сидел у могилы, вспоминал всё, что помнил из своей жизни: как маленьким разбил коленку, а мама прикладывала подорожник и обматывала тряпицей, оторванной от подола; как упал с лошади на всём скаку, а мама прибежала, взяла его голову, нежно гладила и приговаривала, что всё будет хорошо, заживёт, забудется до свадьбы; как спрыгивал с дерева и ободрал всю кожу на животе, а мама мазала ссадины и целовала, роняя слёзы.

Так продолжалось бы долго, но со стороны хутора донёсся крик. Пётр оглянулся и увидел, что к нему бежит Арина. Уже несколько раз было такое – казалось, что Арина летит над степью; платок развевался за спиной, и казалось, что у неё выросли крылья.

Пётр встал с колен и бросился навстречу любимой. Сердце его колотилось, словно хотело выскочить наружу. С размаху обняв жену, Пётр слышал только её дыхание. Арина обмякла в его руках, будто потеряла сознание. Пётр взял её на руки и пошёл к дому. Лошади шли следом.

Не доходя до края балки, Арина очнулась в его руках и затрепетала, стала обнимать, целовать, да так, что у Петра перехватило дыхание, и он вместе с Ариной опустился на траву.

– Ни, отут нэ трэба, давай додому йты, удома батько з дытынкамы. Нэ хочу так швыдко... Мылый, коханый мий! У нас уси жыття упэрэди. Главнэ, що дочэкалася тоби. Жывый, коханый, бажаный…

Арина шептала, будто задыхалась, не могла остановиться. Пётр смотрел на жену. Лицо её было похоже на икону. Когда она шептала, слышен был запах грудного молока – так он всегда узнавал, что Арина ждёт его, желает ласки, близости. Но вот она очнулась и, смущаясь, сказала:

– Пидэмо додому, ты напэвно утомывся, нагодую тэбэ, дам видпочыты…

Обнявшись, они шли на хутор. С пригорка было видно, что во дворе возится Степан, и рядом дети в траве копошатся.

– Як я скучыв! Як тут красыво на хутори... Я вжэ нэ мрияв, що додому добэруся!

Пётр снова почувствовал, как сжалось сердце в груди. Перевёл дух и крикнул во весь голос:

– Я прыйшов додому!

Видно было, как во дворе вскинулся Степан, присмотрелся из-под ладони и кинулся навстречу. Следом побежали дети.

Пока Арина готовила на стол, Пётр ходил вместе с отцом по двору, смотрел, как изменилось хозяйство, что нового появилось после его отъезда. Порадовался, что Степан сделал большой склад для продуктов. Ещё на Линии он мечтал вместе с отцом чаще ездить на лиман и всерьёз заниматься рыболовством. Кроме котловушек, неплохо было бы построить большую лодку и приобрести вентеря. Он видел как на Лабе и на Кубани ставят в заводях вентеря, и сколько таким образом ловится рыбы.

Но вот Арина позвала своих мужчин за стол. Пётр поразился разнообразию блюд, на Линии казаки привыкли питаться скромно. Довольствия из войска практически не было, каждая крепость, каждый полк сами добывали себе пропитание.

Степан налил себе и сыну терновки, а Арине – вишнёвой наливки. Пить не стали, только чуть пригубили – на дворе день в разгаре, много работы ещё предстояло сделать. Пётр с наслаждением ел домашние разносолы. За два года подзабыл вкус окорока, колбасы, пирожков со сметаной, солёного арбуза, квашеной капусты. Дети забыли отца и дичились, старались не смотреть в его сторону.

После обеда Пётр открыл походный сундучок и стал раздавать подарки. Отцу вручил черкеску чёрного сукна с серебряными газырями, достал бешмет и лохматую белую папаху; по сложившейся традиции подарил ещё турецкую трубку и большой кисет заморского табака.

Якиму вручил кинжал в серебряных ножнах, обнял его и сказал:

– Сын мий, ты вжэ дорослый, дийсный козак. Тоби цэй кынджал дарую на все жыття. Нэхай вин тэбэ выручае у важку хвылыну, але николы нэ доставай його бэз потрэбы. Будь хоробрым и бэрэжы нашу нову Батькивщыну – Кубань.

Яким очень серьёзно посмотрел на отца, потянулся к нему, прижался к руке и сказал:

– Батько, я буду гарным козаком, можэш на мэнэ сподиватыся.

Пётр достал из сундука оловянных солдатиков, которых купил в крепости перед отъездом, и позвал к себе Мишу:

– Сынок, ты щэ малэнькый, даю тоби солдатыкив, учыся воюваты покы тут, у хати, прийдэ щэ твий час.

Миша поджал губы и обиженно, со слезами на глазах, прошептал:

– Ага, Якымке кынджал, а мэни игрушку для малэнькых. Я шаблю хочу и коня, я тэж козак.

Взрослые засмеялись. Вот Мишка, маленький, а уже с гонором. Пётр ласково взглянул на жену и, перевернув сундук, показал, что там ничего больше нет, кроме нескольких бумаг и разных вещиц для мундира. Арина, улыбаясь, сказала:

– Нэ трэба мэни подарункив, головный подарунок – цэ ты, жывый и нэпошкоджэный, прыйшов додому, – она подошла к мужу и прижалась к плечу.

– Ни, рано ты вид мэнэ видбываешся. Увэсь час думав про тэбэ, и нэ прыготуваты подарунок я нэ миг. Я хочу, щоб ты була сама ошатна, найкрасывиша! – ответил Пётр.

Он взял большой мешок, развязал ремешок и стал доставать наряды, один другого красивее. Длинное белое платье из шёлка, красное платье из бархата, красного атласа, вся в вышивках, жилетка, сафьяновые чувяки из цветной кожи, большая цветная шаль с кистями, кафтан с серебряными застёжками и по краям расшитый галунами, и красивая, мехом внутрь, шуба.

– Я, що, туркэня, чы що? Як цэ усэ вдягаты, якщо наши жинкы ходять скромнишэ. И куды цэ вдягаты? Чи у сарай худобу доглядаты? – спросила, улыбаясь, Арина.

Она была очень рада тем обновам, что привёз муж, уже в голове прикидывала, что надо подшить, что укоротить. Но это было ещё не всё. Пётр достал со дна мешка красивые бусы красного камня и серебряные серьги с висюльками. Немного задумавшись, он вытащил ещё одну шаль и красивую шубу из лисы и протянул Арине.

– Думав, мами дистанэться, алэ от нэ встиг нэи порадуваты. Носы ты, Орынушка.

Арина убежала в другую комнату, через несколько минут вернулась в новых одеждах. Все зачаровано смотрели на красавицу. Действительно, бриллиант нуждается в оправе – так и красота Арины ещё больше подтвердилась изысканными одеждами и украшениями. Будто принцесса с картинки в книге Пушкина, предстала она перед семьёй. Пётр затаил дыхание, настолько его захватило очарование любимой жены. Никогда в жизни он не видел красивее женщины. И вот эта красавица из красавиц – именно его жена.

Арина, видя восхищение мужа и свёкра, смутилась и убежала в другую комнату. Через несколько минут, переодевшись в повседневную одежду, она стала собираться на огород.

– Петро, видпочынь з дорогы, а нам трэба робыть. Дэнь не чэкае, тикае за сонцэм, щэ багато чого трэба встыгнуты.

– Так що ж я буду видпочываты, якщо рукы скучылы по домашний роботи. Пидэмо, коханна моя, показуй що робыты трэба.

Пётр приобнял на секунду Арину и вышел вслед за ней на двор. Взял тяпку возле сарая и пошёл на огород. Арина двигалась по узкой тропинке сквозь заросли терновника, слегка покачиваясь и отклоняясь от колючих ветвей. Пётр шёл сзади и не мог оторвать взгляда от точёной фигуры жены. У него кружилась голова, сердце переполнялось нежностью и желанием обнять и зацеловать её. Арина чувствовала состояние мужа, она сама истосковалась по любимому и всё время ждала, что он позовёт её в свои объятия.

Прошли терновый куст, за ним шёл некрутой спуск к ручью. И тут, под раскидистой айвой, Пётр не выдержал, догнал Арину, развернул лицом к себе и припал к её губам. Всё поплыло в глазах, ноги подломились, и только высокая трава качалась от ветра, скрывая таинство любви.

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО

ВЕЧЕРНИЦА

Рассказ

Жили мы на хуторе у Калагерной, в трёх километрах от станицы. Вставали рано, ни свет ни заря, и шли в поле – летний день год кормит. Работы же в хозяйстве всегда хватало. А в сумерках утомлённые дневными трудами парубки в начищенных смальцем хромовых сапогах шли в станицу на вечерницу.

Чаще всего молодёжь шумной толпой собиралась в хатах одиноких старушек. Шутки шутили, загадки загадывали, семечки лузгали, пели украинские песни:

– Ой, не свите, мисяченьку,
Не свити никому.
Тильки свити миленькому,
Як иде до дому…

Ну, а если на огонёк заходил какой-нибудь скрипач или гармонист, то танцевали до упаду, будто и не было длинного трудового дня.

Представляю себе картину… Лежит себе бабка на печи, выглядывает из-за занавески, смотрит, как девчата в червонных монисто и хлопцы в вышитых косоворотках танцуют, и сама дёргается в такт музыке.

Стёкла в маленьких подслеповатых окошках хатки дребезжат, керосиновая лампа под сволоком подпрыгивает, пыль от земляного пола столбом стоит. Гармонист сидит в углу да музыку наяривает, а девки то ногами в красных сапожках притоптывают, то кружатся так, чтобы кружева от спидниц видно было – у кого красивее. Ну, а парни – те навприсядку, навприсядку перед девчатами, один лучше другого, а хромовые сапоги так и скрипят, перекрывая звуки двухрядки.

Но вот все наплясались. Теперь можно и передохнуть, попить грушёвого кваску с терновыми ягодами, договориться о следующей встрече. Напоследок, перед тем как разойдись, кто-нибудь обязательно наговаривал всякие страсти. И из каких-таких бабушкиных сундуков их выкапывали? В другой раз и не поймёшь, где правда, а где вымысел. После таких рассказов, что хочешь померещиться может…

Был у нас работник Тимофей. Возвращался он как-то ночью из станицы домой, то бишь на хутор, после одной из таких вечерниц. В голове у Тимохи звучал гопак. Ветер это или музыка? Наяву это или ему снится? Звуки неотвязно преследовали Тимофея и тогда, когда он вышел за станицу. Ноги в хромовых сапогах сами стали выделывать кренделя. Настроение у парня было хорошее, и так, приплясывая, он двигался по степи до тех пор, пока… Пока с ужасом не почувствовал, что не может остановиться. Он хватал обеими руками себя за колени, чтобы удержать ноги, но они то выпрямлялись, то снова приседали против его воли. Так что, если б у него было соображение посчитать эти присядки, то, наверное, не одну сотню насчитал бы.

Мелькнула мысль: «Жалко сапоги, надо было снять». А кто-то невидимый всё играл и играл гопака над ухом, и онемевшие ноги послушно следовали в такт музыке. Тимофей попытался оглянуться, далеко ли его унесло от станицы, но увидел слева только тёмную стену деревьев в роще. Значит, недалеко. Что делать? Звать на помощь? Бесполезно. Вокруг глухая степь. Никто не услышит. Да и губы не хотели шевелиться, и голос не слушался. Вот и бугор над речкой, а там до хутора рукой подать.

Тело стало деревянным, пот катился с него градом, воздуха для дыхания не хватало. И Тимофей шёпотом взмолился: «Господи, помоги!» И – перекрестился. И тут же всё стихло. Только слышно, как бешено колотится его сердце, да где-то в станице гавкают собаки… Изнеможённый, страшно уставший, Тимоха рухнул без сил на землю…

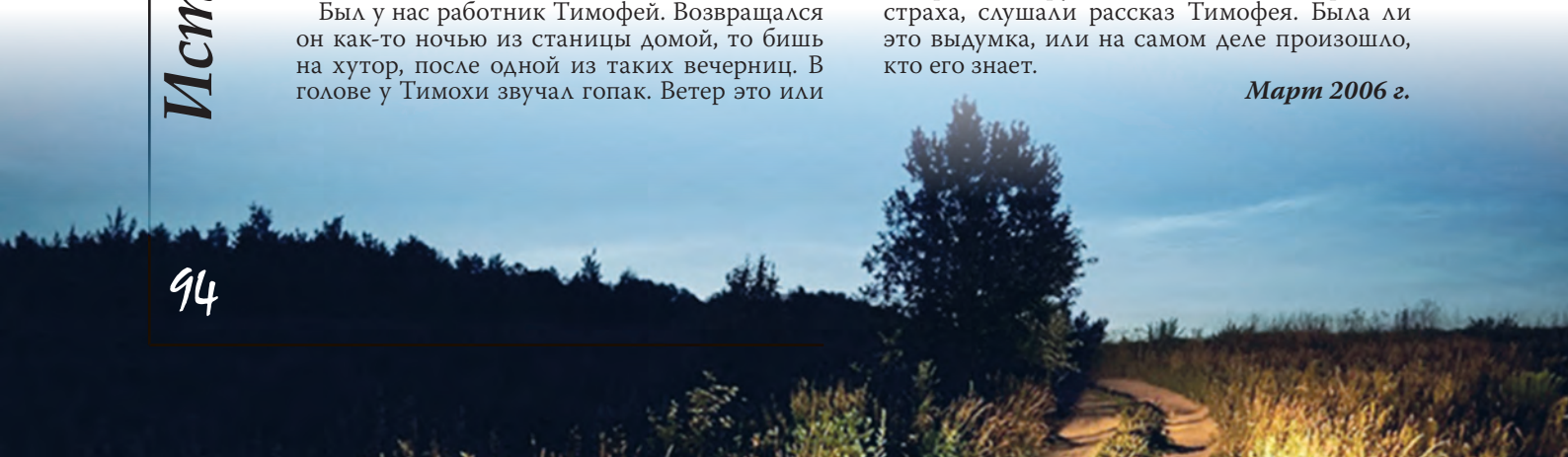
Чуть успокоившись, он увидел вдали камышовые крыши хутора, а внизу, под бугром, в реке – отражение полной луны.

– Тю, вон оно шо! Зараз же полнолуние, а на полную луну, чуяв я, нечистая сила шутки шуткует! И надо мной, видать, пидшутыла, – подумал Тимофей, глядя на луну…

А наутро Тимоха рассказывал хуторянам о своих злоключениях. Сбежались послушать и стар и мал. Была среди них и хозяйская дочь Даша Спожакина, которая много лет спустя поведала мне, своей внучке, эту удивительную историю, выходящую за рамки обычной.

И представляется мне, как на следующей вечернице парубки и дивчата, замерев от страха, слушали рассказ Тимофея. Была ли это выдумка, или на самом деле произошло, кто его знает.

Март 2006 г.



Станица Каневская, улица Уманская, 1932-й год. Фотограф А. Романько.

ДАРЬЮШКА

Рассказ

Раньше семьи создавались два раза в год: в дни осеннего и весеннего равноденствия. Говоря попросту, после уборки урожая или до начала полевых работ.

Моя бабушка, Дарья Васильевна Спожакина, вышла замуж за Сергея Ивановича Шкарбань в конце марта 1914 года, когда ей исполнился ровно 21 год. А ровно через 9 месяцев, 30 декабря, она родила сына Василия. Ещё ровно через год, 4 января 1916 года, родилась моя мама. Девочку назвали Ниной.

К моменту рождения детей вовсю полыхала никому не нужная Первая мировая война. Молодого отца, насильно оторвав от молодой жены, призвали в армию и отправили на фронт рядовым солдатом. А вскоре стало известно, что Сергей пропал без вести. Дарья осталась одна с двумя крошечными детьми. Она не верила в смерть мужа и ждала его.

Жила Дарья с детьми в летней хате на подворье родителей мужа на хуторе Мигуты. Однажды ночью раздался стук в единственное в хате окошко, и знакомый голос произнёс:

– Дарьюшка, открой.

Дарья вскочила с кровати и впотьмах стала искать юбку. Она никак не могла вспомнить, куда положила её с вечера. Только бормотала: «Я сейчас, я сейчас». А голос снова позвал: «Дарьюшка, открой». Дарья, уже в юбке, лихорадочно искала серники, чтобы зажечь керосиновую лампу, но дрожащие от волнения руки её не слушались. Огонь никак не разгорался, и тогда Дарья в сердцах выкрикнула: «Господи, да что же это такое!» И застыла на месте – голос больше не звал её.

В каком-то оцепенении она села на краешек лавки. Сколько времени она так сидела с безвольно опущенными руками, она не помнит. Потом тихо встала и подошла к окну. Долго вглядывалась в непроглядную тьму ночи и ждала, ждала, когда родной голос снова позовёт её. Она готова была открыть дверь в сенцах. Но страх сковал её тело и разум, и так просидела она до той поры, когда забрезжил рассвет.

На следующий день она рассказала о пережитом родителям Сергея. Вместе решили, что Сергей погиб, что тело его не захоронено по христианским обычаям, и поэтому его неприкаянная душа просит помощи у своих родных. Дарье наказали, что если снова она услышит голос мужа, дверь не открывать, во двор не выходить, читать молитвы.

На следующую ночь и ещё несколько ночей душа Сергея снова бродила под окнами хатки. Дарьюшка всё сделала так, как посоветовали свёкор и свекровь. И каждый раз, когда Дарья произносила имя Господне, голос переставал её звать. Ещё некоторое время спустя, съездили в станицу и в местной церкви произвели панихиду по убиенному рабу Божьему Сергею.

А Дарье с детьми купили хату в станице, на улице Уманской, недалеко от её родителей. Здесь она пережила революцию и гражданскую войну, была свидетельницей расстрела лучших казаков станицы под руководством Скрябина, впоследствии Молотова, отсюда бежала с детьми в голодный 1933-й на Украину.

Много пришлось пережить Дарье Васильевне. Но свой материнский долг она выполнила, в лихолетье сохранила детей, дала им образование, вырастила внуков и всеми почитаемая ушла из жизни туда, куда ещё в молодости звал её муж.

Николай ЛЕМИШ

СТРЕЛЫ ЭРОТА

Глава первая. Из глубин истории

В Древней Греции чтили богов. Они полагали, что все сферы их жизни и деятельности давно распределены между божествами. Особенно почитали Зевса – Громовержца. За ним шёл Гермес. Он покровительствовал всем путешествующим, опекал юношей и атлетов, а также всех торгующих.

Существует мнение, что греческие боги интернациональны, помогают всем страждущим на земле. А уж если наказывают, то их гнева не избежать. Греки очень культурны. Они были знатоками тонких сфер человеческой деятельности, но вперёд богов не высовывались. Совершенством из совершенств считалась богиня Афродита. Она поражала людей своей неслыханной красотой. Но, капризная и своенравная, она часто предавалась лености, переложив свои обязанности на сына Эрота.

Ввиду занятости богини, сын был обделён вниманием матери и рос своенравным и взбалмошным. Но, вместе с тем, был шаловлив, часто веселился и много шутил. Порой его шутки были жестоки и граничили с коварством. Он, совсем ещё мальчик, перемещался в пространстве, подобно дуновению ветерка: быстро и грациозно; неизменно с маленьким золотым луком в руках. За плечами всегда находился колчан со стрелами. В меткости он не уступал самому влиятельному богу – Аполлону.

Раненый стрелою Эрота становится влюблённым, от своей любви буквально сходит с ума: грезит любимой женщиной, стремится к предмету своей любви, не считаясь ни со временем, ни с расстоянием. Когда стрела попадала в цель, глаза дерзкого Эрота светились несказанной радостью, его курчавая головка с гордо поставленным носиком величаво приподнималась, он радовался и самозабвенно смеялся.

Ему было очень смешно, а раненым его стрелами порой было не до смеха, ибо следствием сердечной раны были страдание, муки любви и даже гибель. Но стрелку всё уже не интересно – впереди его ждут новые жертвы.

Нужно ещё раз отметить, что стрела Эрота может поразить как сердце пылкого юноши, так и сердце почтенного старца, лишая обоих покоя, а последнего – и рассудка. Даже всесильный Зевс, взирая на творимые бесчинствующим отроком безобразия, мог только гневаться, и не в силах был что-либо изменить.

А у величественной, изнеженной и безумно красивой Афродиты, потакавшей прихотям разнузданного сынка, не доводившего ни одного начатого дела до конца, есть ещё помощник, посланник на Земле, Гименей – вечно юный бог брака. Он менее эксцентричен и является фактически продолжателем дел, затеянных взбалмошным Эротом. Он-то и берёт под опеку всех раненых стрелами шалуна, – но лишь тех, кто стремится соединить свои сердца. Решать духовные метания влюблённых – не его это дело.

Он тоже вольнолюбив и непостоянен, живёт по настроению, крайне нетерпелив. Захочет – и подтолкнёт колеблющихся влюблённых к браку, а не то – пусть колотятся и страдают. Посему летит он на своих белоснежных крыльях впереди свадебных процессий, ярко-ярко освещая Мир пламенем своих брачных факелов. Замороченные родители молодых влюблённых приносят ему богатые дары: благоговейно падают ниц, умоляя благословить брак своих чад и послать им радость в жизни.

У Гименея, который посерьёзнее легкомысленного Эрота, в руках – своеобразные путы. Ими он связывает руки брачующихся. И зовут эти путы узами Гименея. Узы – это скорее символ. Разорвать их можно, только если дурь поселится в головах отбрачевавшихся.

Гименей не столь легкомысленен и посему на первых порах опекает молодожёнов – говорят, до рождения детей. С этого момента он считает свой долг выполненным. А зря, но богам греческим мы не указ. Дело в том, что оставшиеся без опеки богов молодые родители со страху перед действительностью бытия и рвут бездумно эти узы. Молодость – глупость. Те кто постарше – разумнее. Таковы притчи.

Глава вторая. Размышления и чувства

Савелий Макарович – крепкий мужчина того раннего пенсионного возраста, когда кажется, что самая интересная жизнь ещё впереди. Образно говоря, он тоже был подранен стрелою коварного баловника Эрота. Он влюбился в Кубань (так зовутся река и регион на юге России), а точнее – в Краснодарский край. Хоть Кубань и женского рода, но это всё же не женщина. Всех женщин казачьего края любил он пока заочно, создав в своём воображении некий обобщённый образ. Ввиду почтенного возраста он уже не мечтал о чернобровой младой казачке, но думал о женщине постарше, бо-

лее близкой к его возрасту (как он себя считал, мужчина средних лет).

Дело в том, что в кубанской станице жила его младшая сестра, выскочившая замуж за бравого старшину, оттрубившего войну с 1942-го года и служившего потом до 1947-го. Демобилизовавшись, тот увёз Наталью на Кубань, откуда был сам родом. Побывав несколько лет назад в гостях у сестры, пустившей корни на благодатной земле, он полюбил этот край чубатых казаков, напевных кубанских песен, статных дородных казачек. А ещё – бескрайние степи, речки, хаты и прямые, как стрела, тополя у дорог. И когда нашему герою делалось чрезвычайно тоскливо, то он читал сестрины письма, вдыхая горькие запахи степи и речных берегов. Тянуло его в южные края, поближе к теплу, солнцу, надёжному семейному очагу.

Сам он тоже из казаков – родился на Дону. Просто лихая судьбина занесла его в 1931 году в Сибирь. Руки были, грамота кое-какая – тоже. Сначала работал лесорубом. Потом бухгалтером в леспромхозе и главбухом. Сибирь – таёжный край, глухомань, куда цивилизация только засобиралась прийти. Кержаки – народ немногословный, живущий по своим законам, но добрым людям открытый. Савелий Макарович им был по душе – уважали. После того, как овдовел, одолело одиночество. А тут ещё проклятая таёжная глухомань: даже районный центр – в ста верстах; кино – раз в месяц. Немного спасает радиоприёмник на батарейках, но радости от него мало. Но самая главная беда – нет электричества. Местная электростанция – смех один. Ещё одна отрада – газеты, хоть и приходят с опозданием, а также книги.

А тут ещё такая оказия в прошлом году приключилась с одним из поселковых парней в армии. Когда ему, стриженому новобранцу, «деды» велели во время отбоя погасить свет, того от серости сермяжной попёрло подуть на электрическую лампочку, приняв её за керосиновую лампу. Три казармы ржали до полуночи. Но если учесть, что для достижения цели он притащил стол, на который взгромоздил ещё и табуретку, то было очень даже не смешно.

Сам Савелий Макарович в войну прошагал через всю Европу, повидал, как живёт тамошний люд: культурно, чисто, светло. В Германии в каждой семье – радиоприёмник, велосипед. Он и сам нынче может их купить штук пять, да толку-то что. А ещё, признаться стыдно, электричество он только у немцев и увидал. Ещё его поразило, что в Кёнигсберге топят газом. Это для него было настоящим чудом. Там же он узнал и о другом чуде – о телевизоре. Ему казалось, что он, вернувшись по демобилизации, попал в 19-й век, да в нём ещё сейчас так и живёт. Тут же вместо экрана можно увидеть разве что медвежью морду, заглянувшего на огонёк Топтыгина.

Короче, не только у него, но и у тутошнего народа есть деньги – да куда их тратить. На снегоходы – говорят, что появилась в магазине такая диковинная машина – очередь на десять лет вперёд. Можно «по льготе» приобрести «Москвич 401», да дорог нет. Впору от отчаяния горькую запить. И так захотелось настоящей женской ласки...

А тут, как на грех, засуетилась сестрица Наталья Макаровна: стала в письмах звать к себе на Кубань, нагоняя тоску рассказами о тамошней благополучной и сытой жизни. И от тоски этой он зачитывал до дыр сестрины письма.

Долго он взвешивал все «за» и «против». Но жена – на погосте, дети разъехались по городам, на пенсию пошёл «по льготе» (в те времена общий пенсионный ценз для мужчин был 65 лет. *Примечание автора*). Короче, было принято решение ехать на Кубань.

Глава третья. Новые впечатления

Сидя в вагоне скорого поезда, Савелий Макарович всматривался в пробегающие за окном сюжеты, поражаясь величию и необъятным просторам страны. Шёл 1963 год. Страна уже почти залечила раны, нанесённые войной. Видно, как везде бурлит жизнь: встречные поезда везут лес, железо, цемент, разные материалы и цистерны, цистерны...

Вот и Ростов-на-Дону. Савелий его не узнал. Он был поражён произошедшими изменениями, испытав шок, подобный тому, который испытал в своё время Робинзон Крузо, ступивший на родную землю после двух десятков лет заточения на необитаемом острове.

Потом никуда не спешащий почтово-пассажирский поезд доставил его в станицу Каневскую – на новую родину сестры Натальи.

Родственники приехали встречать его на новеньком колхозном ГАЗике, получившем почему-то позорную кличку «бобик». Ему показывали широкие улицы, новые частные дома, среди которых встречались уже и кирпичные. После рубленых изб, колодцев с «журавлями», бездорожья вызывали удивление водопроводные колонки на углах улиц, электрические фонари, асфальтированные дороги. Показали ему и двухэтажные дома для учителей и специалистов. Многое из увиденного поражало воображение почтенного бухгалтера подобно тому, как это происходило у аборигенов Вест-Индии, увидевших впервые парусник европейцев.

Добротный новый саманный дом сестры стоял на центральной улице, где недавно положили асфальт. Сестра не без удовольствия похвалилась, что перед асфальтированием газовики положили подземный газопровод. Уже недалёк тот день, когда разрешат проводить газ в частные дома. У них по плану газ будет в печке. А борщ они будут варить не на примусе, а на газовой плите. У Савелия Макаровича прямо челюсть отвисла от удивления, и он невольно прошептал:

– Почти как в Европе!

Глава четвёртая. Свежие впечатления

Дом у сестры был достаточно просторным, сын заканчивал школу, дочка жила отдельно,

поэтому Савелию Макаровичу сразу нашлась комната. Распаковав чемоданы, он стал обустраивать своё пристанище. Сестра посоветовала оглядеться, а потом, мол, посмотрим. При этом посмотрела на брата хитрым, с прищуром, взглядом и добавила:

– Может ещё и сосватаем тебе казачку...

Потекли дни. Савелий Макарович знакомился со станицей, с людьми. Проходя мимо дворов, удивлялся царившей вокруг чистоте, порядку. Были, конечно, отдельные случаи... А так – везде во дворах полно птицы, овец, свиней. Коров, правда, мало. Говорят, хрущёвские реформы крестьянских хозяйств тут постарались. Побывал он и у друзей сестры и её мужа, у родственников.

Оказалось, что каневчане открыты и гостеприимны. На столах, правда, нет сибирских пельменей – их тут стряпать не принято, зато кубанский борщ, галушки с курятиной, восхитительные свиные колбасы. И шинкарское ремесло тут процветает: в каждом доме варят отличный самогон, не уступающий по крепости известному ему спирту. Но народ не напивается до бесчувствия. Похоже, что некогда, работы у всех невпроворот. И как только успевают?!

Внимательно присмотрелся к женщинам. Все подряд статны, белолицы, чернобровы. В отличие от донских казачек, не употребляют бранных слов. А ещё – все подряд чистоплотны и аккуратны. И его сердце, давно раненое стрелою Эрота, подстёгивало воображение, рисуя картины одна краше другой.

А меж тем хитромудрая сестрица, видя его тяжкие душевные терзания, потихоньку плела свои сети. Она возглавляла в колхозе кассу взаимопомощи и была заместителем председателя профкома, а посему – денно и нощно на виду, среди людей. Бойкая на язык, она уже свободно разговаривала на местном наречии – «балакала», мало отличаясь от коренных казачек. Муж её работал в колхозе и возил главного агронома. Наталья в мыслях давно уже засватала брату 53-летнюю вдову, трудившуюся звеньевой в полеводческой бригаде.

Звали её Анной Лукиничной. Была она не то что красавицей, но женщиной довольно симпатичной и того возраста, когда можно дать не только 50, но и 45. Все звали её Галей, Галиной (для кубанской станицы подобная трансформация имён – дело обычное. Странно, однако, когда уже поседевшего мужчину много лет знал как Игоря, а по паспорту оказался Григорий).

В Галине ярко просматривались черты неброской красоты женщин-украинок. Как потом и оказалось, их семья приехала на Кубань ещё в Гражданскую войну, убегая от оккупировавших «нэньку Украину» сначала немцев, а потом от озверелых Петлюровцев. Язык Кубани и обычаи оказались настолько близкими, что даже Галин отец считал уже себя коренным казаком.

Глава пятая . Раненое сердце

Первые негласные смотрины Наталья Макаровна «организовала» в колхозном правлении, где Галя, она же Анна Лукинична, сдавала в агроотдел отчёты. Савелий Макарович тоже оказался там по какой-то надобности.

Статная, крепкотелая, загорелая и общительная, она не напоминала сломленную бытом вдову. В первые же минуты она вызвала у Савелия некую оторопь, да такую, когда кроме слов «Вот это да!», других-то в голову и не приходит. Видя его восторг вместе со смущением, Наталья быстро прибрала инициативу к своим рукам. Не ведая того, она стала пособницей коварного Эрота, представив сразу звеньевой своего обалдевшего братца. Стрела Эрота ещё не вошла в сердце зрелой женщины, зато кандидат в жертвы своенравного мифического божества некое покалывание в сердечной зоне ощутил.

Прежде чем Наталья Макаровна завела разговор, объекты внимания Эрота обменялись мимолётными взглядами. Разговор вёлся на местном диалекте, к которому Савелий только привыкал. Женщины шутили, смеялись, как бы вовлекая его в разговор. В очередной раз он убедился в великой силе кубанской «мовы», где шутки, прибаутки – вместе с яркой жестикуляцией, которая дополняла сказанное до такой степени, что и перевод не нужен. Посмеявшись, разошлись. Наталья, в чьи расставленные сети уже попала Галя, продолжала вести свою игру. Хлопнув по плечу слегка оробевшего брата, она произнесла:

– Ны журысь, братыку, сборкаем голубку.

И по-русски добавила:

– Никак Анна Лукинична тебе приглянулась? Но не торопись. Полагаю, что ты уже забыл, как ухаживать за женщинами.

Савелию Макаровичу и впрямь понравилась знакомая сестры. Рана, нанесённая его сердцу бесшабашным Эротом, меж тем уже не давала покоя. Но приходилось ждать от сестры знака. А та, сама того не ведая, выполняла задание доброго божества Гименея, загоняя молодую рыбку в сети.

Следующая встреча, тоже вроде как бы случайная, произошла «на нейтральной полосе» – у знакомой Натальи, куда Савелий Макарович был приглашён в качестве эксперта по строительному лесу. Семья собралась строить новый дом. «Случайно» там оказалась и Галя. Тут и завязался узелок их будущих отношений. Уже немолодые люди, похоже, приглянулись друг другу. Савелий Макарович всё больше и больше тянулся к Галине. Вскоре Наталья Макаровна, глядя с хитрецой на брата, вопросила:

– Ну что, скоро засватаем молодицу?

Слегка смутившись, Савелий только повёл плечами. Было ясно, что между женщинами уже давно нет секретов. А Савелий давно уже встречал Анну Лукиничну с работы, помогая нести сумки до самой хаты. Но к себе она ни разу не пригласила.

Савелий Макарович, несмотря на выпущенную в его сердце из лука уже известным баловником стрелу, мужественно претерпевал странно складывающуюся ситуацию. Но вскоре всё немного прояснилось. Анна Лукинична призналась, что всё дело в родителях:

отец и мать достаточно пожилые, но во всём командует отец, а он придерживается крепких «домостроевских» взглядов. Поэтому для всех их отношения, как говорил лучший друг литературного героя деда Щукаря сапожник Локотеев, покрыты «тайным мраком». Она просто боится рассказать о женихе суровому отцу.

Тут вы, уважаемые читатели, вправе страстно воскликнуть в порыве возмущения:

– Ну и дела! Да они что, дети? Они люди более чем зрелого возраста и поэтому вправе определять свою судьбу.

Но вы забыли, что это было более полувека назад, когда жизнь и нравы были другими.

В то же время Наталья Макаровна, будучи в курсе взаимоотношений немолодых влюблённых, не предпринимала решительных действий. Но любовный яд стрел Эрота делал своё дело. Немолодые люди всё больше тянулись друг к другу. Это тот случай, когда можно, переиначив слова врачевателя средневековья Парацельса, сказать, что всякий яд – есть лекарство. Всё дело в дозе. Но, по-видимому, доля любовного яда в организме Савелия Макаровича явно зашкаливала.

И – о чудо! – в один из вечеров Галя робко пригласила своего обожателя на ночь. При этом методы конспирации, которые надлежало соблюсти, оказались сродни приёмам Джеймса Бонда. Влюблённому джигиту без поправки на возраст пришлось поздним вечером подойти к Галиной хате с тыла «пустыми планами». Глуповатый Каштан был заблаговременно закрыт в сарае. Всё получилось как нельзя лучше. Никто ничего не заметил. Счастливые ночи продолжались ещё какое-то время.

На сей раз Савелий Макарович, как обычно, прошёл мимо прикормленного Каштана, мечта которого о здоровой собачьей пище исполнялась в виде очередной косточки. Нарушитель уже по-молодецки нырнул в открытое окно, попав в объятия Анны Лукиничны. Всё дальнейшее скрыл хорошо известный сапожнику Локотееву «тайный мрак».

В эту ночь ликование блудливого Эрота достигло апогея. Пора было улетать в родные пенаты, на «небеса обетованные», передав своё дело сыну Афродиты. Тот, с нетерпением нарезав несколько кругов вокруг вдовьей хаты, не без основания полагал, что ещё пару дней, и можно смело сопровождать свадебное действо. Но самонадеянный Гименей, похоже, ошибся. Порученное дело оказалось не из лёгких. То, что потом произошло, введёт последнего в шок. Покровитель влюблённых будет безмерно раздосадован.

Встречам влюблённых помешал Лука Фомич, отец Гали. До этого энергичная и деловая Анна Лукинична, умелый полевод, энергичная звеньевая, в его присутствии бледнела, немела, теряла свой статус. «Батько не разрешит. Не знаю, как быть. Боюсь», – эти короткие фразы отражают обострённость ситуации. Но любовь к мужчине, пусть и немолодому, в какой-то момент оказалась сильнее страха. Следствие – несколько счастливых ночей. Однако «молодые», при всей конспирации подпольщиков, потеряли, похоже, бдительность. Просто Галя забыла, что отец, живший буквально рядом, обладал непредсказуемостью.

Утром после этой ночи Луке Фомичу взбрело в голову нанести визит дочери. И, обходя на рассвете окрестности по своей хозяйственной надобности, он, «ничтоже не сумняшеся», постучал в окно спальни. Не известно, как Савелий Макарович, но предмет его любви, Галя, испытала ужас, подобный ужасу жителей Помпеи, разбуженных извержением вулкана Везувия. Задавленный крик: «Батько! Тикай!» был венцом трагедии. Толчок в спину вывел Савелия Макаровича из лёгкого ступора.

Что делать – пришлось эвакуироваться через окно от нагретой постели, прихватив на ходу предметы одежды. Всё, как в известном анекдоте: «А теперь, душа моя, уходи. И огородами, огородами...» Незадачливому жениху было не до шуток или философских воображений. Перед глазами стоял образ огромного роста и ужасающей внешности мужика, чьё лицо до глаз было покрыто обильной порослью. На ум приходили выдержки из кавказского эпоса о древних нардах.

Глава шестая. Кульминация

После перенесённого стресса у нашего героя больше не возникало никакого желания продолжать отношения на уровне средневековых традиций. Прошла одна неделя, другая, наступила третья. Наконец-то объявилась Галя, передав своё желание встретиться. Поруганный жених, однако, на встречу не спешил.

Но «молодые», похоже, приглянулись богу любви и брака, а, как известно, все великие деятели не привыкли отступать от намеченного. После ещё нескольких дней разлуки события стали входить в своё русло, как поезд в тоннель. Соседский мальчишка вручил Савелию Макаровичу запечатанный конверт, в котором находилась записка с мольбой о встрече. На сей раз наш герой решился.

Невеста выглядела усталой, потухшей, но монолог при сём был вразумительным. Мол, всё произошло чрезвычайно глупо, и они уже не молоды, поэтому она просит за всё случившееся прощения:

– Хватит уже разыгрывать «кумедию». Надо сходиться и жить. Отец уже в курсе дела, да и разговор с ним был нешуточным. Единственно, в чём «батько» непреклонен, так это в требовании соблюсти процедуру сватовства («Шоб засваталы по-християньськи»). И если я дорога тебе, то нужно пережить обряд сватовства, да и предстать, вконец, пред грозными очами патриарха.

По мнению самого Савелия Макаровича, тот набит до отказа догмами домостроевского устава, как мешок комбикормом у колхозника, которому свалилась «халява». Да, похоже, делать нечего. Пора уже ставить точку в отношениях, донельзя затянувшихся и становящихся унизительно смешными.

Глава седьмая. Сватовство

Вечером следующего дня сестра за ужином затронула пикантную тему. С первых её слов Савелий понял, что сестра в курсе всех его сердечных дел. Похоже, бог брачующихся уже успел сделать облёт на своих белоснежных крыльях и их подворья. Сестра сразу же ухватила быка за рога:

– Слушай, братик, сегодня шо у нас – вторник? Так вот, в воскресенье пойдём сватать Галю. Хватит тебе уже сигать из окон. Глупо в конце-концов.

Изумлённый Савелий Макарович только и успел произнести:

– А отец?

На что получил ответ на кубанской «мове»:

– Ны такый чорт страшный, як його малюють!

В последующие дни шло приготовление к старинному ритуалу. «Молодые» теперь встречались каждый день. Анна Лукинична сказала, что у отца уже побывали Наталья Макаровна со свахой, роль которой будет исполнять председатель профкома Варвара Гавриловна. Сам Лука Фомич, несмотря на свою строптивость, уважал обеих. После их визита Галя была приглашена в «родительскую залу», где и была оглашена «батькина воля»:

– Хай уже прысылають сватив!

Официоз, похоже, и впрямь состоялся. В воскресенье депутация из трёх женщин и двух мужчин (один из них – влюблённый жених) подрулила на колхозном «газике» ко двору хозяйственного Луки Фомича. Подворье выглядело солидно. На три окна хата, крытая камышом «под корешок»; солидный сарай, коровник, свинарник; просторный, высыпанный черепашкой двор. В загородке гоготали крупные гуси местной породы. Рядом прохаживались, распустив хвосты и носы, индюки. Дружным клёкотом они поприветствовали прибывших.

Делегация и впрямь выглядела сообразно торжественности момента. Впереди важно вышагивал с огромной хлебиной рослый и видный староста – зять Савелия Макаровича. Следом, с четвертью водки, – сваха. Процессию замыкал кроткий жених. Сватов встретили отец и мать Галины и повели в хату. Здесь гостей ожидал богато накрытый стол, готовый переломиться от обилия кубанских яств. Смущённый жених узрел огромную «сулею» с прозрачной, как стекло, жидкостью – явно не родниковой водою... Не любившего выпить Савелия Макаровича слегка передёрнуло. Одолевали тяжкие предчувствия.

Набравшись смелости и подняв «очи с долу», он со страхом оглядел будущего тестя, определив в нём некое сходство с одним из колоритных персонажей ватаги Стеньки Разина. Огромная седая борода, усы, волосы по-малороссийски стрижены «под горшок». Но больше всего в глаза бросился явно когда-то перебитый и расплющенный нос. На ум пришло ещё одно сходство с персонажем несколько позднего жанра – с Хрипушей из повстанческого отряда Емельяна Пугачёва. Оба сходства явно не украшали персонаж.

Говорил Лука Фомич неторопливо, очевидно, по причине своего увечья, «с французским прононсом», а если короче, то гундосил. Из-за этого его речь была несколько комичной.

После обмена традиционными, присущими обряду сватовства фразами, произнесёнными на местном диалекте, шутками, прибаутками и иносказаниями, гости были приглашены ко столу. Как хозяин Лука Фомич водрузился во главе стола – естественно, поближе к уже известной сулие. Встав во весь свой недюжинный рост, он огромной, как лопата, дланью, как пушинку, поднял пятилитровую бутыль и начал разливать самогон по стаканам. Женщинам он налил вина. Обречённо глянув на наполненный до краёв гранённый стакан, Савелий Макарович, похоже, выдал себя. Это не прошло незамеченным мимо хозяина, и он произнёс:

– За щастя нужно выпыть увэсь. У нас, ще колы жив я на Полтавщини, казалы, шо хто ны пье, то або хворый, або падлюка.

Переключив разговор на другую тему, спросил:

– А ты, сынок, шо, воював?

На что Савелий ответил:

– Все четыре года.

– Тоди тоби бояцця ничого.

Зазвенели стаканы. Во второй раз уже Фомич милостливо налил себе и мужчинам по полстакана. Третий заход – по той же норме.

Анна Лукинична, раскрасневшаяся от вина, бросала на жениха пылкие взгляды. У того стало проходить напряжение, и ситуация уже не казалась ему пиковой.

Когда подошли старший сын с женою, разговор возобновился с новой силой. Иван Лукич был худощав и росту среднего. В ответ на действие отца – налить полный штрафной стакан – особого энтузиазма не проявил. Жена Луки Фомича была росту небольшого, «сухонькая», но удивительно общительная старушка. Она вскоре собрала вокруг себя всю женскую часть общества и повела в соседнюю комнату разглядывать пуховые платки и вязаные скатерти. Авдотья Платоновна была, ко всему, великой мастерицей. Вскоре мужчины вышли на улицу покурить. Савелий остался с Лукой Фомичом наедине. И тут он увидел, насколько у старика живые и молодые глаза. Да, похоже, здоровьем он не обижен. Между прочим Фомич спросил у будущего зятя:

– А ты чого ны курыш?

– Да я потом.

– Ну, пиды з нымы покуры.

Почувствовав приближение серьёзного разговора, Савелий Макарович только махнул рукой. Старика это, по видимому, удовлетворило. Следующим вопрос был на ту же тему:

– Ныбось, лавошни цигарэты курыш, або папыросы?

Получив утвердительный ответ, лаконично произнёс:

– Ны одобряю. Я молодым ще курыв, а потом бросыв – подывывсь, шо цэ роботи мишае. А ще цэ организьму дужэ врэдно. Я дывлюсь,

скилькы грошив мужыкы прокурюють, лучше б канхвэт дитям купылы.

Посмотрев на смущённого Савелия Макаровича, всё же произнёс:

– Ну, нэвжэ тоби така нудьга, то куры. Тилькы у лавци попыросы дуже дороги. У мэнэ на горищи багато высыть самосаду: цила вьязка, крипкый... Папаня мои покойни курылы. Було, курять, та, бидни, кашляють; кашляють, та курять. Хотив з нымы побалакать, шоб воны ны курылы, бо кашлялы воны дуже, прямо с кровью, та ны вспив. Воны, мабуть, от цього и вмэрлы. А ты, як хочиш, то куры. Ты ж ще молодый, и лёгки у тэбэ крипши.

После паузы, приличествующей грустным воспоминаниям, он спросил:

– Савка, и пэнзия е?

– Да, у меня предельная северная – 150 рублей.

На что Фомич лаконично ответил:

– Сурьёзни гроши. А в мэнэ шо, колхозна – 12 рублив, ны розгонысся. З такымы, як у тэбэ, грошмы, лэгко добро дбать. Тико ничого йих росхвыськувать (разбазаривать), а складать нада копийичка до копийичкы. Як гроши е, так ты и чоловик.

– А зачем?

Ответ Савелия его озадачил.

– Соберём немного денег. Мебель у Гали самодельная – сменить бы надо, да и телевизор купить хочется.

– Шо, телевизир?

– Да, а они у вас ешё не продаются?

– Та ни, кажуть, шо аж у Ростови. Ны одобряю. Баловство цэ. У прошлому годи був я у Катиринодари у плыминныци, так бачив той апарат. Тьфу, однэ роспутство! Дивчата танцюють распатлани, спидныци пиддыркани (короткие), а ще у йих таки кохты, шо и груди выдно. Вам, людям симэйным, ничого на цю гыдоту дывыцця. Кажу ж тоби, складай гроши у надёжну коробочку. У мэнэ така зализна шкатулочка е. Я у йий дыржу сурьёзни гроши: дысяткы, читвыртни. Вважаю я дуже гроши з зображеннымы на йих вождямы. Руп – цэ купюра ны сурьёзна, зовсим вин милкый. Нашо тоби той тиливизир? Як шо нудьга, прыходь до мэнэ – будым гроши пырыдывляцця. Вже ж ты у мэнэ зять – я тоби довиряю; а ще ты булгахтир, всэ-такы пры грошах був.

Воно и врэмня пройдэ, и в дило – дуже пользительно вождив ругать. У мэнэ гроши и царьськи е. Красыви... Е й довоенни. Ты ны бачив царя и ны знайишь, так хоч надывысся. Е трохы и кэрэнок – ще й ны розризани, отаки, як оцэй стил. Цилый мильон. Я йих дыржу из антиресу. А ще я прыхватыв з Украины гроши гетьмана Скоропадьского. Чудни, скажу тоби, гроши. А ще е и гырманьськи окупационни маркы. Я йих раньше ховав – за йих моглы арыстувать. А тэпэр Мыкыта Сирьгеёвыч Хрущов дав нам слободу. Вжэ ны страшно. А ще совит тоби, сынок: николы ны довиряй гроши збиркаси. Никого ны слухай, а слухай, шо я тоби кажу, бо там ныма сурьёзных людэй. Я, старый дурак, наслухався радива. А там казалы, шо гроши нада храныть у сбиркаси. Ага. Було у мэнэ трошкы. Ну, думаю, понысу. А там такый красывый плакат высыть, и чоловик на йому красывый нарысованый, и прыглаша, мов, «кладите деньги». Зайшов з грошамы, а купюры у мэнэ вси новэньки, так и выльскуюцця, свижэньки, як огурчикы. А шо там я побачив?! Сыдыть молода свиристьолка: волосця на нэй, як на бэшиний собаци, тырчить, розмалёвана уся, губы мазылом наквацьовани. А як гроши щита, так плюе на пальци. Мини ще шо кажицця – вона плюнула на патрэт вождя. А цэ кощунство. Начальство – так тэ ходэ и ничого ны бачe. А слидувало б.

Раньше власть була строга, по головци б ны погладыла – слидылы за порядком. Он, мои попаня, у трыдцять дывьятому роци поризалы стару газету и одныслы у брыгадный нужнык – хай люды культурно пользуюцця. А там на газэти оказався нарком товарыщ Молотов, так йих и заарыстувалы. Та спасиба врачам, доказалы, шо вин плохо баче и ны розглядив патрэт наркома. Даже прохвэсор по цьому дилу из Краснодару прыйижжав. Ну, мы болныцю, писля того, як попаню выпустылы, отблагадарылы: одвызлы йим кабанчика пудив на дэсять – хай гудують больных.

Зараз власть стала – всэ дозволя. Народ нада дыржать у строгости.

А я, мабуть, чирыз пивгоду пишов у збиркасу – нужни гроши сталы. Боже, и сном и духом ны знав, шо будэ мини там такэ агромаднэ спытання. Оця ж шалыхвистка губата отщитуе мини гроши. А воны – мняти, замусолыни, пошты рвани – ныякого выду. Одним словом, шо ныгожи. Я як глянув, аж сэрцэ зайшлось. Само-собою возмутывсь. А вона, пыгыда, и кажэ, та так протывно: «А што вам, дедушка, не всё равно, какие деньги тратить? Не переживайте, они настоящие». Я з горя плюнув и пишов. Год потом миняв йих на нови гроши.

Так ото сынок, дыржы гроши дома. Бачив, чай продають у здоровых зализных банках – ны пожалий, купы. Дуже прыемна вона пид гроши. Я однэ врэмня збиригав у дэрэвьяний коробци – а проклята мыша прогрызла дирочку и до грошив добралась: вуголкы понадйидала. Та спасиба гозбанкови – воны мини вси йих обминялы на новэньки. Я йим за цэ гостынцив купыв. Ох, я вжэ й проклынав цю прокляту мышу; тэпэр нахталину нэ жалию и тоби совитую – ныяки чорты у грошах ны завыдуцця, и мыши потикають.

Оцэ, дывлюсь, ныма у государстви порядку. Мы, було, у колхозний брыгади и жылы, робылы до пивночи. А тэпэр шо? Дочка, ще ны смэркло, – вжэ дома. А мы за «палочкы» (трудодни) робылы, грошив ны бачилы. А йим тэпэр, що ны мисяць – платять. Чого ж ны робыть? Так можно жить. От и будуть гроши у вас. Так вы ж йим ладу ны дастэ! Воно було б надижнише, абы касса була у мэнэ. У мэнэ и копийка николы ны пропадэ.

Разговор был прерван приходом мужчин, очевидно, накурившихся «под завязку». Вернулись и женщины, и всё пошло обычным порядком. Пили неоднократно за здоровье новобрачных, за удачу, за мирную, без войны, жизнь.

Ближе к полуночи гости стали разъезжаться. Настало время уходить Савелию и Гале. Уже на крыльце Савелий Макарович получил от тестя новое напутствие:

– Мое благословення вы получилы, тэпэр нада, шоб власть вас обручила по закону – як положено. На тому тыждни (недели) роспышиться у «закси». Хотив, шоб вы ще й повинчалысь, та Ганна – член правления колхозу, пэрэдова звиньова. Ны хочу, шоб йийи за цэ лаялы. Йий завтра у стэп, а ты – будыш по хазяйству. Там у Ганны багато мужськои роботы. Дило, ны спорю, вашэ молодэ, тилькы за роботу ны забувайтэ. Вутричком я до вас прыйду. Там ще подывымось, шо робыть.

С тем и расстались. Савелий Макарович взял Галину под руку. А она, раскрасневшаяся не то от вина, не то от волнения, припала к его плечу. Все тревоги были уже позади.

Глава восьмая. «Спытание»

Ночь пролетела, как один миг. Утром их разбудил стук в дверь. На крыльце стоял неугомонный Лука Фомич. Анна Лукинична быстро оделась, привела себя в порядок и занялась завтраком. Мужчины вышли во двор. Светало. Уходили последние отблески ночных теней. Утренний холодок задувал за ворот, отгонял последние остатки сна. Паузу нарушил Лука Фомич:

– Ну шо, сынок, празник кончився, пора за роботу. Ось тоби спытание – хочу подывыцця, якый ты в роботи. Ходь со мною.

Они подошли к огромной куче хвороста. Среди веток проглядывали целые стволы деревьев. Прокашлявшись, Фомич промолвил:

– Ось бачиш, скилькы тут топкы? Пэрви мои попаня ще до войны прывызлы хлабустыння, а годи – и я, колы кругом садкы вырубалы пры Сталину, шоб налогы на дэрэвья ны платыть. Оцэ його так и собралося багато. Так шо точи сокыру и писля завтрику з Богом за роботу. Тоби сроку на цю роботу – два дни. Довго ны куры и в обид довго ны россыжуйся. Я буду прыходыть и провирять.

Наскоро позавтракав, Савелий Макарович приступил к порубке. Вначале показавшаяся простой, работа была трудновыполнимой. Даже его опыт лесоруба сюда не подходил. Ветки, засохшие за десятки лет до окаменелости, трудно рубались, не брала их и ножовка. А стволы ореха, шелковицы, алычи распиливались с великой мукой. Действительно испытание, да ещё и какое! Кучка нарубленных и напиленных дров росла медленно. Уже ныла спина и болели мозоли, натёртые на ладонях. Несмотря на обеденное время, есть не хотелось. Наскоро передохнув, продолжил работу.

К концу дня он уже ненавидел свой труд. Когда с работы приехала Анна Лукинична, трудолюбивый супруг был в состоянии прострации. Обречённо глянув на слабо уменьшающуюся кучу, Савелий Макарович поплёлся в хату. Только сели ужинать – припёрся Фомич. Пришлось опять идти на место сражения. Оглядев поле боя, тесть изрёк:

– Бачу, мало роботы зробыв. Мабуть, ты багато курыв та отдыхав. Ну ничого, завтра нужно, шоб закончив, бо там ще на очирыди свынарнык – свыни вэсь пол зирвалы. Хоч йийи, роботу, ны пырыробыш, а стрымыцця нужно.

Следующий день обидно был похож на предыдущий. Пришлось преодолевать стойкие боли в пояснице и руках. Гора веток к концу дня уменьшилась, но не настолько, чтобы впечатлить критичного Луку Фомича. Отказавшись даже от ужина, Савелий Макарович мученически предавался труду. Возмущение неуспехами переполняло его истерзанную душу. Из зародившихся сумерек, как чёрт из табакерки, вынырнул вездесущий Лука Фомич. Как удары довбыша по литаврам, посыпались слова:

– Лыдачуватый (ленивый) ты у роботи, ще й завтра роботу ны кончиш. Тут роботы на два дни, отдыхаючи.

Атмосфера накалялась. Ничего не ведающего божества Гименея ждал неприятный сюрприз. Ярость переполняла душу Савелия Макаровича. С остервенением вогнав до половины топор в ореховый чурбан, он рванул в хату. Покидав кое-какие вещи в неразобранный чемодан, он выскочил во двор. Вослед ему раздался отчаянный крик Анны Лукиничны:

– Савва, что случилось?!

Ответа не последовало. Ничего не изменил и окрик Луки Фомича. Савелий с остервенением выбил запор калитки. Как назло, раскрылся чемодан. Кое-как стал запихивать рубашки. В это время рукав рубашки зацепился за крючок на калитке. Рванув изо всех сил чемодан, он оставил обрывки рукава на калитке, как белый флаг капитуляции. Сам Савелий Макарович понёсся вдоль улицы с бешенной скоростью в неизвестность. Прилетевшему на место разборки богу любви и брака пришлось разве что возмущённо похлопать своими белоснежными крыльями. Явившийся на выручку безответственный Эрот только меланхолично пересчитывал стрелы в колчане...

Глава девятая. Постскриптум

Через месяц Анна Лукинична сама нашла сбежавшего жениха. О чём говорили влюблённые, никому не известно. Как они помирились, можно сказать только словами русской народной песни: «Знает только ночь глубокая, как поладили они».

Да только утром следующего дня Лука Фомич «не осчастливил» новобрачных своим монаршим посещением. И дальше не беспокоил, а явившись по делу, не читал больше нотации. Как удалось Анне Лукиничне так обуздать отца, не известно.

После того как Савелий Макарович устроился на работу бухгалтером в потребкооперацию, Фомич по старинке «доглядал» за хозяйством. Когда Анна Лукинична вышла на пенсию, работать прекратил и Савелий Макарович. Супруги всецело занялись домашним хозяйством и прожили вместе долго и счастливо.

Зоя СИЗОВА

ПИСЬМО МАМЕ

Пусть земля мне смеётся цветами,
И наступит пусть новый рассвет.
Я письмо напишу своей маме,
Хоть её нет уже много лет.

Напишу ей о том, сколько внуков
У неё, а теперь – у меня.
Напишу, что нет горше разлуки,
Что закаты милее мне дня.

Помнишь, мама, я очень любила –
Не сошлись наши тропки-пути.
Мужа нет–- я его схоронила,
Через это пришлось мне пройти.

Слава Богу, что дети здоровы;
Внуки, словно грибочки, растут.
Песни петь научилась я снова,
Снова в доме тепло и уют.

Пусть живём небогато, но дружно;
И у каждого есть колея.
Я готова помочь, если нужно:
И судьба в них, и доля моя.

Дети – в радость, а внуки – в награду
За любовь и терпенье даны.
Вновь люблю, снова жизни я рада,
И не чувствую в этом вины.

Пусть земля мне смеётся цветами,
В радость новый закат и рассвет.
Ведь за нас где-то молится мама,
И молитвами путь наш согрет.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Пляж по-сентябрьски был пуст,
Хоть день ещё, как летом, знойный.
В саду горит калины куст.
И щиплет сердце беспокойно.

И вишня летний свой наряд
Швыряет медной позолотой;
С деревьев персики глядят,
Как снегири ручной работы.

Сентябрь двери отворил.
Вновь сердце шепчет: «В путь-дорогу!»
И винограда янтари
Мне салютуют над порогом.

МАМИН ХЛЕБ

Пахнет хлебом душистым,
Пирожками, как встарь.
За окошком – пушистым
Снегом кружит февраль.

Вновь мне кажется, будто
Снова девочка я;
Вкусным запахом будит
Золотая заря.

И меня приласкает
Добрый бабушкин взгляд;
Мама – вновь молодая,
Как лет сорок назад:

Разрумянились щёки,
Заискрились глаза –
Вот обрадуют дочек
Пироги-чудеса.

На одном – голубочки,
Будто вишни клюют;
А на этом – цветочки,
Как живые, встают.

Время льётся, как речка,
Повторяясь, как встарь:
Свежебелена печка
И подмазан «дымарь»,

Пахнет детством и хлебом,
Что сама испекла
По старинным рецептам
Матерей ремесла.

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Падают медленно листья на землю –
Звукам осеннего вальса я внемлю.

Кружатся звёзды, и пляшет луна.
Воздух прозрачен, хоть выпей до дна.

Вдруг фонари разбежались в сторонку,
Рыжеволосую встретив девчонку.

Кружат берёзы, прощаясь с листвой,
Чтоб обрести долгожданный покой.

Клёны швыряют мне листья надменно –
Знают, красивы они, непременно.

Только осинка дрожит без ума –
Скромница чует, что скоро зима.

Жёлтые, рыжие листья – на счастье.
Раз, два, три, раз, два, три – кружимся в вальсе.

Чтобы тепло ваше помнить, готова
Я до утра танцевать с вами снова.

Андрей ЛЯХ

ДИДОВЫ ПОБРЭХЭНЬКИ

Рассказ написан на кубанской балачке

От автора:

З покон вику козакы любылы слухать всяки–разни байки и побрэхэньки, особливо писля бою на роздыхи, а в мырним житти – на охоти, або на рыбальци. Сыдять, бувало, воны биля невэлычкого костерка, закурыв цигарки або дидови люлькы, тай слухають брэхуна, посмихуваясь в бороды тай у вусы, глыбоко засмыгуваясь черговою порциею дыму доброго тутюну. Россказни ци обросталы новымы подробыцямы, прыпэрчалысь крипкыми словыцямы и прыбауткамы и, по прошествии якогось пэрыуду, вжэ ны хто и нэ памьятав, у якой станыци чи хутори страпылась така гиштория. Мало того, бувало, що одьни козакы, з лайкою, поясьнювалы иньшим, що цэ всэ було именно у ихнему, або у сусидьскому мистэчку...

Так шо за тэ, що я отут буду пысаты й брэхаты, сыльно суворо прошу мэнэ не судыты – один грэць, вам важко будэ мэнэ пэрэспорыты доводячи, що ци подии трапылыся у вашому районi, так – як, я вже й сам щиро ввирував, начебто всэ цэ чув самолично й усе проходило справди у моёму мылому кубаньскому хуторочку.

С почалку познайомымося

Дид Савка жив у нашому хутори, на тому краю, що биля колхозного саду. Хатка – саманка, пид важкою, мисцямы зэлэною вид моха черепыцею, прысила до самой зэмли й триснула посрэдыни. Дид, ще колысь-то, позатыкав трищину старымы кухвайкамы та одияламы, жив соби бобылём, тай в вуса не дув... Диты поразбиглысь, а онукив вин бачив, ще як ти булы мали. Хатына ж, писля того як вмэрла баба Лушка, йёго жинка, бильшь ны колы нэ мазалась и нэ билылась. Так и стояла вона з облуплэнымы угламы тай бокамы, поглядая на вулычну пыляку давно нэ банэнымы викнамы скризь потрискани ставни-виконныци, ти шо й з роду нэ видчинялысь тай булы скручени рудою вид старости проволкою.

Дид – козак, з пупочку й аж пошты до самой войны робыв у колхози пры конях, на довжности, як вин сам выражався: «Старший помичнык молодьшого конюха»... А потим йёго, по разнорядки райкома, одислалы вчитысь на курсы механныкив и трахтористив в Брюховэцку станыцю, звидки вин прывиз гумагу с гэрбованой пэчатью и своим новым статусом. Ны яка-то там «вздря кобыляча», а МЕХАНИК-МОТОРИСТ широкого прохфилю... Якый такый широкый прохвиль тэпэрь у йёго, Савэлька тоди ще нэ врозумив, алэ на всякый случай, ходыв на прэжню працю (так як механизацию ще нэ внэдрялы), с широко разставлэннымы ногамы, выпьячэнной грудьдю и у билой вышитой сорочци, пидпэрэзаной наборным сэрэбряным пояском. Ще одягав сыни диагональни галихвэ тай блэскучи пидбыти ичиги, взутымы в галоши, бо прыходылось цилый дэнь лазыть по конячим мэмлюхам й жижи, и дорогэзну обувачку можно було уделать за тыждэнь.

Ото ж такого важного, нэвэличкого вид роду вэсэлого парубка и запрэмитыла молодэнька дивчинка Лукерья з брыгады дивчаток поливодчиць. Кохалысь воны увэсь трыдцать

дэвьятый год. Оженылысь жэ, писля Покрова, у сороковому годи. А у маю сорок пэршого Савэльку забралы на сборы, а видтиль вин й попав на почавшуюся в июни вэлыку войну, а йёго молода жиночка от горя скынула дытынку.

Дид Савка воював с початку в мехкорпуси, був ранэтый, нагорождэный й у сорок трэтьтем спысаный в хозвзвод горновьючной роты, ездовым, дослужився до старшины, на интэндантском поприще трохи послужив у Кенигсберги (Калинингради), затем у Москви, а у сорок шостому годи був спысан пид чистую, так и нэ зробыв, як ****нише выражався сам старый, «военнои карьери»....

Писля войны вин нажив пьятэрых дитэй, двох сынив тай трёх дочок, робыв у ридному колхози конюхом. У сорок восьмому годи пийшов робыть трахтористом на МТС, потим лит дэсять був шохвером, напывсь за рулем, зробыв аварию (пэрэкынув машину з курчатамы), сыльнише поврэдыв й так вжэ ранету ногу, одробыв пив года на выселках и взнов возвэрнувся на колхозну конюшню... К тому момэнту найкращого балагура-затийныка, умившого и сбрыхать, и пидколоть у хутори ны кого нэ було.... Так вин и уславывся найпэршим брэхуном, алэ нэ просто трэпачом, такым-сякым балоболом, а идейным брэхуном – хвантазером, анехдотныком и вэсыльчаком. Взавдяки йёму, богато колхозных собраний було зирвано гоммерическым хохотом хуторян, вид пэрэбрэхив дида Савкы з парторгом або з прэцыдатилем колхозу... Богатэнько й начальства з райёну бажалы, б нэ бачить нашого дида ни колы у своих кабинэтах.

Алэ бильше усёго старый любыв балакать з намы – малолеткамы, прыбигавшимы усякый раз, як тилькэ була возможность, в першу брыгаду на конюшню до конэй. Слухалы мы дида тыхэнько, ридко бросалы рэпликы, а смиятысь починалы обычно в кинци байкы, за шо нас дидуня мабудь и любыв, що мы булы йёго найкращимы слухачамы, ни колы йёго нэ пэрэбывавшимы... Бувало полягаемо мы, хлопьята, на розослатых кухвайках у соломи й слухаем дидову очерэдну байку про старэ житьтя козаче, чи про колхозну бувальщину. Мы розумилы, шо старый нам прыбрэхуе, алэ выду нэ подавалы, бо сэрэдь нас був нэгласный хлопчачий договор: «Ни колы не видмовляты диду, шо вин брэшэ». Можэ жалилы йёго, алэ скоришь, нам просто нравылось, шо хоть хтось з дорослых з намы якшаеться, як з ривнымы. Мы дорожилы цими видношенньямы и намогалысь нэ обижаты дида.

Тэпэр з высоты своих прожитых годочькив я з задоволыньем згадую за ту нашу «конюшенно-хлопчачу дипломатию» и нэ хытру дидову мову з пидросткамы, яку б зараз назвалы «военно-патриотична работа з молодёжью». У ту пору ны хто нэ балакав так з чужимы дитямы, по свийскы й запросто, бо дорослы строилы шось такэ, шо ий сами нэ зналы, и им було дуже николы.

А ось тэпэр и Вы послухайтэ дидовы байки-побрэхэньки з нашои колхозний конюшни

Золоти зуби

Шо? Шо ты мэнэ пытаешь? Звидки в мэнэ оци очко золоти зуби, чи шо?.. Да-а-а... Було врэмьячко... Подай мини вуглю з пичкы, чи кынь сирныкы, та дай оту свою цыгарку слывочну. Гыгы-гы, цэ я так называю ваши хвильтровани... Не-е-е, сами нэ курить на соломи, хто схоче, слазьтэ доли, можетэ систы билля мэнэ... Тю-ю-ю, шо воно такэ?.. «Бо-ро-ди-но» – ага, потому и гимно... Хиба цэ тютюн? От жеж колысь був тютюн... Кони нюхалы ий смиялысь... Не, ны чого, раскурывсь, наче и добра... Ну слухайтэ, раз антирэс маетэ...

Було цэ як раз описля войны... Я вжэ перевивсь с Кэнисбэргу у Москву, по интэндантьскому дилу в комэндантську роту. Пив году я в нэи отслужив, и оставалось мини тры тыждня байдыкувать на крэмлёвськых харчах... Як служив?.. У-у-у, закачаешься, як вспомню, кормылы як индыка пэрэд Рожиством, кожень дэнь бильлё минялы, шоб ны дай Господь яка насикома нэ завэлась. У нужник на двир нэ ходылы, тут же ж в казарми ий ср... справлялы естественни надобности... Шо, як цэ?.. Кажу вам, нужник був прям в помищениях... Нэ пэрэбывай, знаю шо ты в Ростови у дядька свого бачив, алэ там у их в городи воны манэньки, оти чауньци куды сидать, з хваянсив зроблэни, я у дочкы в Армавири тэж на такий сидав, чуть кованым каблуком нэ цёкнув ёго. А у нашому нужныку – от такэзни буллы, мощьни, з чугуна малированого, чоловик дэсять заразом моглы систы... Що смиетэсь?.. Та нэ на одын всим гуртом, дурни, а у роздильных кабинах по одьнёму, за одын раз по дэсять чоловик сидалы... Шо, а остальни?.. А воны в череди стоялы и чекалы... Як цэ можлыво нэ вспить?.. Цэ тоби армия, а нэ комунальна хфатэра твого дядька. Там вси по расписанию ийдуть, спочатку сами нэтэрплячи, потим ти хто швыдко умие, а дали тим, кому нэ трэба дуже торопытысь... Угадалы, я ходыв послидний... Про шо я, тю-ю-ю, лыхо вас зачепы, я ж про зуби казав, а за нужныки забалакавсь...

Так оцэ ось… Ийду я як-то по Красний площади, морозиво смакую иминнэ. Було такэ морозиво з различнымы именамы людськымы, на вахвэльном стаканьци выдавлэннымы: хочь тоби «Мыкола», хочь тоби «Одарка». Я соби выбрав з именем командира роты – «Хвэдир», йду и кусаю иёго, наче командира за гузно… Дывлюсь, а на зустрич мени… Сам Сталин човпэ з кимсь. Я пэрэйшов на строевый, морозиво в лэву руку пэрэкынув и прыховав коло бидра… Шаг чиканю, ризьско ручку вскынув до козырька и так зычно, як дзвякнув: «Гав-гав-гав-гав!!!», шо в пэрэводи з комендантьского: «Здравья желаю товарыщ главнокомандущий!» Вин аж рота розъзявыв и так мени у слид вусамы посмихнувсь.

А другый, що був з ным, крычит мини: «Старшина, СТИЙ! Ать-два! Кру-ГОМ!» Я, як когуть на навози, на одной ноги «круть» и став, як ухналямы до мостовой прыбытый… Дывлюсь!.. Мать твою зачепы! Ныначе Берия! А Берия так хиытро на мэнэ подывывся и рукой своею – чап мое морозиво. Понюхав, куснув, прочитав имя на стаканьци и каже так с издьёвочкой: «Кого, сукынэ ты сыно, оцэ кусаешь?» И в сурло мени хиба ще нэ тыкае тим морозивом… Я стою мовчкы, Сталин посмихается тыхэнько в вусы, а Берия як заржэ, як наш плэминный жэрэбэць, и давай кусать стаканэць, покы нэ зъив увэсь.

Сталин ласково так каже: «Здрастуй, Савэлий Юхымовычь, як служба, колы на дэмбиль пидэшь? Лаврэнтий Павловычь, не чипляйсь до моих советськых козакив, бо бузди отхватышь вид мэнэ». А я й на Берию поглядаю и сам Сталину отвичаю, та так чётко, шо сам соби удывляюсь: «Службою доволэн, Ёсиф Виссарионовыч, дэмобилизуюсь через тры тыждня!» А вин мовэ: «Можу отправыть и раньше, ты ж, кажуть, на вси рукы мастер, бачь на башнях зирочки побыти самолетамы немецькымы, як шо зробыш раньше йихний рэмонт, так в той дэнь до дому и поидэшь… Слово Сталина даю». Берия посмихается и мэни на вухо каже, шо я и черэз тры мисяци не вспию ны чого зробыть, и як щипнэ мэнэ за гузно, шо я аж взбрыкнув… Сталин спросыв, шо цэ я на выбрыки пийшов, а яхыда ця и каже, мов, вин вже не втэрплюе, робыть дуже хоче государствиннэ дило.

Сталин нэ дурак був, як наш Омэлька-нимый, смикнув, шо Берия шкодэ, тай мовэ: «Ну, раз дило государствиннэ, Лаврэнтий Павловычь, то Вы за йёго выполнение головой и ответитэ. Хай Савэлий Юхымовычь каже, шо йёму трэба, и командуе, а Вы иёму пидсобляйтэ. А будэтэ шпынять козака тай насмихатысь, лично шкуру здэру з живого… Всэ, выполняйтэ! »

Берия, в пидлу иёго душу нэхай, пэрэклав всэ на своих замиститэлив и сам вшився в Ялту. А як ото кажуть: «Кит из хаты – мыши в пляс», вси зами тэж поразбиглысь. Я зажурывсь и пийшов до зэмляка со Шкурэньской посовитуватысь, шо робыть, а вин мэни ий каже, мов, нэ пэрэживай, всэ зробымо, як трэба. Вин тодди був личным водителем самолёту самого Сталина, нэвэлычкий такий самолётык, стояв на цэпку прывьязаный, шоб не угналы, коло дому в Крэмли, дэ жив Сталин. Вин пийшов до дочкы вождя и попросыв вынэсты ключи вид замка цэпкового… Як вин ийи вговоряв, о чем размовляв з нэю, того я нэ видаю, алэ ключя вона вид батька мабудь стягнула и пэрэдала нам, с правди, й сама прычепылась з намы покататысь. Мы силы у самолёт, завэлы иёго тыхэнько, щоб ны хто нэ почув. У иёго специяльный мотор був, бесшумный такый, шоб нэ будыть людэй в доми, як Сталин схоче ночью кудысь злитать. Потыхэньку облэтилы вси башни, прыкынулы, стике чого будэ потрибно для рэмонту, й швыдэнько спустылысь до дому, дочка забрала ключи й втикла.

Зэмляк позвоныв до пожарныкив, до знаёмого свого, тэж наш козак, кубанськой станыци Платнировкы вродженыць, воны звязалы мени вэлыкэзьну дробыну, мабудь, с дэсяты штук манэнькых, а у церквы мы выпросылы лыстового золоту. Далы… А куды воны динуться?.. Воны даже не спыталы, на що. Зналы, шо их за лышни вопросы выштовхнуть з колокольни. У йих же взялы золоти сварочни электроди. Электроди воны видразу не хотилы давать, так зэмляк найшов у их разможлывого попа, тэж нашого козака, батько иёго в Тбилисьской у цэркви колысь служив, та можэ й доси людям паморокы прочищае. От у иёго и позычилы. А вин як узнав, шо бэрэмо пид виддачу и що вэртаты будэ Берия, так злякався, шо й тут же ж сказав, шо воны й так, бэз виддачи жэртують…

На другый дэнь, ничь нэ спавши, я полиз на саму вэлыку башню, а мий пидсобнычок, наш козачок з Атамановкы, протянув кабелья, и мы почалы варыты рамкы – ти, шо булы побыти. Людэй зибралось у нызу уйма, як курчат на ПТХвэ, роты порозьдзявылы, хвылюютьця, гумонять. Хвосты, шо от электродив оставалысь, кыдать у ныз не став, побоявсь кому нэбудь воко выбыть, тай и всэж золото – хочь и цэрковнэ, но и наше ж, народнэ, так я их став складать соби у карманы, в галихвэ…

Як нэ страшно?.. Страшно було, а ну – така высокэзна башня и хытающаяся дробына, тай голубы, як собакы, в голову клювалы и в вочи пометом цвиркалы… насылу отбывалысь.

Потим прывэзлы и пиднялы на бичовках краснэ скло, мы иёго там прям на крыши порызалы специяльным «алмазом» и повставлялы, потим закрэпылы з золотого лыста выгнутым, наризаным узэньким штапиком. А я й расстарався, тай аккуранэсэнько золотимы крапэльками всэ проварыв.

За пять дэнь, нэ злизая доли, мы поробылы уси начисто зиркы и спустылысь на свяченну крэмлёвську зэмлю.

Да, нэ спалы, за працей николы було, дило ж государственнэ робылы, тай и прывычка булла, щей з фронта… Брэшу… два раза

пидсобнык спав на горищи, там дэ оти часы дзвонють, тай единый раз я, и то – прывьязавшись до хиткого шпылю, подрёмав трошки.

Подай ще мени цыгарочку, як там вона, ага, «Бородино»… Ще раз кажу: на соломи не курыть, бо спалытэ мини конюшыню… Добрый тютюн… м-м, дармовый завжди добрый буває…. От и Сталин мэнэ угощав своимы попаросамы «Герцеговына», сам у трубку их понасмыкае натовче и курэ, а я так курыв, щей за вуха клав… Гы-гы-гы…

Про шо я вам, онучикы, брыхав, а – про зуби… От-тож, й кажу: вид тютюну зуби выпадають, лучьчищь вы б зовсим нэ курылы, и я б за конэй тай солому б нэ лякавсь… Шо зуби? Мои у мэнэ скризь повыпадалы ще на войни… Вставляв мени их нимэць плэнный. Добри буллы, зализни – з свого наградного хреста тии зуби той ахвицерь нимэцький, робыв… А, о, паморокы мени забыло, зовсим нэ маю памьяты… дякую, шо вы, хлопци, нагадуетэ… Я ж про золоти зуби вам брэхав….

Спустылысь мы на грешну зэмлю, идемо, хытаемось. Хлопчика, козачка молодэнького, пидхватылы – и в санчасть. А я йду и бачу: стоить Сам и криз вуса смиеться. Берия попэрэд мэнэ лизе, докладать, алэ Ёсиф Виссарионыч и каже всим: «Идить гэть звидсиль, оставтэ мэнэ з гироем». Уси зараз потикалы, крим наглого Лаврэньтия…

Обняв мэнэ Сталин, як батько, спытав: «Чи встоишь, сынку, ще на ногах, чи ни?» Я кажу: «Встою, батько, встою». Вин обэрнувсь до Берии: «На тоби мий кишень, сбигай у лавку, чи в який другый гамазин, купы выпыть и закусыть». Берия взмолывсь: «Та дэ я ии, к грыцям, визьму, у мэнэ и талоним зараз с собою нэмае, закусыть може з столовой визьму, а выпывку бэз талонив не дадуть». Сталин промовыв, шо в кишэни е и талоны, и Берия швыдэнько побиг. Тодди и рэшив мабудь Сталин: «Трэба талоны одменяты, самому нэвдобно, а людям ще гирше». Ну цэ як я думаю. Их и справди потим одминылы и рэхворму грошам зробылы у наступному годи.

Прыбиг наш посыльный, прынис дви пляшкы «Запиканкы», пляшку «Моськовьской особой», огиркы солони, сырок и ще ковбаскы поризаной з хлибом. А мы со Сталиным стоимо тай думку гадаем: «И дэ нам прысисты? На площади нэ зовсим вдобно, люды навколо ходють». А Берия й каже: «Пийшлы за мазолэй, там мистэчко гарнэньке е, ми там з товарычамы иноди сыдымо, и ялынки, хочь щей и манэньки, но всэ ж прыкрывають обзор».

Тилькэ силы, разложилысь, як Берия – мац-мац по карманям, – а стакана раскладного нэма, у Ялти на кровати забув, мабудь. Сталин як глянув мовчкы, Павловычь аж бигом побиг, захэкався, но швыдэнько прынис. Ну выпылы по повному, закусылы, ще налылы, я вжэ чую, «поплив мий човн от скырды до млына». А дружкы мои держутьця ничого, по нэнашому балакать тильки почалы. Берия вочкы зняв, потие, крычить, а Батько тильки курэ тай посмихуеться з ёго. Я отключився… Тильке чую, як мэнэ на лавочку, шо билля стенки, оттянулы и поклалы… Прокынувся я вид писэнь… Ой, и ловко ж воны спивалы, до ных вжэ и Молотов прыйшов, и той, як ёго, ага, Кагановычь. Слидком Ворошилов пывця ще прынис…

Так и було, кажу вам… ейбо, правду кажу. Може, и ще хто придходыв, нэ видаю. Я тильке ще раз потянув стаканяку, як в коганци моему просвэтлило, тай покурыв трубку Батька и отключився опять. А!.. Помню ще, як приходыв наш комендант и сказав, шоб все було тут прыбрано. Кому казав, нэ знаю, мабуть, нэ Сталину ж.

Окончатэльно я прокынувся у вагони поизда: хтось тягнув мэнэ за ногу и казав, шо прынис мени чаю… Пиднявсь. Голова гудила, вагон увэсь у коврах, я лэжу у отдельнму куточку с дзерькалом и столыком, а на ёму дви пляшкы киньяка – одна цила, а друга почата й заткнута. Вси документы, що я спысан начисто, у планшети пид головой, новый китель, алэ тилькэ грязни чоботы и галихвэ. А в галихвэ в кармани… Шож вы думаетэ, хлопци?.. Точно так… Хвосты вид золотих электродив, алэ в половыну раз мэньше, чим було… Спужавсь я, що могуть наказать за тэ, що я их нэ здав по назначению, рэшив покы бучу нэ пидьниматы, нэ шукать морокы на свою голову. А дали выдно будэ, як ото кажуть: «Сказав слипый: побачимо, як бэзногый таньцювать будэ».

Провидныk у вагони зэмляк оказавсь, из Тыхорэцька, прысовитував мини зийты на станции у Кисляковци – там поизд стае на дви хвылыны. И хочь ни кому ныздя було злизаты, вин мени всэ ж видчиныв хвиртку, я й сплыгнув пошты на ходу, оставыв зэмляку початый киньяк, аж с пьятью зиркамы.

Дома встрилы, одигрилы, коханьня-бздюханьня, два хвиста йи у занозу нэхай… Як й ни куды й нэ уходыв… Свий нэлигальний «золотый прыпас» заховав пид стриху, а вэсной у сорок сёмому годи закопав пид жэрдэлей коло хаты…. Так воно и лэжало там…

Я поняв, шо вжэ ны хто нэ кынытьця иёго шукаты, и в пьятдесят шостому поихав до зэмляка из Староминской. Добрый козак, вин в Ростови до войны стоматологом робыв, и ото вин мэни повытягав фашистьски зализьни и зробыв оци ось, золоти зуби…

Куды дилысь остальни хвосты з карману, покы я пьяндыкував?.. А хто иёго знае. Я так розумию, то их Берия спэр, як мэнэ на лавку тягнув… Шо?.. Сталин?.. Та вы шо, с гузна зъихалы, чи сказалысь? Ни-и-и, Вин чужого ни колы нэ хапав, золота людына була… Хай царствуе… А цэй паразит шкидлывый був хытра жадоба, ото вин ти хвосты и насунув, хай йёму грэць…

Ото так и було… Гы-гы гы.

Осавул ЛЯХ Андрий.
Ст. Уманьска, 2011 г.

Наш выпуск. Февраль 1973 года.

Татьяна КУН

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 40 ЛЕТ

В жизни большинства из нас была замечательная пора юношества – студенческая пора. Пора взросления, приобретения новых знаний, новых друзей, смены всего уклада жизни.

Пока мы учились в школе, то не задумывались о будущем. Окончив 8 классов средней школы, я решила поступать в техникум. Хотелось поскорее стать взрослой, самостоятельной. Побывала с мамой в нескольких техникумах города Краснодара, и мне пришлась по душе специальность землеустроителя в Пашковском сельскохозяйственном техникуме. Так романтично была описана будущая специальность, что я свой выбор сделала…

На время экзаменов мама меня устроила на квартире у знакомой, Анны Никифоровны, в городе. Оттуда в Пашковскую на экзамены я добиралась на «пятом» трамвайчике больше получаса. Успешно сдав вступительные экзамены: математика – 4, диктант – 5, я уехала домой со спокойной совестью и стала ждать вызов в техникум, который вскоре пришёл. И вот я впервые самостоятельно уехала из дома – так далеко и надолго… Поначалу очень сильно скучала по маме, а она – по мне, ведь мне было неполных 16 лет.

С Валюшей Хохловой, с которой я познакомилась ещё на экзаменах, мы устроились на квартиру в частном секторе посёлка Пашковского; третьей была Надя Сизякина. Старики сдавали комнату с отдельным входом, но без удобств. Готовили на примусе или керогазе, которые заправлялись керосином. Мыться ходили в общественную баню. Мест в общежитии пока не было.

Наши занятия начались с уборки урожая в саду пригородного совхоза «Солнечного».

Стояла золотая осень, спелые краснобокие яблоки были везде: на деревьях, на земле – в мягком ковре из опавших ярких осенних листьев. В саду стоял стойкий душистый яблочный аромат. Яблоки, упавшие на землю, мы собирали в плетёные корзинки и относили в контейнеры. Плоды, сорванные с деревьев, аккуратно укладывали в небольшие деревянные ящички по разным сортам.

А вечером были студенческие посиделки с гитарой и песнями, игрой в «ручеёк». Жили в палатках, спали на раскладушках. За две недели работы в саду мы познакомились не только со своими однокурсниками, но и с девчонками и мальчишками из параллельной группы. А у меня появились новые подружки: Надюша Загребельная из города Краснодара – зеленоглазая девчонка с ярко рыжими волосами и рыжими веснушками на лице, Наташа Базик из станицы Динской – русоволосая маленькая, худенькая девочка, Валюша Хохлова из станицы Степной – симпатичная девочка с волнистыми тёмными волосами и удивительными глазами. Нас четверых связала крепкая дружба на всё время учёбы.

Две недели работы в совхозе прошли, начались занятия в техникуме. Система занятий была чем-то похожа на школьную, только уроки – спаренные. Кроме специальных предметов, мы продолжали своё образование за 9-й и 10-й классы средней школы. Писали конспекты по всем предметам, чертили чертежи, учили шрифты…

Наш классный руководитель Шабельникова Анна Ивановна, преподаватель немецкого языка, была очень строгой. Мальчишкам часто «доставалось» от неё за пропуски уроков, за неуспеваемость. К концу первого семестра Витю Шелковникова и Васю Цыбина отчислили, ещё двое ушли сами раньше, нахватав двоек.

Время летело быстро. И не заметили, как подошёл конец декабря, а с ним – предновогодние вечера в техникуме и в соседней школе, куда нас – Надюшку, Наташу, Валю и меня – пригласили старшеклассники. Карнавал, маскарад, конкурсы…

В ночь с 30 на 31 декабря выпал снег. Проснувшись утром, мы очутились в зимней сказке. Шли на занятия по тротуару; а над ним получился белоснежный тоннель из заснеженных деревьев – слой снега слегка пригнул ветки. Под лучами солнца снег искрился. Было безветренно. Красиво... Снег продолжал тихо опускаться огромными пушистыми хлопьями.

Занятия у нас были на одну пару короче. Сквер напротив нашего техникума превратился в какое-то заснеженное царство. И мы, как дети малые, пошли туда играть в снежки и строить замки из снега…

А вечером мы встречали новый, 1970-й, год!!! Те, кто жил недалеко от города, уехали домой, оставшиеся решили встречать Новый год вместе. Собрались на квартире в Пашковке. Это был первый новогодний праздник, встреченный вне дома. Стол накрыли: банки кильки в томате, салаты, картошка, хлеб с салом – и для студентов этого было достаточно. Купили мы, конечно, и мандарины с конфетами, и «Ситро» с «Крем-содой». Пили шампанское. Я его попробовала впервые, мне оно совсем не понравилось, так как было колючим, шипящим. Танцевали под магнитофон, веселились, дурачились, выходили на улицу – слепили огромного снеговика, играли в снежки, «стреляли хлопушками», кричали: «С НОВЫМ ГОДОМ!!!»

1 января мы ещё отдыхали, а 2 января – уже снова на занятия. Учёба, зачёты, контрольные... Всё как у студентов – короткие каникулы и снова учёба.

А вскоре мы уже готовились к КВНу. Нашу команду мы назвали «Космические пираты», сами придумали песни и слова приветствия, конкурсы. Саша Леусенко играл на гитаре, мы пели. В этом КВНе наша команда одержала победу, и после нас всех долго в техникуме приветствовали: «Пират, привет!»

Стипендии мы получали 20 рублей в месяц. У нас стало хорошей традицией после получения стипендии ездить в кинотеатр «Аврора», смотреть фильмы. А перед началом сеанса часто заходили в кафе в фойе кинотеатра. Покупали мороженое, пили кофе и заходили в зал на просмотр фильма. Потом целый месяц ждали следующей стипендии, чтобы снова посетить кинотеатр, либо драмтеатр, либо театр оперетты, либо цирк. Каждый месяц – «культпоход».

Валя, Наташа и я пели в хоре техникума. У Вали был очень красивый голос. Пели мы и втроём, на вечерах в техникуме: на три голоса – песню о чайке, которая отбилась от стаи, об осени, которая не спросит – придёт. В хоре мы с Наташей пели вторую партию. Владимир Зиновьевич, руководитель хора, после прослушивания распределил девчонок, кто поёт первую партию, а кто вторую. В хоре было сто человек. И когда мы пели Гимн Кубани, мне казалось, что душа поёт.

После того как мы заняли первое место среди хоров по краю, мы попали на республиканский смотр. И в марте 1970 года наш хор поехал на студенческий фестиваль – смотр-конкурс – в город Димитров, в Яхромский совхоз-техникум, в Подмосковье. Когда наш хор спел: «Казаки, казаки, едут, едут по Берлину наши казаки!», зал долго аплодировал.

Духовой оркестр нашего техникума тогда, на этом смотре, занял 1-ое место. Мальчишки – молодцы!

В свободное от репетиций и выступлений время мы ездили в Москву. Побывали на Красной Площади, посетили музей В.И. Ленина, Третьяковскую картинную галерею.

В марте, после выпуска старшекурсников, освободились места в общежитии, и мы с Валюшкой и Надюшкой Сизякиной переселились в общежитие. Девчонки жили на втором этаже, мальчишки – на первом. Иногда наши мальчишки были голодными: денег нет, а до стипендии ещё далеко, тогда мы готовили еду на всех. Варили постные супчики, лапшу, или овощное рагу – моё «фирменное» блюдо.

На 9 Мая получилось три дня выходных, тут-то мы и задумали поход в Горячий Ключ. Организатором стал Шанько Володя. С Геной Квас они взяли в городе напрокат палатки, рюкзаки. Все запаслись «провиантом», быстренько собрались – человек 15 из нашей группы, старшекурсники со строительного отделения – и поехали в Горячий Ключ на автобусе, а там, по горам, уже пешком. Переходили ручьи с сильным течением, вдыхали чудный лесной горный воздух, слушали пенье птиц, пили прозрачную ледяную целебную родниковую воду.

Поднялись на местную достопримечательность – гору Петушок, с которой открывался изумительный вид на окрестности (сейчас там устроили красивую ступенчатую дорожку). Подъём был нелёгкий; проводниками были Саша Леусенко и Лёша Давиденко – они знали те места. Володя фотографировал нас, осталось несколько любительских фото.

Нелегко ходить в горах с непривычки. Иногда из травы на тропинке появлялись змеи-медянки; они высоко поднимали свои головки, готовясь к прыжку – пару раз я испытала просто ужас. Пришлось вырезать для себя палки, чтобы отпугивать змей.

К вечеру мы присмотрели поляну, на которой и устроились на ночлег. Установили палатки, зажгли костёр, сварили в котелке кашу с тушёнкой, уселись тесным кружочком вокруг костра и всю ночь, до утра, пели песни под гитару. А ночь была такая дивная! Звёзды в горах – такие близкие, яркие: казалось, только протяни ладони, и они опустятся в них сами… Память об этом походе осталась на всю жизнь…

Была весна. Пашковка утопала в цветущей сирени, тюльпанах и нарциссах. Мальчишки принесли в нашу комнату огромный букет сирени. Чудесный запах наполнил комнату, а наутро у нас – зачёты и экзамены после первого курса.

После сдачи экзаменов ушли на практику по геодезии, проходившую на берегу старой Кубани – там был «учебный полигон». Разбили нашу группу на несколько звеньев по 5–6 человек, и мы осваивали теодолит: устанавливали его над точками, измеряли углы, расстояния. Только на практике я поняла то, что «зубрила» в течение года. Практику вёл Филиппок (так мы звали Владимира Филипповича Николенко, который потом, на 2-ом курсе, преподавал у нас геодезию). Он так хорошо показал, как работать с теодолитом, что всё стало понятным и «разложилось по полочкам».

Второкурсники! И снова работы в совхозе «Солнечном» – две недели. Теперь нас отправили собирать виноград. Собирали в контейнеры и ящички. Какой же виноград был вкусный! В первый день мы все так его объелись, что даже на обед не пошли. В последующие дни мы уже не ели виноград, а только собирали. Дневную норму всегда перевыполняли, смеялись, шутили на работе. Вечером подводили итоги, вывешивали списки – какая группа сколько килограммов собрала. Жили опять в палатках. После ужина были вечерние посиделки с гитарой и песнями, игрой в «ручеёк». Танцевали «Летку-енку».

На втором курсе к нам добавились новые студенты, окончившие среднюю школу: Саша Землянская, Люба Чикина, Тая Батищева, Оля Маркс; Серёжа Зверев – после академического отпуска по болезни (у него был порок сердца), Саша Сташков – после службы в армии. В то время, когда у нас шли общеобразовательные предметы, они шли на первый курс на спецпредметы. Общеобразовательных осталось немного: обществоведение, высшая математика, физика, химия. С новенькими мы быстро подружились.

И снова готовились к КВНу, теперь химическому. Противники – команда из параллельной группы «Б». Учитель химии Рафаил Никитович сказал: «Если КВН выиграете, сразу всей команде зачёт поставлю». Ну, тут мы совсем расстарались. Команду свою назвали «Алхимики». Рисовали плакаты, сочиняли приветствие капитана, выход команды на сцену, костюмы… Всё прошло очень хорошо, хотя не обошлось без неожиданностей: запомнилось, как у Толика Алтухова вспыхнул в руках пакет с бертолетовой солью – он хлопнул по нему ладошкой. Толик отделался лёгким испугом. Испугались больше мы с Наташей, так как это произошло буквально, на наших глазах…

КВН сыграли вничью, победила дружба. Игра была интересной, как по выходу капитанов, так и по оформлению. Рафаил Никитович сдержал своё обещание и участникам обеих команд в зачётки поставил пятёрки.

К концу второго курса мы уже хорошо чертили на ватмане тушью, ручками с тонкими перьями, делали отмывку чертежей – в общем, научились уже многому. Учиться было интересно. Всё шло своим чередом. Контрольные, лабораторные по почвоведению, полевые работы с геодезическими инструментами: теодолитом, нивелиром, кипрегелем... Зачёты, экзамены... Все общеобразовательные предметы мы закончили изучать. На лето отправились на каникулы домой.

На третьем курсе геодезию вёл у нас Яков Михайлович Анцыз, очень сильный преподаватель. Весной 1972 года, после 82-часовой практики по геодезии, мы готовили отчёт по практике и должны были его сдавать буквально через день, но вдруг выяснилось, что мы где-то допустили ошибку, так как полигон у нас не сходился. Сумма внутренних углов была верная – 360 градусов, а вот расстояния не шли. Перемерять все расстояния нашего полигона времени уже не было, и мы пошли от обратного. Вычисляли расстояния по косинусам и синусам измеренных углов, используя «Математические таблицы Брадиса», и к нашей великой радости обнаружили ошибку. Оказалось, что мы не учли 20 метров – потеряли «шпильку», как это называлось. Све-

ли мы отчёт по своему полигону, вычертили чертёж. Вася Гуренко с полной уверенностью сказал: «Девчонки, всё будет хорошо». Ночь не спали, компоновали и сшивали отчёты, а утром пошли сдавать зачёт.

Яков Михайлович посмотрел все наши записи, вычисления – всё было нормально, всё было верно, но он заподозрил какой-то подвох. И говорит: «Признайтесь честно, что у вас не получалось? Я ставлю вам всем четвёрки, не волнуйтесь, только расскажите». Ну, мы и рассказали, как всё было. Надо было видеть сияющую улыбку на лице Якова Михайловича, который, кстати сказать, улыбался нечасто. Он воскликнул: «Молодцы, вот теперь я уверен, что вы геодезию поняли!»

Был у нас и такой интересный предмет как аэрофотогеодезия. Нас водили на экскурсию на предприятие, где обрабатывали аэрофотосъёмки, составляли карты местности, увиденной с высоты «птичьего полёта», наводили горизонтали с помощью стереоскопа, получали карты местности с рельефом. Все в этом кабинете работали в белоснежных халатах, у каждого на столе стоял стереоскоп, лежали аэрофотоснимки.

На третьем курсе у нас остались только спецпредметы. Жили мы с Валюшей и Наташей опять на квартире, недалеко от техникума, у тёти Маши. Она была очень доброй хозяйкой. Готовили мы сами – в коридоре, на керогазе и на электроплитке.

Мама моя тогда раз в месяц привозила в Краснодар бухгалтерский отчёт. И заодно привозила мне ящик картошки, закрутки всякие (помидоры, огурцы, томат, варенье), тушку утки или курицы, чтобы было из чего готовить. Наташа и Валюша тоже привозили продукты. Валюша привозила солёную рыбу, настолько вкусную, что до сих пор помню её вкус.

После третьего курса мы уехали на полгода на преддипломную практику. С Валюшей Хохловой и Наташей Базик мы попали в одно звено. Работали рабочими-реечниками с геодезистами профессионалами из «Росгипрозема», Владимиром Ивановичем и Людмилой. Работали сначала в посёлке Энэме – делали топографическую съёмку рисовых чеков, набирались опыта. Нам давали и с приборами немного поработать, и журналы съёмки вести с абрисами. Вечером вели дневник практики.

Жили в общежитии совхоза. Кормили нас в совхозной столовой. Выезжали рано утром. Грузили инструменты с рейками на «линейку» (это телега, выполненная из металла, на колёсах, запряжённая лошадьми), усаживались сами и ехали в совхоз, на рисовые чеки с каналами, заполненными водой. Носили рейки. Владимир Иванович работал с приборами. Вечером возвращались в общежитие. Один раз в месяц ездили в Краснодар, в проектный институт «Росгипрозем» – получали зарплату.

Было лето, было жарко, мы часто работали в купальниках и за лето постепенно загорели ровным загаром. Когда пришли после практики на занятия, нас ребята не узнали…

На практике мы заработали немного денег и обновили гардероб. Надо отметить, что все свои наряды я шила сама. Так было дешевле, да и ни у кого больше таких нарядов не было, а главное – всё было подогнано по моему росту и фигуре.

На уроках домоводства, ещё в школе, Зоя Ильинична нам дала азы кройки и шитья одежды. К тому же, мама шила, у нас дома была ножная швейная машинка. Мама, зная мою страсть к шитью, всегда покупала мне ткани. Приезжая на выходные домой, я быстренько кроила что-нибудь и шила на машинке. Иногда не успевала пуговицы пришить или просто подшить, забирала, увозила с собой и дошивала уже в Пашковке. На занятия приходила в новом наряде. Вася всегда подмечал: «О, Терёха уже в обновке!» Надюшку он называл «Рыжая», она ему очень нравилась. Симпатия была взаимной…

Однажды мы с Наташей поехали в универмаг в аэропорту, где был большой выбор тканей. Купили жёлтый лён на брюки и лёгкую цветную ткань на кофточки. Там же работал стол раскроя, нам сразу выкроили кофточки и брюки (выкройку брюк я сняла на газетку и по ней потом сшила себе не одни брюки). Сшила я наряды и себе, и Наташе. Когда мы вышли с ней, как близнецы, в одинаковых нарядах – жёлтенькие, как цыплята, то не остались незамеченными…

1973 год. После преддипломной практики было дипломное проектирование. Чертили чертежи в аудитории на чертёжных досках, писали пояснительные записки, были консультации с рецензентами. Основной чертёж мне пришлось чертить дважды, так как мальчишки, Вася Гуренко и Юра Руденко, нечаянно опрокинули тушь на чертёж, пока мы с Надюшкой ходили в столовую. Приходим, а они срезают лезвием то, что пролили, пытаясь исправить чертёж... Но я решила вычертить его заново; хорошо, что ватманом запаслась.

Было много волнений, была защита дипломов. Валюша и Наташа к тому времени вышли замуж. На защиту дипломов они пошли одними из первых, чтобы быстрее уехать домой.

Моя защита прошла на «отлично», хотя и волновалась очень сильно.

Самый красивый дипломный проект получился у Шанько Володи: он сделал «отмывку» почти всех листов, в то время как остальные – только по одному, по программе. Вся наша группа защитилась хорошо, да и параллельная группа тоже – мы с ними дружили и были рады за них.

Торжественное вручение дипломов состоялось 26 февраля 1973 года в актовом зале техникума. Мы стали дипломированными специалистами! Как же мы гордились своими дипломами!

К выпускному вечеру тоже готовились. На заработанные на преддипломной практике

Слева – Таня Терещенко, справа – Надя Загребельная. Февраль 1973 года, выпускной вечер.

деньги я купила в городе ткань на платье для выпускного вечера: ярко-жёлтый гипюр, на подкладку – атлас лимонного цвета. Купила туфли на каблучке – бежевые, с белыми кантиками. Сама раскроила и сшила нарядное платье с длинными прозрачными рукавами на манжетах, большим кружевным воротником, который обшила золотистым бисером, привезённым мной из Чехословакии…

Выпускной вечер у нас был в ресторане «Краснодар», вместе с параллельной группой. Мы с Надюшкой Загребельной надели свои наряды. У Надюшки было платье нежно голубого цвета с белым контурным узором. Ей сшили в ателье. В парикмахерской на «Черёмушках» нам сделали причёски и маникюр. Зашли, сфотографировались – там же, в фотоателье. И вот мы предстали в праздничном виде перед однокурсниками. Как же приятно было увидеть удивление наших мальчишек и услышать их восторженные возгласы о том, какими все наши девочки стали красавицами!

Все стали взрослыми. Теперь у каждого – своя дорога и своя судьба… Звучали тосты, слова благодарности нашим замечательным преподавателям. Читали стихи, танцевали. Вечер запомнился на всю жизнь.

В техникуме тогда было традицией встречаться с выпускниками в первую субботу каждого апреля. Мы пообещали друг другу, что будем приезжать на эти встречи.

Первая встреча состоялась через пять лет после окончания техникума, в 1978 году. Но приехать смогли немногие: у всех появились заботы, семьи…

Тогда, после торжественной части в техникуме, мы собирались у Володи Богосьяна. Он живёт в посёлке Яблоновском. Построил свой дом. Женился на симпатичной светленькой девочке Любаше, которая окончила бухгалтерское отделение нашего техникума.

Прошло 35 лет… И вот мы встретились – 13 апреля 2013 года, через 40 лет после окончания техникума. На эту встречу приехали девять человек, из 32 человек нашего выпуска: Оля Фомина, Сашенька Землянская, Люба Чикина, Вася Гуренко, Володя Богосьян, Люба Скуднева, Толик Алтухов, Валюша Хохлова и Терещенко Таня, то есть я. Володя пришёл вместе с женой Любашей.

Как же мы все изменились! Вместо девчонок и мальчишек 19–20 лет, какими мы были в 1973 году, мы стали не только родителями, а и бабушками, и дедушками 60-ти лет. Стали солидными... Но как же рады были мы этой встрече, как сверкали слёзы радости на глазах! А сами глаза блестели, как в юности, как будто и не было прожитых десятилетий.

В фойе техникума нас внесли в список почётных гостей. С Сашенькой мы прошли по главному учебному корпусу. Всё в нём осталось по-прежнему, только состарилось здание, как и мы… Нас пригласили в актовый зал, где состоялся праздничный концерт, в котором выступали молодые студенты. А вначале всех прибывших на эту встречу выпускников приветствовало современное руководство техникума – только теперь он называется «колледж». С торжественной речью от нашей группы выступил Володя Богосьян. Мы вспоминали, как на этой сцене прежде и мы выступали…

Потом ещё немного походили по коридорам, заглянули в несколько аудиторий, сфо-

тографировались во дворе. И поехали в кафе на «Черёмушках». В общем, мы сообразили и выпить, и закусить. Заказали пиццу, картофель шариками, салаты разные. После первого тоста полился поток воспоминаний.

Рядом со мной сидели Люба Чикина и Толик. Валюша, Володя, Вася, Оля, Сашенька, Люба Скуднева и Любаша Богосьян сидели напротив.

Толик спросил:

– А помните, какие мы КВНы проводили?

Конечно, всё помнили. Вспомнили и про пакет, который вспыхнул, и как звали нас «Пиратами», и как ездили в кинотеатр «Аврору» через весь город на трамвайчике-«пятёрочке», и как целовались в этом трамвайчике, возвращаясь обратно, так как кроме нас в нём больше никого не было в столь поздний час...

После техникума Володя Шанько, Саша Землянская (Шанько), Толик Алтухов, Люба Чикина заочно окончили «МИИЗ» (Московский Институт Инженеров Землеустройства).

С Володей Шанько мы иногда встречались. Он работал главным специалистом отдела госземконтроля правового обеспечения земельной реформы Краснодарского Крайкомзема и приезжал в рабочие командировки к нам, в Каневскую. Всегда находил меня. Если приезжал на несколько дней, то останавливался у нас дома, и тогда мы обязательно варили раков с укропчиком, и был вечер воспоминаний. Пили «Жигулёвское», ели раков...

Саша Землянская (Шанько) 20 лет проработала в «Росгипроземе» города Краснодара, в Земкомитете – 6 лет, потом в «Горкадастрпроекте».

Сашенька рассказала, что Надя Загребельная болеет – часто давление скачет, и потому она не приехала на нашу встречу; у неё один сын.

Оля Фомина (Гусева) работала в «Архитектурно-градостроительном центре» города Курганинска, в отделе индивидуального проектирования; у неё два сына, два внука.

С горечью узнали, что умерли Саша Леусенко и Серёжа Зверев, тяжело болеет Шанько Володя. Вспоминали тех, кого не было с нами... Показывали друг другу фотографии своих детей и внуков...

У Володи и Любаши Богосьян – две дочери, сын и внуки. У Любы Скудневой – два сына, близнецы. У Любы Чикиной – две дочери и трое внуков. Вася Гуренко был дважды женат, но как-то не сложились семьи. У Саши Землянской и Шанько Володи – две дочери, внучка и три внука. У Алтухова Толика – сын, дочь и четверо внуков. У меня – два сына и три внука. У Валюши – две дочери, две внучки и внук.

Пока мы сидели в кафе, к Валюше приходили старшая дочь Лена с внучкой. Они очень красивые, а у внучки такая коса длинная! Обе дочери Валюши живут в Краснодаре, а сама Валя живёт в Приморско-Ахтарске. Муж Валюши умер рано, когда ему было всего 35 лет.

Рано умер и муж Любы Чикиной (Шехуновой). Она стала Заслуженным землеустроите-

Слева направо: Фомина Оля, Землянская Саша, Чикина Люба, Гуренко Вася, Терещенко Таня, Алтухов Толик, Скуднева Люба, Богосьян Володя (сидит). 13 апреля 2013 г.

лем России, работала в отделе землеустройства Брюховецкого района, вышла на пенсию, помогает детям и внукам. Почётным землеустроителем России стал Алтухов Толик. 17 лет работал главным землеустроителем Игнатовского района, 14 лет – главным землеустроителем Грачёвского района Ставропольского края; работал в Тресте инженерных изысканий; сейчас – на заслуженном отдыхе.

Многие достигли карьерных высот. Базовые знания, которые мы получили в нашем техникуме, были основательными и глубокими. Огромная благодарность за это нашим замечательным преподавателям.

Профессию свою я люблю. Работала в отделах землеустройства Динского райисполкома, Каневского райисполкома, почти 20 лет – инженером в проектно-сметной группе отдела капитального строительства Каневского управления сельского хозяйства; была начальником дорожного отдела. Тогда благоустройство всех ферм нашего района претерпело огромные изменения. Чубов Пётр Прокофьевич поставил перед районом задачу: вытащить фермы из грязи. Наша «ПСГ» проектировала на выгульных площадках покрытие из дорожных плит, а подъезды к фермам – с асфальтобетонным покрытием. Проектировали кормоцеха и коровники, свинарники и склады… В сентябре 1985 года меня наградили знаком «Ударник XI пятилетки».

С 1992-го 24 года работала в ООО «Архитектурно-градостроительный центр». В обновление облика нашей станицы есть частица и моего труда. Это и реконструкция и благоустройство центра, парка, пляжной зоны, и реконструкция стадиона, и многое другое… Сознание того, что «сгодился там, где родился», греет душу.

Все мои однокурсники внесли весомый вклад в развитие нашей страны – и когда она называлась Советским Союзом, и когда она называется Россией. Это наша Родина! Главное, любить её, жить по СОВЕСТИ, уважать стариков, растить детей, внуков. А это ТО главное, ради чего и стоит жить!

Наташа Базик меня разыскала через социальную сеть «Одноклассники» уже после встречи выпускников, летом 2013 года. Живёт в городе Шахты Ростовской области. У неё три дочери и восемь внуков. Каким же сюрпризом было, когда Наташа по пути в Динскую летом 2014-го заехала на своей машине ко мне вместе с дочерью и тремя внуками! Она проехала лишних 70 км пути, чтобы увидеться со мной!

Сейчас мы иногда созваниваемся, делимся печалями и радостями. В День станицы, 19 сентября 2015 года, в нашей семье произошло чудо: появились на свет сразу две внучки-крошечки, по 2,5 кг, и теперь у меня три внука и две внучки. Девчонки подросли, им уже по годику. У Наташи летом 2015-го родились внучка и правнук.

Жизнь продолжается! И думается, что с однокурсниками мы встретимся ещё не раз.

До новых встреч!

Татьяна КУН

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Смывает осень краски лета
Прохладным проливным дождём.
Земля до трещин разогрета –
Мы этот дождик долго ждём.

Как впитывает жадно влагу
Земля под дробный шум дождя!
И за порог сейчас ни шагу –
Гремит Перун, вдаль уходя.

Прогрохотал он, прокатился
На колеснице в небесах,
Вдали затих, остановился,
Поведав нам о чудесах.

Прошла гроза, и снова солнце
Сквозь тучи протянуло луч,
Блеснуло искрами в оконце
И выкатилось из-за туч.

Сверкают тысячи дождинок,
Повисли бусинами в ряд:
В вуали тонких паутинок,
Как огоньки, они горят.

Плутовка рыженькая, осень
Уже оставила следы –
Светлее стала неба просинь,
Собрались гуси у воды.

Склонила в речку ветви ива,
В воде проплыли облака.
Ах, до чего ж она красива!
И что-то шепчет ей река…

Наступит скоро «бабье лето» –
Чудесная пора в году!
Жаль, юность затерялась где-то,
А я всё чуда в жизни жду…

Ковёр в саду из листьев ярких
Скрывает тихие шаги.
Как долгожданные подарки,
Ты чувства наши береги!

Пусть листья падают, летят,
Ловлю любимый нежный взгляд…

12.09.2016 г.

Вера моя
православная

Василий МАКУХИН

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ СТАНИЦЫ СТАРОДЕРЕВЯНКОВСКОЙ

В документах архивного фонда Ставропольской духовной консистории, в клировой ведомости действующей Дмитриевской церкви села Александрии за 1891 год имеются следующие сведения:

Священник Георгий Петрович Андреев, 61 год, сын пономаря села Отказное Ставропольской губернии, по окончании полного курса наук в Кавказской духовной семинарии, в 1854 году уволен в Епархиальное ведомство с аттестатом второго разряда.

12 декабря 1854 года Преосвященным Иоанниакием, епископом Кавказским и Черноморским, рукоположен в дьякона, а 19 декабря – в священника в станицу Стародеревянковскую Кубанской области. С 1868 года по 26 августа 1872 года проходил по выбору духовенства, с утверждением Епархиального начальства, должность духовника.

В 1872 году за долговременное и усердное прохождение пастырской обязанности награждён набедренником; 26 августа 1872 года по прошению переведён на настоящее место, с 1874 по 1884 годы состоял законоучителем в местной школе ведомства Министерства народного просвещения. С марта 1876 года, по избранию духовенства 15 десятка Ставропольского округа, состоял депутатом окружных съездов; а в 1877 году за ревностное прохождение пастырской обязанности, при благочестивой жизни, удостоен благословления Св. Синода. 18 апреля 1881 года за отлично усердную службу по Епархиальному ведомству Высочайше награждён бархатной фиолетовой скуфьёй; 2 апреля 1886 года назначен заведующим местной церковно-приходской школы.

Определением Св. Синода от 9–29 апреля 1891 года за №976, за выслугу по духовному ведомству награждён ко дню Священного коронования их Величеств камилавкой. Имеет: крест в память войны 1853–1856 годов, грамоту на сан, свидетельство на набедренник, крест, скуфью, перехожий указ. Судим и штрафован не был. Пастырские обязанности исполняет усердно.

В семействе его: жена – Мария Семёновна, 54 лет; дети – Дмитрий, 37 лет, чиновник гражданского ведомства без должности; Василий, 31 год, без места и по болезни находится при отце; Ольга, 27 лет, в замужестве за псаломщиком; Пелагия, 25 лет; Иоанн, 18 лет, обучается в Ставропольской духовной семинарии, на иждивении отца; Агриппина, 16 лет, окончила курс в Епархиальном женском училище; Александра, 11 лет, обучается в Епархиальном женском училище.

В клировой ведомости Дмитриевской церкви села Александрии за 1898 год имеются следующие сведения:

Священник Георгий Петрович Андреев, 68 лет, вдов (Андреева Мария Семёновна, 60 лет, жена священника умерла 1897–1898 гг.)

В семействе его: дети – Дмитрий, 44 года, чиновник гражданского ведомства без места; Василий, 38 лет, по болезни живёт при отце; Пелагия, 32 года; Иоанн, 25 лет, священник; Агриппина, 23 года, в замужестве за чиновником; Александра, 18 лет, обучается в Епархиальном женском училище.

Священник Георгий Петрович Андреев скончался 10 декабря 1899 года.

В клировой ведомости Успенской церкви станицы Стародеревянковской Кубанского казачьего войска за 1870 год имеются следующие сведения:

Священник Георгий Петрович Андреев-Меньшов. Из духовного звания, пономарский сын...

По окончании курса в Кавказской духовной семинарии в 1854 году Георгий Петрович уволен в епархиальное ведомство и причислен ко второму разряду воспитанников семинарии. 12 декабря 1854 года преосвященным Иоанникием, епископом бывшим Кавказским и Черноморским, рукоположен во диаконы; 19 декабря 1854 года тем же Преосвященным рукоположен во священники к Успенской церкви в станицу Стародеревянковскую войска Черноморского. По прошению священник Георгий Петрович Андреев-Меньшов переехал 2 августа 1872 года в Александрию Благодарненского уезда Ставропольского края.

Род по линии Андреевых продолжился с его дочери Агриппины Георгиевны Андреевой, которая вышла замуж в 1896 году за выпускника Петербургского лесного Императорского института Зайцева Павла Васильевича. В селе Александрия в 1898 году родился их единственный ребёнок Георгий. Остальные доношенные дети умирали сразу после родов (похоже, Rе-фактор). В это время умерли родители Павла Васильевича, и он с женой и ребёнком уезжает в Петербург.

Зайцев Павел Васильевич служил податным инспектором 2-го участка Санкт-Петербурга,

имел статус статского советника, награждён орденом Станислава II степени. По непонятной причине Павел Васильевич отдаёт учиться своего единственного сына в Челябинское реальное училище, которое Георгий окончил примерно в 1915 году. В 1915 году Зайцев Георгий Павлович приехал поступать в Петербургский политехнический институт, но в это время шла война с германцами, и студентов стали мобилизовывать на фронт. Большими усилиями Георгия Павловича удалось направить в порядке мобилизации в Мурманск, на строительство Мурманской железной дороги, после этого – на строительство Кольской военной базы, поскольку он был хорошим чертёжником (это благодаря Челябинскому реальному училищу). В 1918 году его демобилизовали.

К этому времени его отца, Зайцева Павла Васильевича (в сентябре 1917 года) направили служить в Екатеринодар (Краснодар). В 1918–1920 годы он часто выступал на заседаниях Правительства Кубанского края. В эти годы шла жесточайшая борьба белых и красных. Зайцева Павла Васильевича перевели из Петрограда на должность податного инспектора 1-го участка города Екатеринодара Екатеринодарской казённой палаты Министерства финансов. В 1919 году был назначен исполняющим должность помощника заведующего Отделом прямых налогов. После установления Советской власти в городе Екатеринодаре, в марте 1920 года работал в Кубано-Черноморском областном финансовом отделе. В 1923 году был награждён именными серебряными часами с надписью: «Финансовому инспектору Кубано-Черноморского ОбФО Зайцеву П.В. от Наркомфина СССР. 1923 год. ОбФО (Краснодар)».

Георгий Павлович плавал на землечерпалке, работал в автомастерских, был сборщиком налогов. В 1923 году его отец, Павел Васильевич Зайцев, был награждён именными серебряными часами от имени Министерства финансов СССР. После этого его жизненный путь обрывается – он умер якобы от прободения язвы желудка. Никаких следов в Министерстве финансов по причине его смерти нет ни в Краснодаре, ни в Москве. Не исключено, что его или репрессировали красные, или убили белые.

Георгий Павлович увозит свою маму, Агриппину Георгиевну Андрееву, в Ленинград, где сам стал учиться и работать. Георгий Зайцев в 1924 году поступает в Ленинградский технологический институт, который окончил в 1930-ом. Он с женой и матерью уезжает по направлению правительства в Запорожье, на Днепроспецсталь. В 1938 году родилась его дочь, Нина Георгиевна Зайцева – тоже единственный ребёнок в семье. Когда началась Великая Отечественная война, Георгий Павлович с заводом уехал в Сталинск-Кузнецкий, в Сибирь.

Власова Елена Георгиевна родилась в 1903 году в деревне Барсково Владимирской губернии. Родители из крестьян. Отец, Георгий Петрович, родился в 1870 году. До 1903 года работал плотником в Москве, всю остальную жизнь – телеграфистом на Северной железной дороге. Умер в 1940 году. Её мать, Власова Агапия Яковлевна – домохозяйка, родила шестерых детей: Пётр, 1894 г.р., Зинаида, 1898 г.р., Наталья, 1900 г.р., Елена, 1903 г.р., Александра, 1905 г.р., Антонина, 1909 г.р. Сын Пётр – дважды Георгиевский кавалер, погиб в 1914 году. Дочери перебрались в Петроград, Елена стала врачом, Александра – корректором в типографии, Антонина – инженером, жила с сыном в Новосибирске, Наталья – техником на заводе. Зинаида вышла замуж за грека Стратини, родила двоих сыновей, жила в Одессе .

Власова Елена Георгиевна в 1915 году уехала учиться в Петроградский мединститут, окончила его в 1930 году. Вышла замуж за Зайцева Георгия Павловича, которого направили после Политехнического института в Запорожье, родила двух девочек: первая умерла от скарлатины, вторая – Нина Георгиевна Зайцева, родилась в 1938 году. Зайцева Елена Георгиевна до войны работала в железнодорожной поликлинике врачом-терапевтом, во время Великой Отечественной войны была призвана в эвакогоспиталь №1626 вместе с дочерью и матерью, Агриппиной Георгиевной Зайцевой. Госпиталь отступал на Северном Кавказе до Моздока, где попал в плен к немцам.

Зайцев Георгий Павлович был эвакуирован с заводом в Сталинск-Кузнецкий (Сибирь), вернулся в Запорожье в 1944 году, уже после смерти своей матери. Георгий Павлович стал профессором, а Елена Георгиевна после войны болела и не работала. Жили в Киеве, Ленинграде, Новосибирске, Куйбышеве и Волгограде, где Георгий Павлович в 1979 году умер. Зайцева Елена Георгиевна переехала к дочери в Истру Московской области, где умерла в 1982 году и похоронена на старом городском кладбище.

Георгий Павлович Зайцев был очень порядочным человеком и не терпел всем известного подсиживания друг друга научными сотрудниками. Он сделал очень важное, мирового уровня открытие в области систем единиц, но его работы отказывались печатать советские журналы. А Георгий Павлович был истинным патриотом СССР и переживал, что приоритет в этой области наша страна потеряет. Потеряла, потому что Георгий Павлович Зайцев умер за рабочим столом в 1979 году. Его дочь, Шелкова (Зайцева) Нина Георгиевна, окончила Московской институт стали, была распределена в Истру, где родила четверых детей, спасая её с мужем угасающие Рода. Её муж, Шелков Николай Павлович родился 23 апреля 1938 года; окончил в 1962 году МАИ, работает в Центре космических исследований – разработчик космических аппаратов.

Здесь приведены сведения о священнике, в середине XIX века служившем в Успенской церкви станицы Стародеревянковской. Его судьба, судьба его близких пронеслись стрелой через столетия и жизнь нашей страны. Путь семьи от церковного священнослужителя до разработчика космических аппаратов впечатляет контрастами. А сколько ярких, знаменательных биографий людей, живших в нашей станице, просто скрыты вуалью времени...

Лариса ЯКИМЕНКО

ПОЗДРАВЛЕНИЯ (из истории

С Новым годом!

Невзирая на быстротечность времени, кое-что остаётся на память о прошлом. Даже спустя сотню лет, оказывается, как хорошо, что старинные открытки, передающие аромат эпохи, не были выброшены.

В России открытки были введены в обращение 1 января 1872 года. Открытки выпускали ко всем религиозным праздникам. Выпуском занимались разные издательства и фотоателье. Эскизы представляли безвестные художники. Однако принимали участие и маститые авторы: Кустодиев, Бенуа, Репин. Интересно работала в этом направлении художница Елизавета Бем, известность которой принесла детская серия открыток.

Талантливая, известная своими художественными работами, сестра последнего русского императора Николая Второго – Великая княгиня Ольга, тоже выполняла рисунки к поздравительным открыткам, которые издавались благотворительными обществами. На открытках изображались зимние пейзажи, ангелочки, катание на санях, пасхальные сюжеты, рассчитанные на все слои населения, от царского двора до глубинки.

Помимо рисунков, печатали и краткий текст поздравлений: «С Рождеством Христовым», «Христос Воскресе», «Рождественский привет из Петербурга».

Сложилось и представление об открытках того времени – они должны были быть высокохудожественными, но в то же время простыми, нарядными, весёлыми, как и сам праздник.

Например, на одной из открыток Елизаветы Бем крестьянские дети несут домой срубленную ёлочку. Есть темы на все времена: в заснеженном селе уютно вьётся дымок из печных труб, а в тёплых домиках готовятся встретить сочельник.

Вернисаж открыток интересен не только полиграфическим исполнением, но и текстом поздравлений. В основном, это пожелания здоровья, счастья. Интересуются успехами и

ИЗ РАЗНЫХ ВРЕМЁН
открытки)

жизнью родных и друзей. Написано, как будто бы вчера, хотя прошли десятилетия, и даже столетие...

У коллекционеров можно увидеть совершенно уникальные экземпляры. Например, в далёком 1946 году русский солдат прислал своей девушке открытки из поверженной Германии с традиционными для немцев сюжетами: с лыжницами, колокольчиками, цыплятами на пасхальных открытках. Если учесть, что в сороковые годы вся промышленность страны работала для фронта, то открытки явно довоенного выпуска.

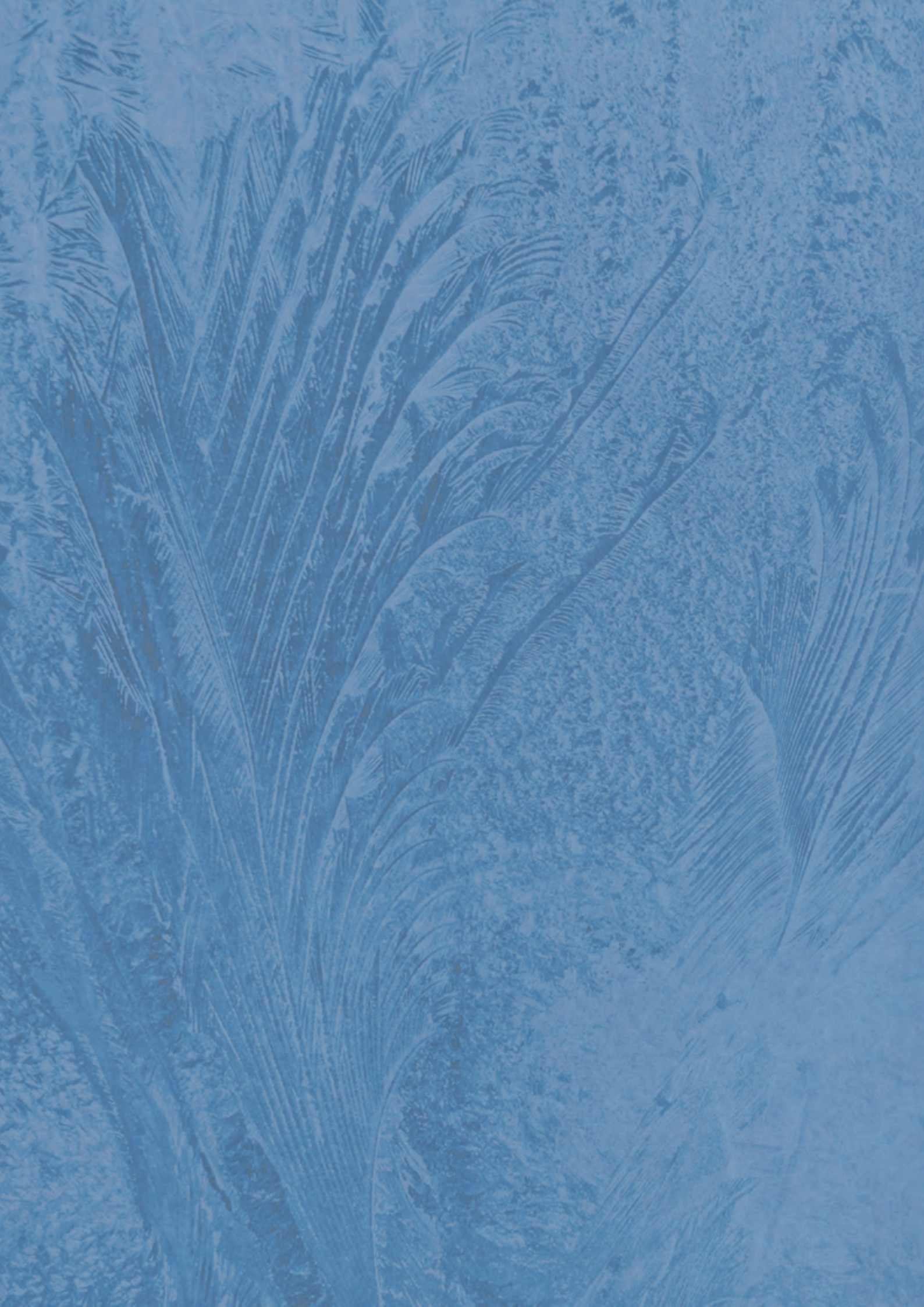
Открытки советского образца очень интересны тем, что все они были авторскими, даже выполненные в технике фотографии.

Современные открытки отличаются яркостью, пышностью технического исполнения, с поздравлениями в стихотворной форме.

Есть художники, которые и сейчас занимаются открытками. Интересное исполнение в технике акварели – у Надежды Хижкиной. Причём, сюжеты разнообразны.

Много сделали открыток Татьяна и Валерий Шабашовы.

В моде сейчас и так называемые открытки ручной работы, причём, выполненные в разных техниках: вышивка, аппликация, бисероплетение, рисунок. Преуспевает в создании подобных открыток Мария Вертепа – талантливая девушка из известной творческой династии.

Квитанции об уплате за телефонные разговоры и интернет никакой художественной ценности не представляют и вряд ли заинтересуют кого-то через сто лет. А вот такая художественно исполненная открытка переживёт века. Поэтому музейные работники призывают сохранять домашние архивы. Это не только история и быт вашей семьи, но и интересное путешествие в прошлое нашей страны.

С Новым годом!